

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МЕДИАЦИЯ:
СОВРЕМЕННОСТЬ, ИННОВАЦИОННОСТЬ,
ТЕХНОЛОГИЧНОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

16 апреля 2019 г.

Научное электронное издание

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2020

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

ISBN 978-5-288-06050-2

УДК 347.4
ББК 67.410.1

Ответственный редактор

Д. М. Богданова

(1,9 Мб) **Медиация: современность, инновационность, технологичность.** Материалы Международной междисциплинарной научно-практической конференции, 16 апреля 2019 г.

Издание подготовлено по результатам Международной междисциплинарной конференции «Медиация: современность, инновационность, технологичность», состоявшейся в Санкт-Петербургском государственном университете 16 апреля 2019 г. В сборнике представлены статьи авторов, участвовавших в секциях по темам «Правовые аспекты медиации и примирительных процедур», «Психологические и лингвистические аспекты медиации», «Социальные и политические аспекты медиации».

Издание предназначено для практикующих медиаторов, студентов, бакалавриантов, магистрантов, аспирантов и преподавателей, связанных со специальностью «Конфликтология».

Подписано к использованию 22.09.2020

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11.

Тел./факс +7(812) 328-44-22

E-mail: publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕДИАЦИИ И ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР

<i>Дюсебалиева С. С., Рябенко В. Н.</i> Внедрение медиативных технологий в работу нотариуса при рассмотрении наследственных споров.....	7
<i>Екимова С. В.</i> Роль омбудсмана в урегулировании споров в публичной сфере	15
<i>Кириллова Н. П.</i> Особенности примирительных процедур по уголовным делам частного обвинения.....	20
<i>Нахова Е. А.</i> Проблемы совершенствования примирительных процедур	26
<i>Солохин А. Е.</i> Правовые стимулы для использования медиации и других примирительных процедур в суде.....	30

РАЗДЕЛ 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИАЦИИ

<i>Березкин А. В., Тарасова Ю. Н., Крицкая С. Ю.</i> Греческая и латинская терминология в римской медиации.....	38
<i>Brzobohatý R.</i> Involvement of children in mediation — therapeutic and human rights approaches.....	45
<i>Бриль М. С., Пегашова С. О.</i> Профессиональное выгорание и его профилактика у практикующих медиаторов	52
<i>Иванова Е. Н.</i> Язык медиации.....	58
<i>Repina T. Yu.</i> Interrelation of mediation and language in the domain of professional university education.....	63
<i>Ульяновский А. В., Ульяновская С. Н.</i> Психологическая безопасность: опыт внедрения медиации в школе	70
<i>Шахторина Е. В.</i> Возможности эмоционального интеллекта в медиации.....	81

РАЗДЕЛ 3. СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В МЕДИАЦИИ

<i>Келасьев О. В.</i> Особенности конфликтологического консультирования социально уязвимых групп	89
<i>Koltsaki E.</i> Greece Reforms on Mediation “The Great Expectations”	96
<i>Kováč E.</i> Mediation as an alternative social law solution to social conflicts and its application in social practice	102
<i>Лаврова Н. М., Лавров В. В., Лавров Н. В.</i> Алгоритм урегулирования конфликтов с применением социальных роботов	108
<i>Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я.</i> Образ России как предмет политической медиации	114
<i>Мешкова Е.</i> Специфика семейного посредничества	121
<i>Сунами А. Н., Суязова Д. С.</i> Роль школьной медиации в популяризации прикладной конфликтологии в России.....	130
Программный комитет	135
Рецензенты	135

CONTENTS

SECTION 1. LEGAL ASPECTS OF MEDIATION AND CONCILIATION PROCEDURES

<i>Dyussebalieva S. S., Ryabenko V. N.</i> The introduction of mediation technologies in the work of a notary in the consideration of hereditary disputes.....	7
<i>Ekimova S. V.</i> The role of the Ombudsman in dispute settlement in the public sphere	15
<i>Kirillova N. P.</i> Peculiarities of conciliation procedures on criminal cases of private prosecution.....	20
<i>Nakhova E. A.</i> The problems with improvement of conciliation procedures	26
<i>Solokhin A. E.</i> Legal incentives for using mediation and other conciliation procedures in court	30

SECTION 2. PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF MEDIATION

<i>Berezkin A. V., Tarasova Yu. N., Critskaya S. Yu.</i> Greek and Latin terms in Roman mediation	38
<i>Brzobohatý R.</i> Involvement of children in mediation — therapeutic and human rights approaches.....	45
<i>Bril M. S., Pegashova S. O.</i> Practicing mediators' professional burnout and its prevention.....	52
<i>Ivanova E. N.</i> Language of mediation	58
<i>Repina T. Yu.</i> Interrelation of mediation and language in the domain of professional university education.....	63
<i>Ulianovskii A. V., Ulianovskaia S. N.</i> Psychological safety: experience in implementing mediation at school.....	70
<i>Shakhtorina E. V.</i> Possibilities of emotional intelligence in mediation	81

SECTION 3. SOCIAL AND POLITICAL ASPECTS OF MEDIATION

<i>Kelasyev O. V.</i> Features of conflict counseling for socially vulnerable groups.....	89
<i>Koltsaki E.</i> Greece Reforms on Mediation “The Great Expectations”	96
<i>Kováč E.</i> Mediation as an alternative social law solution to social conflicts and its application in social practice	102
<i>Lavrova N. V., Lavrov V. V., Lavrov N. V.</i> Algorithm for resolving conflicts with the usage of social robots.....	108
<i>Melnik G. S., Misonzhnikov B. Ya.</i> The image of Russia as a subject of political mediation	114
<i>Meshkova E.</i> The specifics of family mediation	121
<i>Sunami A. N., Suyazova D. S.</i> Role of school mediation in applied conflict studies promotion in Russia	130
Program Committee.....	135
Reviewers.....	135

Раздел 1

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕДИАЦИИ И ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР

ВНЕДРЕНИЕ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТУ НОТАРИУСА ПРИ РАССМОТРЕНИИ НАСЛЕДСТВЕННЫХ СПОРОВ

С. С. Дюсебалиева

*канд. юрид. наук, ассоциированный профессор,
Атырауский государственный университет им. Халела Досмухамедова,
Республика Казахстан, 060011, Атырауская обл., г. Атырау, пр. Студенттер, стр. 1.
bakha2001@mail.ru*

В. Н. Рябенко

*бакалавр конфликтологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.
viktoriya_ryabenko@mail.ru*

Аннотация: В работе рассмотрена необходимость внедрения института медиации в нотариальную деятельность при разрешении споров, возникающих в наследственном праве. Медиативные технологии расширяют возможности нотариата, использование их на практике позволяет находить в конфликтной ситуации точки соприкосновения между сторонами, восстанавливать психологический климат и приводить стороны к взаимоприемлемому соглашению, ориентируясь на их интересы, а не позиции. Применение медиативных технологий в наследственных делах повысит эффективность деятельности нотариуса.

Ключевые слова: медиативные технологии, медиация, нотариат, наследственные споры, наследственное право.

THE INTRODUCTION OF MEDIATION TECHNOLOGIES IN THE WORK OF A NOTARY IN THE CONSIDERATION OF HEREDITARY DISPUTES

S. S. Dyussebalieva

*Candidate's degree in Jurisprudence, Associate professor in Jurisprudence
Khalel Dosmukhamedov Atyrau State University,
1, pr. Studentter, Atyrau, 060011, Republic of Kazakhstan.
bakha2001@mail.ru*

V. N. Ryabenko

*Bachelor of Conflictology
St. Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
viktoriya_ryabenko@mail.ru*

Abstract: The article discusses the need for introduction of institution of mediation in notarial activities in resolving disputes arising in the inheritance law. Mediation technologies expand the possibility of notary, using them in practice allows finding contact points between parties in a conflict situation, restoring the psychological climate and leading the parties to a mutually acceptable agreement, focusing on their interests but not positions. The using of mediation technologies in hereditary disputes will increase the efficiency of the notarial activities.

Keywords: mediation technologies, mediation, notary, hereditary disputes, inheritance law.

В последние годы все чаще затрагивается вопрос связи нотариата и медиации и внедрения одного института в другой. И хотя пока в основном речь идет о нотариальном заверении медиативного соглашения, возрастает интерес к внедрению медиативных технологий и самой процедуры медиации в практическую деятельность нотариусов. Федеральная нотариальная палата Российской Федерации пытается внедрять медиацию в курсы повышения квалификации своих специалистов¹. Подобной практикой занимается и Республика Казахстан, где нотариус благодаря поправкам, внесенным в закон «О нотариате»² в 2016 г., получил право проводить примирительные процедуры. Однако, как показывает практика, на данный момент принятые новшества почти не используются. В связи с этим не теряет актуальности проблематика внедрения и применения медиативных технологий в нотариальной практике.

Как известно, латинская система нотариата, к которой относятся и Россия, и Казахстан, является особой областью юридической деятельности, существующей в сфере бесспорной юрисдикции. Главная задача нотариуса — предотвратить конфликт и обращение в суд. Кроме того, в соответствии со своим правовым статусом нотариус является беспристрастным³, что делает его деятельность близкой к деятельности медиатора. На этом сходства двух практик не заканчиваются: анализируя Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»⁴ и «Основы законо-

¹ Официальный сайт Федеральной нотариальной палаты. URL: <http://russrules.ru/news/osnovnye-pravila-formleniya-bibliog.html> (дата обращения: 3.05.2019).

² Закон Республики Казахстан «О нотариате» от 14 июля 1997 г. № 155-І. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008028 (дата обращения: 3.05.2019).

³ Базовые принципы системы Латинского нотариата. URL: <https://www.c-z-s.ru/doc/notariat/law/bazovyie-principiyi-sistemyi-latinskogo-notariata.-utverzhd.pdf> (дата обращения: 3.05.2019).

⁴ Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

дательства Российской Федерации о нотариате»⁵, можно обнаружить сходство многих принципов. Принципами проведения процедуры медиации, согласно ст. 3 закона о медиации, выступают взаимное волеизъявление сторон (добровольность), конфиденциальность, равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора. А в соответствии со ст. 5 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» нотариус беспристрастен и независим в своей деятельности, ему запрещается разглашать сведения, которые стали известны в связи с совершением нотариальных действий. Также нотариус заверяет документы в отсутствие спора между сторонами, иными словами, их добровольно принятые решения.

Одной из обязанностей нотариуса, наряду с содействием в осуществлении их прав физическим и юридическим лицам, является разъяснение им прав, обязанностей и правовых последствий совершаемых нотариальных действий [Ильичева, 2015, с. 11–12]. В ходе консультаций нередко возникают разногласия между обратившимися сторонами. При возникновении споров деятельность нотариуса не может быть продолжена, так как необходимо обращение в суд для разрешения существующего конфликта. С конфликтными ситуациями, многие из которых перенасыщены эмоциями, нотариусы сталкиваются ежедневно, что, безусловно, препятствует выполнению ими должностных функций. Медиация же расширяет полномочия и возможности нотариуса, позволяя ему удовлетворить и частные, и социальные интересы одновременно; снизить эмоциональное напряжение и привести стороны к взаимоприемлемому соглашению [Алешина, 2015, с. 3–5]. И если нотариус будет владеть медиативными технологиями и коммуникативными инструментами, возможностью привлечь специалиста в области медиации, он сможет провести эффективную работу по удовлетворению интересов, сближению позиций и урегулированию возникшего спора в ходе выполнения им должностных обязанностей.

Отметим, что под медиативными технологиями мы понимаем инструменты, коммуникативные навыки, используемые в процедуре медиации: техники эффективной коммуникации, ведения партнерской беседы (эхо-техника, развитие идеи, рефрейминг, резюме, сообщение о восприятии), техники задавания вопросов, обратной связи, безобвинительного поведения, поддержки сторон, конструктивной конфронтации и т. д., а также некоторые функции медиатора: активное слушание, анализ конфликта, проверку на реалистичность, «адвокат дьявола», генерацию идей и формирование психологического климата [Карпенко, Осинковский (ред.), 2016, с. 201–208, 236–247].

При рассмотрении всего спектра деятельности нотариуса можно выявить, что использование медиативных технологий наиболее необходимо в следующих случаях [Загайнова, Тарасов, Яков, 2012, с. 61]:

- заключение брачного договора;
- раздел совместно нажитого имущества;
- удостоверение соглашения об уплате алиментов;
- удостоверение наследственных прав;
- раздел наследственного имущества.

Сфера наследственных правоотношений является одной из самых сложных, многоаспектных и конфликтогенных, поэтому в полной мере находится исключительно в ведении государственных нотариальных контор, лишая нотариусов, занимающихся частной практикой, полномочий на выдачу свидетельства о праве на наследство и принятие мер к охране наследственного имущества [Ильичева, 2015, с. 5–8].

Согласно судебной статистике судебного департамента при Верховном суде РФ за 2018 г., в сфере наследственного права было вынесено решение по 90 522 делам, среди которых иски

⁵ «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2019). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

о разделе наследственного имущества (1310), о признании завещания недействительным (1562), о признании недостойным наследником (547), об ответственности наследников по долгам наследователя (5213), о восстановлении срока для принятия наследства, о принятии наследства, о признании права на наследственное имущество (36483) и другие, связанные с наследованием (45407). По данным статистики видно, что наиболее часто споры возникают по вопросам принятия наследства и обязательств, при оспаривании завещания и разделе имущества, при отсутствии завещания.

Касательно оспаривания завещания, чаще всего встречаются иски о признании завещания недействительным по основаниям, предусмотренным ст. 177 Гражданского кодекса⁶ РФ (Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими) [Шишкина, 2009, с. 4].

Интересен тот факт, что из исков о признании завещания недействительным большая часть не удовлетворена (1111), что говорит о качественно выполненной работе нотариусов при составлении завещаний, а также об отсутствии удовлетворенности интересов сторон, которой можно было избежать, применяя медиативные технологии как на этапе составления завещания, прибегая к проверке желаний завещателя на реалистичность, так и на этапе принятия наследства, «вентилируя» эмоции сторон, совершая переход от позиций к интересам и применяя технику «адвокат дьявола».

Среди всех вышеупомянутых дел обращение в суд могло быть предотвращено нотариусом, прибегнувшим к процедуре медиации или использовавшим медиативные технологии при принятии и разделе имущества и при определении круга наследников.

Обратимся к ежедневной практике, а именно к вопросам, которые могут быть эффективно урегулированы при использовании медиативных технологий. К таковым следует отнести оформление завещания, принятие наследства по завещанию, раздел наследуемого имущества, прав и обязательств и определение круга наследников. Безусловно, практически все возникающие проблемы регулируются существующим законодательством, определяющим четкий порядок действий в той или иной ситуации, однако закрепленная регламентация далеко не всегда способствует урегулированию спора. Формальное разрешение сложившихся противоречий крайне редко способствует примирению сторон и удовлетворению их истинных интересов, скрывающихся за первоначальными позициями. Рассмотрим подробнее специфику каждой ситуации отдельно.

Как известно, существует две формы наследования: по завещанию и без него — по закону. Основная задача этого документа заключается в обеспечении безопасности воли нынешнего владельца имущества после его смерти. Подобная сделка легко заключается, может быть неоднократно изменена и сохраняет за человеком все права на его имущество до конца жизни, однако есть ряд отрицательных моментов. Завещание не дает полную гарантию того, что воля завещателя будет выполнена. Как показывает практика, завещание — самый часто оспариваемый документ, особенно если в нем указаны не родственники, а иные лица. Также существует круг лиц, у которых есть обязательная доля в наследстве, завещание не может лишить их права наследования [Ильичева, 2015, с. 25–26].

На территории Российской Федерации признаются три вида завещаний: нотариально заверенное завещание, составленное нотариусом со слов завещателя и удостоверенное нотариусом; нотариально заверенное завещание, написанное завещателем и удостоверенное нотариусом; завещание, приравненное к нотариальному завещанию (заверенное должностным лицом в присутствии свидетелей) [Ильичева, 2015, с. 30–32]. Первые две формы сделки проходят при непосредственном участии нотариуса, значит, с помощью использования медиативных технологий может быть снижен риск того, что завещание в дальнейшем будет оспорено.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Какие именно приемы и инструменты могут быть применены? Как правило, весь набор техник и функций медиатора используется в совокупности, без выделения одной-двух основных. Только при таком условии эффективность работы будет возрастать. Чаще всего завещатель делит свое имущество между родственниками, стремясь предотвратить конфликты между ними после собственной смерти, однако встречаются случаи, когда наследники первого-второго порядка (дети, супруги, родители и братья, сестры, дедушки, бабушки)⁷ исключаются из завещания, а все имущество по воле завещателя отходит к третьим лицам. Такое волеизъявление является наиболее конфликтогенным и самым часто оспариваемым, что, естественно, следует донести до человека, распределяющего наследство. Как правило, причиной его решения служит обида на родных и отсутствие доверия к ним, что может быть проработано техниками поддержки и слушания с постоянной «вентиляцией» эмоций [Иванова, 2008]. Снизив эмоциональный накал, нужно проверить волю завещателя на реалистичность и проверить последствия его решения, иными словами, помочь человеку понять, к каким нежелательным последствиям приведет его решение и каким образом можно их избежать.

Следующая проблемная стадия — принятие наследства по завещанию. Как уже было сказано, на практике наличие этого документа далеко не всегда предотвращает конфликты между наследниками, даже если затрагивает исключительно наследников первой очереди. Обиженные несправедливым, на их взгляд, распределением имущества усопшим, стороны начинают эмоционально конфликтовать еще в кабинете нотариуса. Справиться с подобной ситуацией неподготовленному человеку очень сложно: даже если законодательство позволяет нотариусу прибегнуть к примирительным процедурам, споры с требованием признать завещание недействительным нередко перемещаются в суд. Судебное разбирательство доводит конфликт до эскалации, что делает его сложно регулируемым, более того, судебные решения затрагивают только предмет спора, конфликт же является незавершенным, так как включает в себя более широкий круг взаимоотношений. Процедура медиации, в свою очередь, учитывает не только узкую область спора, заключающую в себе обладание наследуемыми правами и имуществом, но и все остальные конфликтные взаимоотношения, сопровождающиеся бурными эмоциями и обидами [Бессонова, 2013].

Интересен тот факт, что люди, активно борющиеся за свою долю в наследуемой массе, нередко совершенно не заинтересованы в наследстве. Они декларируют свои права на определенную часть имущества, которое на деле оказывается им ненужным. Это является первоначальной позицией, требованием, за которым скрываются истинные интересы, например компенсация недостатка внимания покойного; желание «насолить» родственникам, включенным в наследство, скрывающее долгие и глубокие обиды; сохранение частички умершего дорогого человека и т. д. Выявление скрытых интересов и дальнейшая ориентация на них будут способствовать налаживанию отношений между сторонами, следовательно, их примирению и, возможно, перераспределению наследства в частном порядке после его принятия в кабинете нотариуса.

Ко второй группе проблемных случаев можно отнести раздел наследства, не регулируемый завещанием. Споры по этой категории возникает так же много, как и по первой. Особую сложность в данном вопросе представляет определение наследуемой массы, так как ранее она не была указана. В соответствии с законодательством в наследство входят имущество и имущественные права и обязанности, личные неимущественные права (право на участие в делах акционерного общества, включая право голоса и право на информацию при условии наследования акций, а также право на участие в делах общества или товарищества при условии наследования доли уставного капитала), права интеллектуальной собственности и средства индивидуализации. Ис-

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс». — Ст. 1142, 1143.

ключаются из состава наследственной массы права и обязанности, неразрывно связанные с личностью, и государственные награды, на которые распространяется законодательство о государственных наградах [Нестерова, 2016, с. 49]. Также из наследуемой массы исключаются оружие и взрывчатые вещества, оказавшиеся частью имущества умершего. Эти предметы передаются по особой описи органам внутренних дел [Лиманский, 2006, с. 321–322].

При отсутствии завещания также встает вопрос об определении круга наследников. Их как основных субъектов наследственного правопреемства можно классифицировать по многим основаниям. Например, по гражданско-правовому статусу можно выделить четыре группы: физические лица, юридические лица, публично-правовые образования и международные организации [Нестерова, 2016, с. 56–59]. По порядку наследования выделяются семь очередей⁸, основными из которых являются первые три. Нельзя не учитывать лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве. В соответствии со ст. 1149 ГК РФ к ним относятся несовершеннолетние дети наследодателя, нетрудоспособные дети, родители и супруг наследодателя, а также нетрудоспособные иждивенцы.

В этой группе вопросов — наследования по закону — имеют место конфликты с той же сутью, что и в группе вопросов наследования по завещанию, хотя предмет спора может отличаться. Нередко усложняют ситуацию аспекты, меняющие долю наследования и круг наследников, например порядок наследственной трансмиссии.

Столь сложные вопросы определения наследственной массы и круга наследников, а также все вытекающие последствия зачастую требуют профессионального конфликтологического вмешательства, способствующего эффективному поиску решения сложившейся конфликтной ситуации, так как обойтись собственными силами бывает невозможно.

При рассмотрении медиации в юрисдикционной плоскости выделяют две модели: частную и интегрированную. Первая подразумевает самостоятельный вид деятельности по урегулированию споров, то есть работу специалиста в области медиации с конфликтом, вторая — форму деятельности юрисдикционных органов, включая нотариат, направленную на примирение сторон в ходе юридического процесса. Иными словами, человек, основной работой которого является государственная юридическая деятельность, в ходе выполнения своих функций прибегает к процедуре медиации [Загайнова, Тарасов, Яков, 2012, с. 19–21].

Опираясь на указанные выше модели медиации, предлагаем рассмотреть три возможных варианта внедрения медиативных технологий в нотариальную практику:

1. Обучение нотариусов медиативным технологиям.

Поскольку нотариус выполняет превентивную функцию — предотвращает обращение в суд, обучение данной категории лиц медиативным технологиям, что уже пытаются применять и в России, и в Казахстане, поспособствовало бы более эффективной работе нотариуса и повышению его авторитета. В повседневной практике нотариус сталкивается со сложными задачами как в содержательном, так и в психологическом плане, в частности в делах наследственного права. Обучение этой категории юристов специальным приемам и техникам позволит оказать компетентную помощь клиенту, опираясь на его интересы, а также защитит самого нотариуса от профессионального выгорания, вызванного эмоциональной перегрузкой. К сожалению, внедрение медиации в нотариальную практику в обеих странах на данном этапе находится на низком уровне [Дячук, 2014].

Данный вариант находится за рамками выделения частной и интегрированной медиации, так как не предполагает непосредственного применения процедуры, речь идет лишь об использовании техник и инструментов, реализуемых в медиации.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс». — Ст. 1142–1145.

2. Проведение нотариусами процедуры медиации.

Здесь имеется в виду использование интегрированной медиации при совершении нотариального действия. То есть с согласия сторон, соблюдая все принципы процедуры медиации (добровольность, равноправие, конфиденциальность и нейтральность), нотариус, следуя по стадиям способа конфликторазрешения, помогает субъектам спора достичь взаимоприемлемого соглашения, которое впоследствии при необходимости заверяется нотариально.

Касательно дел, связанных с наследственными правоотношениями, медиация, реализованная в процессе, избавит от необходимости обращаться в судебные органы, работающие с позицией и, как правило, оставляющие истинные интересы сторон без внимания.

3. Приглашение стороннего медиатора.

Еще один способ внедрения медиативных технологий в нотариальную практику обращается к частной медиации, предполагая, с согласия сторон, привлечение стороннего специалиста по урегулированию конфликтов в сложных случаях, где невозможно удовлетворить интересы правовыми нормами, например в конфликтах по поводу раздела наследства. Результатом процедуры медиации в таком случае будет являться медиативное соглашение, с которым стороны могут вернуться к нотариусу для его закрепления.

Подводя итог, следует еще раз отметить, что нотариальная деятельность и деятельность медиатора находят множество пересечений, выражающихся как в принципах работы, так и в превентивной функции. Схожесть двух практик способствует их взаимопроникновению друг в друга, в частности облегчает внедрение медиативных технологий в работу нотариуса.

Из всего спектра выполняемых нотариусом функций отдельно стоит вынести вопросы наследственного права: составление завещания, принятие и раздел наследуемого имущества и т. д. Эта сфера деятельности является более конфликтной, требующей особого подхода, не ограниченного правовыми нормами, регулирующими деятельность нотариуса. Медиативные технологии, используемые в этих делах, способны расширить возможности нотариата, сделав его эффективнее, чем он есть в настоящий момент, а также повысить его авторитет в глазах граждан.

Библиографический список

- Алешина Т. Е.* Институт нотариата и медиации как способы охраны прав: общий аспект // Медиация: перспективы развития: сборник статей. М.: ВГУЮ (РПА Минюста России). 2015. С. 3–5.
- Бессонова В. В.* Медиация — инновационная технология становления гражданского общества: научное издание. Чита: ЗабГУ, 2013.
- Дячук М. И.* Перспективы развития института медиации в нотариальной деятельности Казахстана // Архив научных публикаций. URL: http://www.rusnauka.com/9_NND_2014/Pravo/9_164251.doc.htm (дата обращения: 9.05.2019).
- Иванова Е. Н.* Коммуникативные инструменты конфликтолога. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2008.
- Ильичева М. Ю.* Нотариальные дела. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015.
- Лиманский Г. С.* Наследственное правоотношение: теоретико-методологические и практические проблемы: монография. М.: Издательская группа «Юрист», 2006.
- Медиация в нотариальной деятельности: практическое пособие / отв. ред. С. К. Загайнова, Н. Н. Тарасов, В. В. Яков. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
- Медиация: учебник / под ред. А. Д. Карпенко, А. Д. Осинковского. М.: Статут, 2016.
- Нестерова Т. Ю.* Проблемы наследственного права: учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2016.
- Шишкина Н. П.* Юридическая наука и практика в вопросах реализации норм наследственного права // Проблемы наследственного права: материалы научно-практической конференции / под ред. В. И. Леонтьева, С. Ф. Феоктистова. Чита. 2009. С. 4–15.

References

- Aleshina T. E. The Institute of Notary and Mediation as a means of protection of rights: a general aspect. *Mediatsiya: perspektivy razvitiya: sbornik statey (Mediation: development prospects: a collection of articles)*. Moscow, VGUYU (RPA Minyusta Rossii) Press, 2015, pp. 3–5. (In Russian)
- Bessonova V. V. *Mediatsiya — innovatsionnaya tekhnologiya stanovleniya grazhdanskogo obshchestva: nauchnoye izdaniye (Mediation — an innovative technology of the formation of civil society: a scientific publication)*. Chita, ZabGU Press, 2013. (In Russian)
- Dyachuk M. I. *Prospects for the development of the institute of mediation in notarial activities of Kazakhstan*. URL: http://www.rusnauka.com/9_NND_2014/Pravo/9_164251.doc.htm (accessed: 9.05.2011). (In Russian)
- Ilyicheva M. Y. *Notarial'nyye dela (Notary affairs)*. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2015. (In Russian)
- Ivanova E. N. *Kommunikativnyye instrumenty konfliktologa (Communicative tools of conflictologist)*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo Publ., 2008. (In Russian)
- Limanskiy G. S. *Nasledstvennoye pravootnosheniye: teoretiko-metodologicheskiye i prakticheskiye problemy. Monografiya (Inheritance relationship: theoretical, methodological and practical problems. Monograph)*. Moscow, Izdatel'skaya gruppa "Yurist" Publ., 2006. (In Russian)
- Mediatsiya: Uchebnik (Mediation: Tutorial)*, ed. by Karpenko A. D., Osinovskiy A. D. Moscow, Statut Publ., 2016. (In Russian)
- Nesterova T. U. *Problemy nasledstvennogo prava: ucheb. posobiye (Problems of inheritance law: tutorial)*. Chita, ZabGU Press, 2016. (In Russian)
- Shishkina N. P. Legal science and practice in the implementation of the rules of inheritance law. *Problemy nasledstvennogo prava: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Problems of inheritance law: Materials of the scientific-practical conference)*. Chita, 2009, pp. 4–15. (In Russian)
- Zagaynova S. K., Tarasov N. N., Yakov V. V. *Mediatsiya v notarial'noy deyatel'nosti: prakticheskoye posobiye (Mediation in notarial activities: a practical guide)*. Moscow, Infotropik Media Publ., 2012. (In Russian)

РОЛЬ ОМБУДСМЕНА В УРЕГУЛИРОВАНИИ СПОРОВ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ

С. В. Екимова

Начальник юридического отдела

*Аппарат Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге,
Российская Федерация, 191002, Санкт-Петербург, Щербаков пер., д. 1–3.*

ekimova@ombudsmanspb.ru

Аннотация: В статье рассматривается положительный практический опыт применения примирительных процедур, в частности медиации, в деятельности аппарата Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге. Анализируются возможности внедрения медиации в повседневную, текущую работу аппарата Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге и роль омбудсмана в разрешении конфликтов в публичной сфере.

Ключевые слова: примирительные процедуры, институт омбудсмана, медиация, защита прав человека и гражданина.

THE ROLE OF THE OMBUDSMAN IN DISPUTE SETTLEMENT IN THE PUBLIC SPHERE

S. V. Ekimova

Head of the legal department

*Office of the Human Rights Ombudsman for Saint Petersburg,
1–3, Sherbakov lane, St. Petersburg, 191002, Russian Federation.*

ekimova@ombudsmanspb.ru

Abstract: The article examines positive practical experience of the application of reconciliation procedures, particularly mediation, in the activities of the apparatus of the Human Rights Ombudsman for Saint Petersburg. The possibilities of introducing mediation into the daily ongoing work of the apparatus of the Human Rights Ombudsman for Saint Petersburg and the role of the Ombudsman in dispute settlement in the public sphere are analyzed.

Keywords: reconciliation procedures, Ombudsman Institute, mediation, protection of human and civil rights.

Специфика конфликтов в публичной сфере заключается в том, что одна из сторон наделена властными полномочиями, и в подобных спорах эффективному взаимодействию власти и общества, на мой взгляд, может способствовать институт омбудсмана (термин «омбудсмен» появился в Швеции, где он первоначально использовался для обозначения государственного служащего, назначавшегося для рассмотрения жалоб граждан на действия государственных учреждений)¹.

Опираясь на 20-летний стаж в юридической профессии и уникальный опыт работы в аппарате Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге (далее — Уполномоченный), могу с уверенностью заявить, что еще до знакомства с основами медиации и альтернативными технологиями урегулирования споров аппарат Уполномоченного применяет их в своей деятельности.

¹ Омбудсмен ООН и посреднические услуги. URL: <https://www.un.org/ru/ombudsman/> (дата обращения: 14.06.2020).

10 лет профессиональной деятельности в аппарате Уполномоченного подтверждают, что для успешной работы в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина требуется не только быть профессионалом в области права, но и уметь выстраивать конструктивный диалог между субъектами с часто противоположными интересами, разрешать коммуникативные конфликты, преобразуя противостояние в содержательное и плодотворное сотрудничество.

В нашей ежедневной работе, особенно при возникновении каких-то напряжений в социальной сфере, Уполномоченного довольно часто пытаются привлечь в качестве своеобразного медиатора, посредника, а значит, помощника в разрешении конфликта.

Однако иногда складываются ситуации, когда ощущаешь свое полное бессилие при обращении за помощью граждан, исчерпавших все средства защиты — и административные, и судебные, — а желаемого результата гражданин не получил.

Возникает вопрос: а почему бы гражданину не использовать возможности досудебного разрешения своего спора? В этом случае, конечно, надо будет выслушать и другую сторону конфликта, а такой стороной, с учетом специфики института омбудсмана, будет государственный орган.

Однако медиация как способ разрешения конфликтов не прописана в законах об уполномоченных по правам человека. Вместе с тем, если предположить, что в рамках соглашений о сотрудничестве, которые заключают уполномоченные с государственными структурами, будет закреплена возможность решать спорные ситуации с помощью медиации и будет выработан механизм такого решения, возможно, это станет важным событием, которое позволит во многом снизить напряженность в обществе.

В настоящее время обеспечению развития примирительных процедур, включая медиацию, уделяется достаточно внимания, сформирован необходимый правовой фундамент для их применения во всех сферах общественной жизни.

Представляется, что применение медиации государственными органами в своей деятельности не только способствует диалогу между гражданами и государством, но и служит участникам спорных правоотношений хорошим примером того, как следует разрешать возникающие разногласия. Опыт работы Уполномоченного по правам человека в Пермском крае², как и опыт применения медиации по делам, возникающим из публичных правоотношений, в зарубежных странах [Севастьянов, 2009], позволяет сделать несколько следующих выводов:

- приоритетной целью проведения медиации по публично-правовым спорам является не столько урегулирование уже возникших противоречий, сколько предупреждение и предотвращение каких-либо споров в дальнейшем;
- в качестве одной из важных задач можно рассматривать снижение затрат на разрешение рассматриваемой категории споров и сокращение количества дел, передаваемых в суд;
- порядок проведения медиации по публично-правовым спорам отличается существенной спецификой, так как свобода участников процедуры медиации (в том числе в отношении принятия решения) ограничена императивными нормами публичного права.

В июле 2019 г. были приняты федеральные законы³, призванные внедрить в систему правосудия способы урегулирования споров посредством использования примирительных про-

² Материалы научно-практической конференции 27–28 марта 2012 г. «Медиация как культура согласия и ресурс развития регионов России», Уполномоченный по правам человека в Пермском крае, Пермский краевой суд, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Ассоциация медиаторов Пермского края, Центр гражданского анализа и независимых исследований «ГРАНИ», Совет муниципальных образований, при поддержке Правительства Пермского края.

³ Федеральные законы от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», № 198-ФЗ «О внесении изменений в статью 333.40 части второй Налогового кодекса Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» и Федеральный конституци-

цедур, помимо медиации, введены переговоры и судебное примирение. Данная система позволит сторонам с большей эффективностью приходить к взаимоприемлемому урегулированию споров, что положительным образом скажется не только на оптимизации судебной нагрузки, но в первую очередь на снижении конфликтности, укреплении социальных и деловых связей, развитии партнерских отношений и повышении правосознания граждан.

Дальнейшему развитию медиативных технологий в России будет способствовать внедрение примирительных процедур, в том числе по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Представляется, что такой подход поможет сторонам в поиске взаимоприемлемого результата урегулирования спора либо (при его недостижении) сближению позиций сторон, в том числе и по спорам, где одной из сторон является государственный орган, орган местного самоуправления.

В условиях возрастающего количества споров с участием органов власти именно государство должно расширять возможности использования примирительных процедур для эффективного урегулирования споров со своим участием, в том числе в целях укрепления авторитета органов государственной власти, повышения доверия к ним.

Традиционно спор — это обмен взаимными претензиями, жалобами, каждая сторона доказывает, что ее позиция единственно правильная и другая должна уступить. Переговоры с позиции взаимного давления крайне сложны и малоэффективны из-за того, что стороны не слушают друг друга и потому пытаются всячески продавить исключительно свою позицию. Конфликт в этом случае превращается в затяжную войну.

Медиация и ее отдельные техники позволяют значительно быстрее и эффективнее урегулировать конфликт, не прибегая к принуждению, и дают возможность разрешить спор на основе соглашения. Эффективность медиативного подхода обусловлена тем, что присутствие медиатора, владеющего техниками эффективного диалога, позволяет структурировать и, главное, рационализировать обсуждение, не превращая его в бессмысленный обмен репликами, рассмотреть ситуацию со всех точек зрения, а не только первоначальных заявленных сторонами позиций, и вместе с ними провести анализ выгод и издержек спора. В совокупности все это дает возможность принять наиболее взвешенное, рациональное и обоснованное решение. Кстати, в большинстве случаев оказывается, что многие затяжные споры возникают из-за нежелания сторон услышать и понять аргументацию друг друга. Если стороны понимают, что у них сходные интересы и они могут сотрудничать, то противостояние прекращается, сменяясь сотрудничеством.

Благодаря такому важному инструменту Уполномоченного, как мониторинг нарушенных прав граждан, можно сделать вывод, что часто причиной конфликтов является несогласованность действий органов власти, пробелы, утрата или искажение информации. В этом случае налаживание взаимного обмена информацией позволяет быстро решить проблему.

В подтверждение приведу случаи из практики. В аппарат Уполномоченного обратилась общественная благотворительная организация другого субъекта Российской Федерации с просьбой об оказании содействия в определении двух граждан-инвалидов без определенного места жительства в государственные стационарные учреждения социального обслуживания. Проблема заключалась в недостаточно эффективном обмене сведениями между органами исполнительной власти нескольких регионов России о регистрации граждан по месту жительства, и в данной ситуации люди столкнулись с несогласованностью действий органов государственной власти, отсутствием комплексного взгляда на решение вопроса.

Уполномоченный, обратив внимание на нарушение прав человека, организовал обмен необходимыми сведениями между территориальными органами, осуществляющими полномо-

онный закон от 26.07.2019 № 3-ФКЗ «О внесении изменения в статью 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» в связи с совершенствованием примирительных процедур».

чия в области социального обслуживания и социальной поддержки. В итоге оба гражданина были помещены в государственное бюджетное учреждение социального обслуживания — специальный дом-интернат для престарелых и инвалидов, расположенный на территории субъекта Российской Федерации, откуда пришел запрос общественной благотворительной организации.

Еще один показательный пример: в 2011–2012 гг. сложно складывались взаимоотношения между общественной правозащитной организацией, занимающейся защитой прав призывников (далее — Организация), и военным комиссариатом. Организация неоднократно указывала, что главными бедами системы призыва граждан на военную службу является призыв на службу лиц с серьезными заболеваниями из-за недочетов системы медицинского отбора, и отмечала недопустимость проведения «облав» в последние дни призыва, просила по возможности не отправлять служить в отдаленные части призывников, имеющих детей.

Уполномоченный также подчеркивал, что самое недопустимое нарушение прав граждан Российской Федерации происходит, когда в отсутствие статуса военнослужащего призывникам ограничивают права, закрепленные в Конституции Российской Федерации: на свободу передвижения (ст. 27) и на связь с внешним миром (ст. 33).

На площадке Уполномоченного была организована встреча представителей Организации и военного комиссариата. Совместное обсуждение проблем с позиции конструктивного диалога, направленного на обеспечение прав и свобод человека и гражданина, позволило сторонам прийти к взаимоприемлемому решению, которое в дальнейшем укрепилось совместными приемами по вопросам призыва на военную службу.

Кроме того, было заключено Соглашение о сотрудничестве и совместной деятельности в вопросах защиты прав человека и гражданина Уполномоченного и военного комиссариата, новеллой которого стало участие сотрудников аппарата Уполномоченного, общественных помощников и экспертов Уполномоченного в целях осуществления контроля за соблюдением прав лиц, подлежащих призыву на военную службу, правового консультирования указанных лиц, в мероприятиях, связанных с призывом на военную службу, в отделах военного комиссариата, в помещениях призывных пунктов и на городском сборном пункте.

Реализация проекта по электронной записи следователей и адвокатов в следственные кабинеты следственного изолятора, направленного на решение проблемы доступа адвокатов к своим подзащитным, а следователей — к подозреваемым (обвиняемым), содержащимся под стражей, была выгодна для всех участников процесса. Но после апробации проекта в марте 2018 г. были обнаружены недостатки в работе системы и наличие в ней недоработок.

На площадке Уполномоченного для решения проблем удалось наладить эффективное сотрудничество и обмен информацией между всеми заинтересованными лицами адвокатского сообщества, уголовно-исполнительной системы и следственных органов.

В данном случае совместные действия позволили учесть как специфику работы следственного изолятора, так и особенности работы адвокатов по делам, связанным с заключением в следственный изолятор, что в итоге обеспечило баланс интересов и соблюдение прав человека.

Полученный успешный результат был бы невозможен без взаимосогласительной процедуры, позволившей учесть интересы всех сторон и наладить их эффективное взаимодействие. Такая процедура была обеспечена на базе Уполномоченного, выступившего организатором обсуждения с единственной целью — соблюдения прав человека.

На мой взгляд, независимость Уполномоченного является предпосылкой для разрешения труднейших конфликтов в публичной сфере и очень часто путем прямого диалога всех сторон спора, то есть путем нахождения точек соприкосновения их интересов.

В этой связи следует обратить внимание законодателя на участие и место омбудсмена в урегулировании споров при совершенствовании действующего законодательства, а в це-

лях совершенствования работы сотрудников аппаратов уполномоченных по правам человека предлагаю:

1. Организовывать обучение медиации по базовому курсу для омбудсменов и сотрудников их аппаратов.
2. Заключать Соглашения между организациями профессиональных медиаторов и уполномоченными по правам человека.
3. Вести просветительскую работу о возможностях примирительных процедур, включая размещение информации на официальных сайтах уполномоченных по правам человека для сведения граждан.

Библиографический список

Севастьянов Г. В. Хрестоматия альтернативного разрешения споров: учебно-методические материалы и практические рекомендации. СПб.: Третейский суд, 2009.

References

Sevastyanov G. V. *Anthology of alternative dispute resolution: teaching materials and practical recommendations*. St. Petersburg: Arbitration court Publ., 2009. (In Russian)

ОСОБЕННОСТИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Н. П. Кириллова

д-р юрид. наук, проф., доц.

Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

n.kirillova@spbu.ru

Аннотация: В статье анализируются проблемы, возникающие при проведении примирительных процедур мировыми судьями при рассмотрении ими уголовных дел частного обвинения. Обсуждается вопрос о пределах компетенции суда при проведении примирительных процедур между сторонами уголовно-процессуального конфликта. Рассматриваются положительные и отрицательные факторы, порождаемые активной позицией суда в процессе примирительных процедур. Анализируется возможность применения медиационных процедур в уголовном процессе по делам частного обвинения с учетом ряда законопроектов, инициированных Верховным судом РФ. Отмечается необходимость включения в учебный процесс обучения судей в системе повышения квалификации учебных дисциплин, используемых при подготовке профессиональных медиаторов.

Ключевые слова: уголовные дела частного обвинения, уголовно-процессуальный конфликт, примирительные процедуры, медиация.

PECULIARITIES OF CONCILIATION PROCEDURES ON CRIMINAL CASES OF PRIVATE PROSECUTION

N. P. Kirillova

PhD in Law, Professor

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

n.kirillova@spbu.ru

Annotation: The problems arising within the conciliation procedures conducted by magistrates when they consider criminal cases of private prosecution are analyzed in the article. The issue of limits of the court's competence within the conciliation proceedings between the parties of the criminal procedural conflict is discussed. The positive and negative factors caused by the active position of the court in the process of conciliation procedures are considered. The possibility of using mediation procedures in the criminal proceedings for private prosecution is analyzed, taking into account a number of bills initiated by the Supreme Court of the Russian Federation. The necessity of including the academic disciplines used in the training of professional mediators in the educational process of training the judges within the system of professional development is noted.

Keywords: criminal cases of private prosecution, criminal procedural conflict, conciliation procedures, mediation.

Уголовное преследование в Российской Федерации осуществляется в форме публичного, частно-публичного и частного обвинения. Эти формы различаются порядком возбуждения и прекращения уголовного дела. Порядок возбуждения и прекращения дел публичного обвинения не зависит от волеизъявления потерпевшего. Дела частно-публичного обвинения возбуждаются не иначе как по воле потерпевшего, а их прекращение от воли потерпевшего не зависит, в том числе и в случае примирения потерпевшего и обвиняемого. Дела частного обвинения

также возбуждаются не иначе как по воле потерпевшего, его законного представителя, но подлежат обязательному прекращению в случае примирения потерпевшего с подсудимым.

Уголовное преследование по подавляющему большинству дел осуществляется в публичном порядке. К делам же частного обвинения относятся следующие составы преступлений: ч. 1. ст. 115 УК РФ (Умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности); ст. 116.1 УК РФ (Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль); ст. 128.1 УК РФ (Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию). Поскольку эти преступления не представляют большой общественной опасности, а санкции за их совершение небольшие, то законодатель предусмотрел рассмотрение этих дел в упрощенной уголовно-процессуальной форме и обозначил обязательную для реализации судом процедуру примирения. Упрощение уголовно-процессуальной формы состоит в том, что по этим делам, за некоторыми исключениями, не проводится предварительное расследование. Потерпевший направляет заявление мировому судье о привлечении виновного к уголовной ответственности и самостоятельно, без помощи органов уголовного преследования, в процессе судебного заседания обязан доказать виновность подсудимого, используя совокупность предусмотренных УПК РФ прав и обязанностей. Подсудимый, в свою очередь, защищается от предъявленного ему потерпевшим обвинения самостоятельно или с помощью защитника в условиях состязательного судебного разбирательства.

Учитывая, что стороны далеко не всегда используют помощь адвокатов, им достаточно сложно самостоятельно отстаивать свой процессуальный интерес, поэтому, в соответствии с ч. 2 ст. 319 УПК РФ, по ходатайству сторон мировой судья вправе оказать им содействие в собирании доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно.

Конфликты по данным категориям дел возникают в основном на почве личных неприязненных отношений между знакомыми людьми, родственниками, соседями, иногда сослуживцами. Распространены случаи, когда стороны конфликта обвиняют друг друга в совершении аналогичных преступлений, то есть предъявляют встречные обвинения. Учитывая эти случаи, законодатель предусмотрел возможность одновременного рассмотрения встречных заявлений участников конфликтов. Соединение заявлений допускается на основании постановления мирового судьи до начала судебного следствия. При соединении заявлений в одно производство лица, подавшие их, участвуют в уголовном судопроизводстве одновременно в качестве частного обвинителя и подсудимого. В соответствии с ч. 3 ст. 121 УПК РФ допрос этих лиц об обстоятельствах, изложенных ими в своих заявлениях, проводится по правилам допроса потерпевшего, а об обстоятельствах, изложенных во встречных жалобах, — по правилам допроса подсудимого. Таким образом, участники конфликта в одном уголовном деле могут быть одновременно и подсудимым и потерпевшим.

Примирительные процедуры в уголовном процессе могут быть средством (механизмом) позитивного разрешения конфликта путем перехода от конфронтационного развития конфликтного взаимодействия к позиционному, от несовместимости, рассогласованности действий к кооперации и в конечном счете к такому изменению действий сторон, при котором они будут соответствовать одобряемому правом поведению и удовлетворять интересам друг друга [Стойко, 2006, с. 86].

Однако в действительности примирение сторон конфликта не всегда достигается. В судебной практике нередки случаи, когда обвинительные приговоры выносятся в отношении обоих участников судебного разбирательства. Между тем государство не заинтересовано в том, чтобы межличностные конфликты по делам о незначительных преступлениях разрешались с помощью применения уголовного наказания. Целесообразнее погасить конфликт путем

приведения сторон к примирению. Такое примирение может, во-первых, стать средством профилактики новых конфликтов, во-вторых, экономит ресурсы сторон и судебной системы.

Законодатель регламентирует компетенцию мирового судьи в примирительной процедуре лишь в общих чертах. Обратившийся в суд заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, о чем в заявлении делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя. Одновременно мировой судья разъясняет заявителю его право на примирение с лицом, в отношении которого подано заявление.

Второй этап процедуры примирения наступает в процессе подготовки дела к рассмотрению. В соответствии с ч. 5 ст. 319 УПК РФ мировой судья разъясняет сторонам возможность примирения. В случае поступления от них заявлений о примирении производство по уголовному делу по постановлению мирового судьи прекращается в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ. Если примирение между сторонами не достигнуто, то мировой судья назначает рассмотрение уголовного дела в судебном заседании. Однако примирение сторон возможно и на последующих этапах судебного разбирательства. Оно допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Примирение сторон и прекращение уголовного дела возможно и в суде апелляционной инстанции, но до удаления суда в совещательную комнату для вынесения решения по делу.

Учитывая, что законодатель детально не регулирует примирительную процедуру, в уголовно-процессуальной литературе дискутируется вопрос о степени активности суда в процессе осуществления примирительных процедур. Действительно, должен ли судья ограничиться разъяснением сторонам их права на примирение и последствий такого решения, или он должен активно склонять к такому решению участников судопроизводства с целью погашения конфликта? Закон на этот вопрос ответа не дает. Судебная практика идет по пути активного участия судьи в примирительных процедурах.

В научной литературе достаточно много сторонников активной позиции суда в этом вопросе, в том числе представителей Санкт-Петербургской научной школы [Грабовская, Солодкин, Элькинд, 1956, с. 174]. Однако некоторые ученые и практические работники справедливо отмечают необходимость проявления судами осторожности в проведении процедуры примирения. Отмечается, в частности, что мировой судья в ходе примирения может непроизвольно допустить высказывания, свидетельствующие о его отношении к делу, дать оценку представленным доказательствам либо иным образом дать повод для сомнения в его объективности, заинтересованности в исходе уголовного дела [Петухов, 1996, с. 8].

Высказываются также опасения по поводу того, что суды могут использовать примирительные процедуры вопреки интересам сторон. В частности, по мнению Ю. Ю. Чурилова, примирительные процедуры с последующей перспективой прекращения производства по делу вопреки интересам сторон нередко используются судьями, не желающими рассматривать дело по существу [Чурилов, 2009, с. 40–42].

Прекращение уголовного дела по сравнению с рассмотрением и разрешением его по существу действительно экономит время судей и ресурс судебной системы. Рассмотреть дело частного обвинения иногда бывает сложнее, чем дело о тяжком или особо тяжком преступлении, по которому в соответствии с законом проводится предварительное расследование, устанавливаются все необходимые обстоятельства, то есть процесс доказывания осуществляют следователи. По делам же частного обвинения эти обязанности возлагаются на обычного гражданина, потерпевшего от преступления, не подготовленного для этой деятельности. Заключение соглашения с адвокатом в большинстве случаев этим лицам не позволяют средства. По этим причинам судьи активно используют примирительные процедуры.

Обоснованными являются рекомендации специалистов, в соответствии с которыми мировой судья обязан проверять добровольность волеизъявления потерпевшего на примирение,

выяснять мотивы, которыми руководствовались стороны, принимая решение о примирении; каким образом заглажен причиненный действиями подсудимого вред потерпевшему, а если речь идет о выплате денежной компенсации — достаточен ли ее размер для удовлетворения требований потерпевшего о заглаживании причиненного ему вреда, исходя из конкретных обстоятельств дела, с учетом в том числе уровня доходов потерпевшего и подсудимого [Баркалова, Баркалов, 2015].

В научной литературе отмечаются случаи, когда условия примирения, к которым относится возмещение ущерба и признание вины, соблюдаются лишь на бумаге. В этих случаях под воздействием судьи подсудимые, заблуждаясь относительно существования предъявленного обвинения и фактически не признавая своей вины в совершении преступления, соглашаются с прекращением уголовного дела в связи с примирением сторон, поскольку такой исход дела не влечет для них наказания. Со стороны потерпевшего (частного обвинителя) заблуждение, по мнению одного из авторов, может быть связано с обещанием подсудимого, инициированным судом, возместить ущерб, с навязанной судом оценкой доказательств как недостаточных для вынесения обвинительного приговора, а также с разъяснением судом потерпевшему различного рода неблагоприятных для него последствий, связанных с рассмотрением дела (например, длительность и затратность судебного процесса, влияние судимости осужденного родственника на социальный статус потерпевшего и пр.) [Заровнева, 2014].

Учитывая достаточно поверхностное законодательное регулирование примирительных процедур, предлагаются некоторые законодательные инициативы, например законодательная регламентация примирительных бесед, проводимых мировыми судьями, включающих в себя приглашение сторон на примирительную беседу (путем извещения); разъяснение сторонам, по какому уголовному делу они вызваны, какими правами они наделены; разъяснение сторонам такой особенности уголовных дел частного обвинения, как возможное их примирение (особенно необходимо оговорить все последствия примирения: для потерпевшего — невозможность возбуждения уголовного дела вновь по этим же обстоятельствам; для подсудимого — прекращение дела по нереабилитирующему основанию); выяснение у сторон их желания на примирение. Если стороны изъявили желание примириться — вынесение постановления о прекращении уголовного дела, если нет — назначение судебного заседания [Грохотова, 2011].

Действительно, разъяснение прав и ведение переговоров со сторонами по поводу урегулирования конфликта — это не одно и то же. Судья должен представлять себе допустимую степень своей активности в процессе ведения переговоров, чтобы у сторон не возникло подозрений в необъективности суда или в оказании давления на участника уголовного судопроизводства. Противники активности суда в проведении переговоров по урегулированию конфликта как раз и ссылаются на то, что примирительная процедура, осуществляемая судом, может создать у сторон неверное представление об объективности суда, который в соответствии со ст. 15 УПК РФ не вправе выступать на стороне обвинения или на стороне защиты. Он лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Осуществляя примирительные процедуры, судья обязан демонстрировать объективность и беспристрастность. Однако одна из сторон или обе стороны могут воспринять установленную законом процедуру как необъективность или даже заинтересованность судьи в исходе дела, если им допущены ошибки в применении в процессе осуществления примирительных процедур, например психологических приемов воздействия на стороны.

Возникает вопрос о том, возможно ли в уголовном процессе использовать помощь профессиональных медиаторов для разрешения возникшего конфликта. В настоящее время УПК РФ не предусматривает такой возможности.

Между тем примирительные процедуры предусмотрены не только в уголовном, но и в гражданском и арбитражном процессах, где они распространены гораздо шире. Именно

в данных формах судопроизводства потребовалась помощь медиаторов, осуществляющих деятельность на профессиональной основе. Принятие Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» имело целью создание правовых условий для применения этой процедуры, а также содействие развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота и гармонизации социальных отношений. Эта процедура имеет отношение к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений¹. Однако полноценное внедрение медиации в процесс рассмотрения и разрешения судебных споров требует внесения изменений в процессуальное законодательство.

Судейский корпус полагает, что помощь медиаторов в разрешении правовых конфликтов может быть востребована. Об этом свидетельствует законодательная инициатива Верховного Суда РФ. 18 января 2018 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур»².

В основе законопроекта лежит принцип добровольного соглашения сторон для проведения процедуры медиации. Обращает на себя внимание тот факт, что законопроект предполагает возможность выступать в качестве медиаторов судьям, находящимся в отставке.

Законопроект о внесении изменений в ГПК РФ, АПК РФ, связанных с применением в этих формах судопроизводства помощи специалистов в области медиации, является очень актуальным и направлен на повышение эффективности разрешения правовых конфликтов, а его внедрение может привести и к существенной процессуальной экономии.

Однако далеко не все положения указанного законопроекта можно распространить на уголовное судопроизводство в связи с его спецификой. Тем не менее внедрение профессиональной медиации в отечественный уголовный процесс при рассмотрении и разрешении дел частного обвинения, с нашей точки зрения, является целесообразным. Некоторые законодательные возможности для этого предусмотрены. Правоприменитель имеет право привлечь к участию в уголовном судопроизводстве специалиста в самых различных областях знаний, в том числе и медиатора. Однако необходимо на законодательном уровне предусмотреть саму процедуру медиации и, возможно, сделать ее обязательной за счет средств государственного бюджета. Если в гражданском процессе платные услуги медиаторов обоснованы, учитывая значительные суммы государственной пошлины, то для рассмотрения дел частного обвинения такого рода расходы не предусмотрены и стимула обратиться к посреднику — медиатору — у сторон конфликта может не быть. Между тем примирительные процедуры, проведенные специалистом в обязательном порядке, вполне возможно, приведут к существенному сокращению количества дел частного обвинения, разрешению социальных конфликтов внесудебным путем и снизят нагрузку на судебный корпус. Однако, предусматривая обязательность для сторон процедуры медиации в уголовном процессе, необходимо установить для нее разумные сроки, учитывая, что сроки давности привлечения к уголовной ответственности по

¹ Ст. 1 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=148723&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3301645591569035244539174403977> (дата обращения: 18.08.2020).

² Проект ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=103039&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.627997084740018908898224103108434> (дата обращения: 18.08.2020).

рассматриваемым составам преступления невелики, а их пропуск может ограничить конституционное право граждан на доступ к правосудию, что совершенно недопустимо.

До тех пор, пока ресурсы медиаторов в примирительных процедурах по уголовным делам не задействованы, мировые судьи осуществляют указанные процедуры, используя свой профессиональный и жизненный опыт. Значительную помощь в деле повышения квалификации судей в данной области могут оказать соответствующие учебные курсы, используемые при подготовке специалистов в области медиации. Внедрение необходимых дисциплин в учебный процесс системы повышений квалификации судей может стать существенным вкладом в процедуры разрешения правовых конфликтов.

Библиографический список

- Баркалова Е. В., Баркалов С. В. Актуальные вопросы прекращения производства по уголовному делу частного обвинения в связи с примирением сторон // Мировой судья. 2015. № 9. URL: <http://xn--7sbbaj7auwnffhk.xn-p1ai/article/18224> (дата обращения: 12.05.2019).
- Грабовская Н. П., Солодкин И. И., Элькинд П. С. К вопросу о делах частного обвинения // Ученые записки ЛГУ. 1956. № 202. С. 165–187.
- Грохотова Е. А. Роль мирового судьи в примирении по уголовным делам частного обвинения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8. Ч. 1. URL: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/15.html (дата обращения: 12.05.2019).
- Заровнева Г. С. Проблемы судопроизводства уголовных дел частного, частно-публичного и публичного обвинения, подсудных мировым судьям. URL: <https://www.sworld.com.ua/simpoz3/1.pdf> (дата обращения: 12.05.2019).
- Петухов Ю. Е. Соотношение публичного и частного обвинения в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук по спец. 12.00.09. М., 1996.
- Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб., 2006.
- Чурилов Ю. Ю. Использование примирительных процедур в уголовном судопроизводстве вопреки интересам сторон // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2. С. 9–10.

References

- Barkalova E. V., Barkalov S. V. Topical issues of termination of criminal proceedings on private prosecution case in connection with the reconciliation of the parties. *Magistrate*, 2015, no. 9. URL: <http://xn--7sbbaj7auwnffhk.xn-p1ai/article/18224> (accessed: 12.05.2019). (In Russian)
- Churilov Y. Y. The use of conciliation procedures in criminal proceedings contrary to the interests of the parties. *Criminal proceedings*, 2009, no. 2, pp. 9–10. (In Russian)
- Grabovskaya N. P., Solodkin I. I., Elkind P. S. On the issues of criminal cases of private prosecution. *Scientific notes of Leningrad State University*, 1956, no. 202, pp. 165–187. (In Russian)
- Grokhotova E. A. The Role of the magistrate in the reconciliation of criminal cases of private prosecution. *Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Theory and practice issues*. Tambov, Gramota, 2011, no. 8, part 1. URL: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/15.html (accessed: 12.05.2019). (In Russian)
- Petukhov A. G. *The relation of public and private prosecution in criminal procedure*. Author's abstract of diss. ... candidate of legal sciences on speciality. 12.00.09. Moscow, 1996. (In Russian)
- Stoiko N. G. *The criminal proceedings of the Western States and Russia: comparative theoretical and legal study of the Anglo-American and Romano-German legal systems*. St. Petersburg, 2006. (In Russian)
- Zarovneva G. S. *The problems of proceedings on criminal cases of private, public-private and public prosecution that are under the jurisdiction of magistrate*. URL: <https://www.sworld.com.ua/simpoz3/1.pdf> (accessed: 12.05.2019).

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР

Е. А. Нахова

доц. кафедры предпринимательского права

*Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, 10-я линия В. О., д. 19 лит. А.
nahova.elena@yandex.ru*

Аннотация: В статье анализируются проблемы совершенствования примирительных процедур в свете принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.01.2018 № 1 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур”». В статье исследуются теоретико-прикладные проблемы применения примирительных процедур и предлагаются пути их разрешения. В научном исследовании делается вывод о недостатках правового регулирования процессуальной формы примирительных процедур в цивилистическом и административном судопроизводстве.

Ключевые слова: цивилистическое и административное судопроизводство; примирительные процедуры.

THE PROBLEMS WITH IMPROVEMENT OF CONCILIATION PROCEDURES

E. A. Nakhova

Associate Professor, Department of Business Law

*St. Petersburg Institute (branch) of Federal state budget educational institution of higher education “All-Russian state University of justice”,
19, lit. A., V. O., 10 line, St. Petersburg, 199178, Russian Federation.
nahova.elena@yandex.ru*

Abstract: The article analyzes problems of improvement of conciliation procedures in the light of adoption of the Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.01.2018 No. 1 “About entering into the State Duma of Federal Assembly of the Russian Federation of the Federal law draft “About modification of separate legal acts of the Russian Federation in connection with improvement of conciliation procedures”. The article examines the theoretical and applied problems of the use of conciliation procedures and suggests ways to solve them. The scientific study concludes about the shortcomings of the legal regulation of the procedural form of conciliation procedures in civil and administrative proceedings.

Keywords: civil and administrative proceedings; conciliation.

В настоящее время активно обсуждаются проблемы совершенствования альтернативных способов урегулирования споров, к которым относятся арбитраж (третейское разбирательство), посредничество (медиация), переговоры, претензионный порядок урегулирования споров. В то же время вопрос об их перечне остается дискуссионным. Отдельные виды примирительных процедур относятся к альтернативным способам урегулирования споров. Политика

российского государства направлена в настоящее время в том числе и на снижение нагрузки судебной системы. В качестве одного из способов снижения нагрузки судебной системы рассматривается совершенствование примирительных процедур. В связи с изложенным Верховным Судом Российской Федерации принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.01.2018 № 1 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур”»¹. В литературе проанализирована Концепция примирительных процедур, существующая в рамках Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ, указаны детально достоинства и недостатки анализируемой Концепции в части примирительных процедур [Носырева, Фильченко, 2015а, с. 113–124; Носырева, Фильченко, 2015б, с. 140–155; Носырева, Фильченко, 2015в, с. 76–84]. Думается, что указанные замечания по Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ, к сожалению, лишь частично учтены в законопроекте Верховного Суда Российской Федерации.

Данный законопроект обладает определенными достоинствами, в литературе отмечена важность указанного законопроекта [Загайнова, 2018, с. 51–55], этот акт призван оптимизировать порядок рассмотрения гражданских дел. Вместе с тем у законопроекта имеются определенные значимые, на наш взгляд, недостатки, на которых хотелось бы остановиться в рамках настоящего исследования.

Определенное несогласие с законопроектом может быть высказано в части круга отношений, связанных с применением процедуры медиации. Достоинством данного законопроекта может являться то, что применение процедуры медиации распространяется на споры, вытекающие из административных и иных публичных правоотношений. Однако медиативные процедуры могут быть использованы и по делам частного обвинения, частно-публичного обвинения, отдельные медиативные процедуры применяются в настоящее время защитниками и по иным категориям уголовных дел в части возмещения вреда, причиненного преступлением, в рамках уголовного судопроизводства. Хотелось бы, чтобы законопроект был продуманным, носил комплексный характер; из названия законопроекта не усматривается, что примирительные процедуры ограничиваются цивилистическим процессом и административным судопроизводством, хотя из содержания законопроекта изложенное очевидно. В литературе неоднократно указывалось на то, что, помимо развития интегрированной модели медиации в судебной деятельности, необходимо обратить внимание на формирование этой модели в других направлениях юридической деятельности, для того чтобы обеспечить комплексный подход к развитию системы примирительных процедур [Загайнова, 2018, с. 51–55].

Кроме того, в законопроекте не закреплено определение примирительных процедур, определены только их виды, перечень которых носит неисчерпывающий характер. В законопроекте не уделено внимание претензионному порядку урегулирования спора как виду примирительной процедуры исходя из его правовой природы в процессуальной доктрине и судебной практике. Достоинством законопроекта, безусловно, является то, что закреплен принцип добровольности применения примирительных процедур. Закрепление категорий дел, по которым примирительные процедуры являются обязательными, создаст дополнительные препятствия для реализации права на доступ к правосудию. На практике в настоящее время реализация обязательного досудебного порядка урегулирования спора по спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в арбитражном судопроизводстве носит формальный характер. Как

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.01.2018 № 1 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур”». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=52557203703625373578327> (дата обращения: 02.06.2019).

правило, примирительные процедуры ведут к результату только при содействии суда в рамках выполнения им задачи по примирению сторон. Необходимо отметить, что в некоторых зарубежных странах достоинством законодательного регулирования можно определить то, что суд в стадии подготовки дела к судебному разбирательству наделен правом указать сторонам перспективу их спора, что способствует активному использованию сторонами примирительных процедур.

Очевидным недостатком законопроекта видится наделение полномочиями судебного примирителя работника аппарата суда, имеющего высшее юридическое образование и стаж работы в области юриспруденции не менее пяти лет, поскольку в настоящее время наблюдается загруженность аппарата судов, кроме того, пятилетний стаж работы, думается, является недостаточным для осуществления функций примирения. Наделение законопроектом функциями примирителей судей в отставке, безусловно, следует признать достоинством законопроекта, вместе с тем проектом закона не определены квалификационные требования, взаимодействие с судом, сторонами, медиатором. К тому же в литературе высказана точка зрения, что функциями примирения возможно наделить органы нотариата [Загайнова, 2018, с. 51–55].

С точки зрения законодательной техники представляется правильным включить главы о примирительных процедурах в общие части процессуальных кодексов, о чем говорилось в доктрине², поскольку эти нормы являются общими нормами.

Кроме того, неразрешенным остается в процессуальном законодательстве вопрос об использовании доказательств, подготовленных исключительно для целей примирительной процедуры [Носырева, 2019, с. 247], в том числе когда еще не заключено соглашение о применении процедуры медиации. Следует поддержать существующее в науке предложение о закреплении за такими доказательствами статуса недопустимых доказательств.

На суд возложена задача в стадии подготовки дела к судебному разбирательству по примирению сторон. Законопроектом установлено, что судья вправе запросить информацию о ходе примирительной процедуры не чаще чем один раз в четырнадцать дней. Вместе с тем иные вопросы содействия суда, формы и пределы содействия законопроектом не определены. На практике иногда имеют место случаи вмешательства суда в конфиденциальную процедуру медиации, когда процедура медиации происходит «под контролем суда». Такие случаи являются недопустимыми в силу нарушения основных принципов медиации. В этой связи также оправданным является наделение судебного примирителя абсолютным свидетельским иммунитетом.

В доктрине указано, что вопрос об установлении ответственности за недобросовестное поведение при использовании примирительных процедур не должен решаться в отрыве от принципа добросовестности сторон [Носырева, Фильченко, 2015а, с. 113–124]. Правовым последствием недобросовестного поведения при применении примирительных процедур может являться возложение на недобросовестную сторону судебных расходов и, как крайняя мера за злоупотребление правом на применение примирительных процедур, может быть предусмотрено вынесение решения в пользу противоположной стороны.

Также видится необходимость детализации примирительных процедур по отдельным категориям дел, например по спорам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, по делам о несостоятельности (банкротстве), иным категориям дел. При ре-

² Носырева Е. И. Место и содержание норм о примирении сторон в структуре процессуальных кодексов: выступление в рамках VI Всероссийского форума альтернативного разрешения споров, посвященного 80-летию профессора В. А. Мусина «Формируя проарбитражный подход и культуру примирения» и презентация магистерской программы СПбГУ по международному коммерческому арбитражу (в рамках проведения IX Петербургского международного юридического форума), 17 мая 2019 г.

шении данного вопроса за основу, например, может быть взята сложившаяся судебная практика³.

Таким образом, следует поддержать идею принятия подобного законопроекта, в настоящее время принятие подобного нормативного акта является своевременным. Вместе с тем указанный законопроект нуждается в консолидированной доработке с учетом позиций ведущих процессуальных школ, практических работников и судейского сообщества.

Библиографический список

- Загайнова С. К. Концепция создания российской системы примирительных процедур: основные идеи // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 51–55.
- Носырева Е. И., Фильченко Д. Г. Основные положения Концепции об институте примирения сторон в гражданском судопроизводстве (часть первая) // Вестник гражданского процесса. 2015а. № 1. С. 113–124.
- Носырева Е. И., Фильченко Д. Г. Основные положения Концепции об институте примирения сторон в гражданском судопроизводстве (часть вторая) // Вестник гражданского процесса. 2015б. № 2. С. 140–155.
- Носырева Е. И., Фильченко Д. Г. Основные положения концепции об институте примирения сторон в гражданском судопроизводстве (часть третья) // Вестник гражданского процесса. 2015в. № 3. С. 76–84.
- Носырева Е. И. Вопросы доказывания, возникающие в связи с использованием примирительных процедур // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 238–253.

References

- Nosyreva E. I. Voprosy dokazyvaniya, vznikayushchie v svyazi s ispol'zovaniem primiritel'nyh procedur. *Vestnik grazhdanskogo processa*, 2019, no. 1, pp. 238–253. (In Russian)
- Nosyreva E. I., Filchenko D. G. Osnovnye polozheniya Konceptii ob institute primireniya storon v grazhdanskom sudoproizvodstve (chast' pervaya). *Vestnik grazhdanskogo processa*, 2015a, no. 1, pp. 113–124. (In Russian)
- Nosyreva E. I., Filchenko D. G. Osnovnye polozheniya Konceptii ob institute primireniya storon v grazhdanskom sudoproizvodstve (chast' vtoraya). *Vestnik grazhdanskogo processa*, 2015b, no. 2, pp. 140–155. (In Russian)
- Nosyreva E. I., Filchenko D. G. Osnovnye polozheniya konceptii ob institute primireniya storon v grazhdanskom sudoproizvodstve (chast' tret'ya). *Vestnik grazhdanskogo processa*, 2015v, no. 3, pp. 76–84. (In Russian)
- Zagajnova S. K. Konceptsiya sozdaniya rossijskoj sistemy primiritel'nyh procedur: osnovnye idei. *Arbitrazhnyj i grazhdanskiy process*, 2018, no. 7, pp. 51–55. (In Russian)

³ Пункты 26–33 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. № 9. Сентябрь. 2014; пункт 12 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. № 8. Август. 2012; п.49–58 Постановления Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» // Хозяйство и право. № 2. 2005 и др.

ПРАВОВЫЕ СТИМУЛЫ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕДИАЦИИ И ДРУГИХ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В СУДЕ

А. Е. Солохин

*государственный советник юстиции РФ 3 класса, преподаватель
Российский государственный университет правосудия,
Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5.
niholos@mail.ru*

Аннотация: В статье исследуется понятие правовых стимулов для использования медиации и других примирительных процедур, обосновывается необходимость их развития с учетом данных судебной статистики, предлагается деление таких стимулов на организационные, процедурные (процессуальные) и экономические. На основе анализа положений действующего законодательства и судебной практики изучаются существующие в настоящее время стимулы, входящие в каждую из групп. Рассматриваются стимулы, содержащиеся в законопроектах Верховного Суда Российской Федерации. Даются предложения по дополнению перечня рассматриваемых стимулов.

Ключевые слова: медиация, примирение, примирительные процедуры, гражданский процесс, арбитражный процесс, мировое соглашение, результаты примирения сторон, государственная пошлина, правовые стимулы, стимулы для использования медиации.

LEGAL INCENTIVES FOR USING MEDIATION AND OTHER CONCILIATION PROCEDURES IN COURT

A. E. Solokhin

*state counselor of justice of the Russian Federation, grade 3, lecturer
Russian State University of Justice,
5, Aleksandrovsky park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation
niholos@mail.ru*

Abstract: The author explores the concept of legal incentives for the use of mediation and other conciliation procedures, justifies the need for their development (based on judicial statistics), suggests the division of such incentives into organizational, procedural and economic incentives. The author also studies the current incentives that are included in each group. The article discusses the incentives contained in the bills of the Supreme Court of the Russian Federation. The author makes suggestions for supplementing the list of incentives.

Keywords: mediation, conciliation, conciliation procedures, civil procedure, arbitration process, settlement agreement, results of conciliation of the parties, state fees, legal incentives, incentives for using mediation.

Согласно статистическим данным, размещенным на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации¹, количество дел и в судах общей юрисдикции, и в арбитражных судах постоянно увеличивается.

В частности, например, за период с 2015 по 2019 г. количество рассмотренных судами общей юрисдикции дел (рассмотрение по которым было окончено) выросло почти на 37%: с 15 819 942 до 21 650 180. За аналогичный период количество дел, рассмотренных арбитражными судами, выросло более чем на 20%: с 1 584 243 до 1 907 737.

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 27.05.19).

При этом, несмотря на то что в России уже около 10 лет действует Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», во многих городах страны созданы организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации², процессуальное законодательство предписывает суду содействовать примирению сторон, количество дел, в которых судом утверждается мировое соглашение, уменьшается.

Так, если в судах общей юрисдикции в 2015 г. мировые соглашения были утверждены в 121 750 делах, то в 2018 г. таких дел было уже 84 289, то есть количество данных дел сократилось почти на 45 %. При этом если учесть ежегодный рост количества дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции, то в процентном отношении к количеству рассмотренных дел значения будут следующими: в 2015 г. — около 8 %, в 2018 — около 4 %. То есть за последние три года количество дел, рассмотренных судами общей юрисдикции с утверждением мирового соглашения, в процентном отношении к общему количеству дел сократилось в 2 раза.

В арбитражных судах в 2015 г. мировые соглашения были утверждены в 36 775 делах, в 2018 г. — в 31 059, количество таких дел сократилось на 18 %. В процентном отношении к количеству рассмотренных дел это 2,3 и 1,6 % соответственно. За период с 2015 по 2018 г. количество дел, рассмотренных арбитражными судами с утверждением мирового соглашения, в процентном отношении к общему количеству дел сократилось почти на треть.

Количество дел, в которых стороны используют медиацию, еще меньше.

В 2015 г. медиация использовалась при рассмотрении 1115 дел судами общей юрисдикции, примерно столько же дел было рассмотрено в 2018 г. — 1187 (см. табл. 1). В процентном соотношении от числа рассмотренных дел это около 0,005 %.

Таблица 1. Статистические данные о количестве дел, рассмотренных судами общей юрисдикции

Год	Количество рассмотренных дел		
	всего (гражданских и административных)	завершившихся мировым соглашением	с участием медиатора
2015	15 819 942	121 750	1115
2016	17 030 480	103 773	1292
2017	18 830 168	94 512	1405
2018	21 650 180	84 289	1187

В арбитражных судах в 2015 г. медиация использовалась при рассмотрении 29 дел, в 2018 — 26 (см. табл. 2). В процентном соотношении это около 0,001 %.

Статистика показывает, что примирительные процедуры, и особенно медиация, используются при рассмотрении крайне незначительного количества дел³.

Представляется, что в некотором количестве споров, при рассмотрении судом которых стороны используют медиацию, суд не указывает на это в судебном акте, и такие споры не попадают в статистику. Однако полагаем, что таких споров немного, принимая во внимание в целом небольшое число мировых соглашений в судах.

² Например, список провайдеров медиативных услуг размещен на сайте Федерального института медиации (<http://fedim.ru/reestry-mediatorov/organizatsii-mediatorov/>) (дата обращения: 27.05.19), на портале арбитражных судов Российской Федерации (<http://arbitr.ru/conciliation/>) (дата обращения: 27.05.19).

³ Причины такой ситуации не являются предметом настоящего исследования. Для ознакомления с мнением автора по данному вопросу см., например, [Солохин, 2014, с. 20–23].

Таблица 2. Статистические данные о количестве дел, рассмотренных арбитражными судами

Год	Количество рассмотренных дел		
	всего	завершившихся мировым соглашением	с участием медиатора
2015	1 584 243	36 775	29
2016	1 570 444	35 180	37
2017	1 786 975	29 568	26
2018	1 907 737	31 059	26

Таким образом, потенциал медиации и других примирительных процедур в настоящее время не раскрыт, их положительный эффект практически не востребован. Следовательно, достижение таких задач судопроизводства, как содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений (п. 6 ст. 2 АПК РФ), примирение сторон (ст. 148 ГПК РФ, ст. 133 АПК РФ), существенным образом затруднено.

В связи с этим полагаем, что в целях повышения востребованности медиации и иных примирительных процедур, достижения указанных задач судопроизводства необходимо сформировать и закрепить в законодательстве систему правовых стимулов, направленных на достижение обозначенных целей.

В теории государства и права под правовым стимулом понимается правовое побуждение к законопослушному поведению, создающее для удовлетворения собственных интересов субъекта режим благоприятствования [Малько, 2003, с. 60].

Правовыми стимулами для использования медиации и других примирительных процедур в суде будут являться правовые побуждения к использованию медиации и других примирительных процедур в процессе рассмотрения спора судом и на стадии исполнения судебного акта, создающие режим благоприятствования для удовлетворения интересов спорящих сторон.

Почему необходимо стимулировать использование медиации и других примирительных процедур именно при рассмотрении споров судом?

Во-первых, сегодня в суде наивысшая концентрация споров и данные судебной статистики это подтверждают.

Во-вторых, при рассмотрении спора суд может оценить медиабельность конфликта и усилить степень содействия примирению (степень использования правовых стимулов) при необходимости.

В-третьих, авторитет и знания судей будут способствовать повышению доверия к медиации и другим примирительным процедурам и в целом формированию культуры примирения.

В-четвертых, стимулирование использования медиации и других примирительных процедур особенно необходимо на этапе их становления (сегодня, медиация, к сожалению, все еще воспринимается как новое явление, знакомое далеко не всем).

Представляется, что существующие сегодня правовые стимулы для примирения в суде в зависимости от их содержания можно было бы разделить на три группы: организационные, процедурные (процессуальные) и экономические.

Организационные стимулы прямо не связаны с рассмотрением дела в суде и включают в себя различные меры организационного характера, которые предпринимаются судами для повышения востребованности медиации и иных примирительных процедур и удобства их использования. То есть организационными стимулами являются правовые побуждения организационного характера к использованию медиации и других примирительных процедур в про-

цессе рассмотрения спора судом и на стадии исполнения судебного акта, создающие режим благоприятствования для удовлетворения интересов спорящих сторон.

В частности, в п. 4 Справки о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 г., утвержденной Президиумом Верховного Суда РФ 1 апреля 2015 г. (далее — Справка), перечисляются следующие используемые судами организационные стимулы:

- размещение на находящихся в зданиях судов стендах, буклетах, а также на сайтах судов (создание специальных разделов) информации о примирительных процедурах и результатах примирения (например, сущность, порядок проведения и преимущества медиации), образцов соглашения о применении процедуры медиации, соглашения о проведении данной процедуры, медиативного соглашения, ходатайства об утверждении медиативного соглашения в качестве мирового соглашения и прекращении производства по делу;
- открытие в ряде судов комнат, кабинетов и уголков примирения — отдельных помещений, оборудованных компьютерной техникой, в которых стороны могут попытаться урегулировать спор, в том числе с участием медиатора;
- размещение на сайтах судов судебных постановлений и актов, принятых по делам, в которых спор был урегулирован полностью или частично с использованием медиации и других примирительных процедур, в целях информирования лиц, обращающихся в суды, о наличии положительных примеров использования таких процедур;
- проведение научных конференций, круглых столов и других научно-практических мероприятий по вопросам примирения сторон;
- подготовка судьями и работниками аппаратов судов научных и научно-просветительских работ по вопросам использования примирительных процедур, публикация таких работ в федеральных и региональных научных и деловых средствах массовой информации и размещение таких работ на сайтах судов.

Процедурными (процессуальными) стимулами являются предусмотренные нормами процессуального законодательства непосредственно связанные с рассмотрением дела в суде и исполнением судебного акта правовые побуждения к использованию медиации и других примирительных процедур, создающие режим благоприятствования для удовлетворения интересов спорящих сторон.

В п. 3 Справки отмечается, что к числу мер, наиболее часто осуществляемых судами в целях содействия примирению сторон, относятся:

- разъяснение, в том числе в судебном акте или постановлении суда, лицам, участвующим в деле, сущности и преимуществ примирительных процедур с учетом медиальности спора, обстоятельств дела (в том числе характера и сложности спора, его субъектного состава), интересов сторон (в том числе взаимоотношений сторон, наличия стремления сохранить партнерские отношения, реальной цели обращения в суд) и с учетом интересов других лиц, права которых могут быть затронуты;
- предложение сторонам урегулировать спор и использовать какие-либо результаты примирения (мировое соглашение, отказ от иска, признание иска, которые также могут быть заключены или совершены в части, признание фактических обстоятельств, соглашение по фактическим обстоятельствам), а также выяснение информации о наличии желания совершить данные действия;
- предложение сторонам осуществить сверку взаимных расчетов в целях урегулирования спорных моментов и разногласий.

Помимо этого, представляется, что к процедурным (процессуальным) стимулам можно отнести отложение (приостановление) процедуры рассмотрения дела для примирения сторон, механизмы противодействия недобросовестному поведению при использовании сторонами медиации и других примирительных процедур, гибкую палитру результатов примирения сторон и увеличение срока рассмотрения дела.

Отложение (приостановление) процедуры рассмотрения дела для примирения

В настоящее время российское процессуальное законодательство позволяет приостановить процедуру рассмотрения дела в случае использования сторонами примирительных процедур (ч. 1 ст. 169 ГПК РФ, ч. 2, 7 ст. 158 АПК РФ, ч. 2 ст. 137 КАС РФ).

В арбитражном и гражданском процессах суд откладывает судебное разбирательство в случаях обращения сторон к медиатору на срок не более шестидесяти дней.

При этом в арбитражном процессе данный период не включается в срок рассмотрения дела (ч. 3 ст. 152 АПК РФ), а в гражданском — включается. Включение периода, выделяемого для примирения сторон, в срок рассмотрения дела существенным образом снижает положительный эффект данного стимула, не позволяя предоставить сторонам достаточное время для урегулирования спора в условиях сжатого срока рассмотрения дела в суде (2 месяца).

В проекте Федерального закона № 421600–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур»⁴ (далее — законопроект № 421600–7) предлагается снять ограничение для использования данного стимула и не включать срок, на который судебное разбирательство было отложено в целях примирения сторон, в срок рассмотрения дела (ч. 4 ст. 154 ГПК РФ в редакции законопроекта).

Интересно отметить, что административный процесс вообще не регламентирует срок для примирения сторон, при этом данный период не включается в срок рассмотрения дела (ч. 2 ст. 137 КАС РФ).

Механизмы противодействия недобросовестному поведению при использовании сторонами медиации других примирительных процедур

Сегодня, когда добросовестность спорящих сторон не всегда является надлежащей, некоторые из них могут пытаться использовать медиацию и примирительные процедуры для затягивания рассмотрения дела. Такие ситуации дискредитируют институт примирения сторон в целом и снижают доверие к нему.

Помимо общих способов борьбы с недобросовестным поведением, действующее российское процессуальное законодательство содержит несколько точечных механизмов противодействия недобросовестному поведению при использовании сторонами именно примирительных процедур. Данные механизмы сформулированы пока только в разъяснении высшей судебной инстанции — постановлении Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» (постановление № 50) (п. 6, 7, 18) и касаются пока только арбитражного процесса [Солохин, 2016, с. 125–158].

Палитра результатов примирения сторон

Эффективность и востребованность медиации и других примирительных процедур, используемых в процессе рассмотрения дела судом, во многом зависит от возможности максимально гибко и удобно закрепить все те договоренности, к которым пришли стороны в процессе ис-

⁴ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 19.08.2020).

пользования таких процедур. Чем шире будет палитра возможных результатов примирения [Солохин, 2009а, с. 44–48; Солохин, 2010а, с. 30–33; 2010б, с. 32–35; Солохин, 2009б, с. 25–29; 2009в, с. 33–36], то есть возможных процессуальных действий сторон, завершающих процедуру примирения и направленных на прекращение процессуальных правоотношений сторон с арбитражным судом, тем выше вероятность урегулирования спора либо более эффективного рассмотрения дела, а следовательно, более эффективной защиты нарушенного права.

Действующее процессуальное законодательство позволяет сегодня не только заключать мировое соглашение, но и, например, признавать иски, отказываться от них, совершать другие процессуальные действия.

Вместе с тем все эти процессуальные инструменты сами по себе не обозначены в процессуальном законе в качестве результатов примирения, не выстроены в логическую систему и не имеют каких-либо законодательно закрепленных особенностей.

Данные недостатки призван устранить законопроект № 421600–7.

Увеличение срока рассмотрения дела

Сегодня срок рассмотрения дела в суде первой инстанции составляет 2 месяца в судах общей юрисдикции, 1 месяц у мирового судьи, 3 месяца в арбитражных судах.

Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», положения которого должны вступить в силу не позднее 01.10.2019, срок рассмотрения дела в арбитражных судах увеличен до 6 месяцев (ч. 1 ст. 152 АПК РФ в редакции данного федерального закона).

Учитывая, что, как было отмечено в п. 16 Справки, по мнению российских судов, процессуальными препятствиями для более частого и эффективного использования института примирения в гражданском и арбитражном процессе являются короткие сроки рассмотрения дел, представляется, что увеличение срока рассмотрения дела должно стать хорошим стимулом для использования медиации и других примирительных процедур.

Экономическими стимулами являются предусмотренные нормами законодательства носящие экономический характер правовые побуждения к использованию медиации и других примирительных процедур при рассмотрении дела в суде, создающие режим благоприятствования для удовлетворения интересов спорящих сторон.

К таким стимулам можно отнести предусмотренный сегодня положениями налогового законодательства возврат половины уплаченной при обращении в суд государственной пошлины в случае прекращения производства по делу в связи с утверждением мирового соглашения.

Данный стимул может быть использован только в арбитражных судах (подп. 3 п. 1 ст. 333.40 Налогового кодекса Российской Федерации). Более того, возврат государственной пошлины предусмотрен только в случае использования спорящими сторонами всего лишь одного результата примирения — мирового соглашения.

Интересно отметить, что в судебной практике сформировался еще один экономический стимул для использования медиации и других примирительных процедур на стадии исполнительного производства.

В частности, в определении от 25 июля 2018 г. № 305-КГ17–23457 было отмечено, что исходя из положений ч. 7 ст. 141 АПК РФ, п. 3 ч. 2 ст. 43 Закона об исполнительном производстве, утверждение судом мирового соглашения, заключенного в процессе исполнения судебного акта, влечет прекращение его исполнения, является основанием для прекращения исполнительного производства и применительно к п. 1 ч. 10 ст. 112 Закона об исполнительном производстве исключает возможность вынесения судебным приставом-исполнителем постановления о взыскании исполнительского сбора, возбуждения соответствующего исполнительного производства.

В целях дальнейшего повышения востребованности и эффективности медиации и иных примирительных процедур, повышения качества и эффективности защиты нарушенных прав необходимо развитие существующих и закрепление новых правовых стимулов для использования таких процедур в суде.

В том числе на совершенствование и закрепление новых процедурных (процессуальных) и экономических стимулов направлены разработанные и внесенные в Государственную Думу Верховным Судом Российской Федерации проект Федерального конституционного закона № 421476–7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Верховном Суде Российской Федерации” в связи с совершенствованием примирительных процедур», проекты федеральных законов № 421600–7 и 421494–7 «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» (далее — законопроект № 421494–7)⁵.

Данные законопроекты были приняты в первом чтении 13 июня 2018 г. и в настоящее время готовятся ко второму чтению.

К числу новых процедурных стимулов, предлагаемых законопроектами, относятся следующие:

- обязанность суда разъяснять существо и преимущества медиации и иных примирительных процедур, предлагать их использование почти на всех стадиях рассмотрения дела;
- обязанность сторон представлять в суд сведения (доказательства) о действиях, направленных на примирение и предпринятых до обращения в суд;
- обязанность суда выяснять мнение сторон о возможности урегулировать спор;
- расширение перечня определений, в которых суд указывает на возможность и целесообразность примирения;
- право суда на указание участвующим в деле лицам на действия, которые необходимо совершить в целях примирения;
- исключение периода для примирения сторон из срока рассмотрения дела в гражданском процессе;
- закрепление системы и особенностей результатов примирения сторон, расширение их перечня, в том числе по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений;
- появление механизмов для более активного использования примирительных процедур по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений (например, возможность отложения судебного разбирательства или приостановления производства по делу по инициативе суда).

Новым экономическим стимулом, предлагаемым законопроектом № 421494–7, является дифференцированный возврат госпошлины во всех судах в зависимости от инстанции, на которой примиряются стороны, и расширение перечня результатов примирения, при использовании которых госпошлина будет возвращаться таким образом.

В частности, в первой инстанции будет возвращаться 70 % госпошлины, во второй — 50 %, в третьей — 30 % в случае заключения мирового соглашения (соглашения о примирении), отказа истца от иска (административного иска), признания ответчиком иска (административного иска), в том числе по результатам проведения примирительных процедур.

Представляется, что законопроектами охватываются не все правовые стимулы для использования медиации и иных примирительных процедур в суде.

⁵ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 19.08.2020).

Например, достаточно высокий положительный эффект могла бы оказать обязательная встреча сторон с медиатором или судебным примирителем. Судья, рассматривающий спор и оценивший его медиабельность, мог бы по своему усмотрению направлять стороны на такую встречу.

Таким образом, представляется, что закрепление и совершенствование правовых стимулов для использования медиации и иных примирительных процедур в суде позволило бы усилить его функцию по содействию сторонам в урегулировании спора; предоставить сторонам больше возможностей для примирения; перенастроить процесс для более активного и комфортного использования медиации и иных примирительных процедур (сделать его более mediation-friendly).

Все это, в свою очередь, привело бы к повышению востребованности и эффективности использования медиации и иных примирительных процедур и в целом к формированию культуры примирения у граждан и субъектов экономических отношений, и, следовательно, к снижению конфликтности, укреплению социальных и деловых связей, развитию партнерских отношений, формированию уважительного отношения к закону, росту социальной активности, повышению правосознания и качества правосудия, в том числе за счет оптимизации судебной нагрузки.

Библиографический список

- Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003.
- Солохин А. Е. К вопросу о результатах примирения спорящих сторон в арбитражном процессе // Российская юстиция. 2009а. № 9. С. 44–48.
- Солохин А. Е. Медиация: через тернии к звездам // Российский судья. 2014. № 11. С. 20–23.
- Солохин А. Е. Мирное соглашение как результат примирения заявителя и государства-ответчика в Европейском суде по правам человека // Арбитражный и гражданский процесс. 2009б. № 1. С. 25–29.
- Солохин А. Е. Мирное соглашение как результат примирения заявителя и государства-ответчика в Европейском суде по правам человека // Арбитражный и гражданский процесс. 2009в. № 2. С. 33–36.
- Солохин А. Е. Признание обстоятельств и соглашение по фактическим обстоятельствам как результаты примирения в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2010а. № 8. С. 30–33.
- Солохин А. Е. Признание обстоятельств и соглашение по фактическим обстоятельствам как результаты примирения в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2010б. № 9. С. 32–35.
- Солохин А. Е. Примирение сторон и его результаты в арбитражном процессе. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50: первые итоги применения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 6. С. 125–158.

References

- Mal'ko A. V. *Incentives and limitations in law*. Moscow, 2003. (In Russian)
- Solohin A. E. To the question of the results of the reconciliation of the disputing parties in the arbitral process. *Russian justice*, 2009a, no. 9, pp. 44–48. (In Russian)
- Solohin A. E. Mediation: Through hardship to the stars. *Russian judge*, 2014, no. 11, pp. 20–23. (In Russian)
- Solohin A. E. Amicable settlement as a result or reconciliation between the applicant and the respondent State in the European Court of Human Rights. *Arbitration and civil process*, 2009b, no. 1, pp. 25–29, (In Russian)
- Solohin A. E. Amicable settlement as a result or reconciliation between the applicant and the respondent State in the European Court of Human Rights. *Arbitration and civil process*, 2009v, no. 2, pp. 33–36. (In Russian)
- Solohin A. E. Recognition of circumstances and agreement on factual circumstances as a result of reconciliation in the arbitration process. *Arbitration and civil process*, 2010a, no. 8, pp. 30–33, (In Russian)
- Solohin A. E. Recognition of circumstances and agreement on factual circumstances as a result of reconciliation in the arbitration process. *Arbitration and civil process*, 2010b, no. 9, pp. 32–35. (In Russian)
- Solohin A. E. Reconciliation of the parties and its results in the arbitral process. Commentary of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 18.07.2014 No 50: first results of reconciliation. *Economic Justice Herald of the Russian Federation*, 2016, no. 6, pp. 125–158. (In Russian)

Раздел 2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИАЦИИ

ГРЕЧЕСКАЯ И ЛАТИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В РИМСКОЙ МЕДИАЦИИ*

А. В. Березкин

канд. ист. наук, доц. кафедры истории западноевропейской и русской культуры Института истории

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.
a.berezkin@spbu.ru*

Ю. Н. Тарасова

канд. психол. наук, доц. кафедры общетеоретических правовых дисциплин юридического факультета

*Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5.
jutarasova@yandex.ru*

С. Ю. Крицкая

канд. филол. наук, доц. кафедры гражданского права юридического факультета

*Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5.
crebet@mail.ru*

Аннотация: Статья содержит сведения, относящиеся к истории развития медиации в Древней Греции и Риме, с привлечением материалов из литературных и юридических источников. В работе приводятся термины, обозначающие как разные виды медиации, так и многообразные типы медиаторов в античности. Mediator — это незаинтересованное лицо, занимающее роль арбитра между оппонентами, к помощи которого прибегают для поиска компромисса. Его задача сводится к сторонней оценке ситуации, формированию непредвзятого мнения. Несомненно, в юстиниановскую и доюстиниановскую эпоху термин mediator не был близким по

* Статья написана при поддержке проекта — победителя стипендиальной программы Владимира Потанина 2018/2019, № ГСГК-85/18 от 22.08.2018 г. по разработке магистерской программы «Медиация. Примирительные процедуры в социальной сфере».

значению к современному пониманию, но следует признать, что черты медиативного процесса по своей основной идее имеют глубокое архаичное происхождение. В римском праве понятие медиации очень близко по смыслу к понятию юрисдикции, которой могли наделяться некоторые субъекты права.

Ключевые слова: Древняя Греция, Рим, римское право, медиация, типы медиаторов, термины медиации, древнегреческий язык, латинский язык.

GREEK AND LATIN TERMS IN ROMAN MEDIATION

A. V. Berezkin

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of History of West European and Russian Culture, Institute of History
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
a.berezkin@spbu.ru*

Yu. N. Tarasova

*Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the Law Faculty
North Western branch of the Russian State University of Justice,
5, Aleksandrovsky park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation.
jutarasova@yandex.ru*

S. Yu. Critskaya

*Candidate of science (Philology), associate professor of the Civil Law sub-department,
Department of Law,
North-Western branch of the Russian State University of Justice,
5, Aleksandrovsky park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation.
crebet@mail.ru*

Abstract: The article contains some items connected with the historical development of mediation in Ancient Greece and Rome, which we know from artistic and juridical literature. There one can see terms reflecting different kinds of mediation and many types of mediators in antiquity. A mediator is a disinterested person who acts as an arbiter between opponents and is used to find a compromise. His task is to make a third-party assessment of the situation and to form an unbiased opinion. Undoubtedly, in the Justinian and pre-Justinian era, the term “mediator” was not close in meaning to the modern understanding of mediation, but it should be recognized that the features of the mediation process have a deep archaic origin in their basic idea. In Roman law, the concept of mediation is very close in meaning to the concept of jurisdiction, which could be assigned to some subjects of law.

Keywords: Ancient Greece, Rome, Roman law, mediation, types of mediators, terms of mediation, Ancient Greek language, Latin language.

«Медиация — это явление, которое культивируется, распространяется и порождается в любом направлении, во все времена... Эта “медиация на все времена” имеет возможность улучшить известное нам право» [Esplugues, Marquis, 2015, p. V–VI].

Медиация прошла длительный исторический путь, ее использовали разные исторические общества в строго определенных случаях, и поныне она развивается не только в международных отношениях, но и во внутренних государственных делах с целью разрешить постоянно возникающие между людьми социальные конфликты. Существует множество определений медиации, но, на наш взгляд, наиболее полно отражает сущность медиации определение, дан-

ное Доном Волшем: «Медиация — это процесс управления конфликтом, где спорящие ищут поддержки или предложения помощи от индивидуума, группы, государства или организации с тем, чтобы уладить их конфликт или разрешить их противоречия без применения физической силы или обращения к авторитету юрисдикции» [Walsh, 2017, p. 4].

Медиация представляет независимую третью сторону в конфликте, осуществляющую необходимую помощь в спорах двух сторон, конфликтующих по принципиальным вопросам, помогая направить в цивилизованное русло поток взаимных претензий, часто выраженных в агрессивных формах, а главное — достичь взаимопонимания. Обычно медиатор не имеет властных полномочий присуждения в споре, а следовательно, не несет ответственности за разрешение конфликта сторон. Однако медиатор имеет возможность внести предложения, объяснения, уточнения на рассмотрение сторон, к которым эти стороны прислушиваются, доверяя личности медиатора. «Опытный медиатор может помочь сторонам в конфликте преодолеть безвыходное положение, приуменьшить возможность получения одной стороной преимущества перед другой и снизить напряженность, которая в противном случае могла бы привести к развитию более непримиримых отношений» [Keazirian, 2009, p. 19].

Широкому кругу общественности Западной Европы понятие медиации стало известно из Нового Завета, так как в трех Посланиях Апостола Павла содержалось слово μεσίτης, которое на латинский язык переводится как mediator, а на русский язык — «посредник».

Послание к Галатам 3. 19, 20	Для чего же закон? Он... преподан через Ангелов, рукою посредника . Но посредник при одном не бывает, а Бог один.	τί οὖν ὁ νόμος... ἐπήγγελται διαταγείς δι' ἀγγέλων ἐν χειρὶ μεσίτου . ὁ δὲ μεσίτης ἑνὸς οὐκ ἔστιν ὁ δὲ θεὸς εἷς ἐστίν.	Quid igitur lex? ...ordinata per angelos in manu mediatoris . Mediator autem unus non est, Deus autem unus est.
1 Послание к Тимофею. 2:5	Ибо един Бог и един посредник между Богом и людьми человек Христос Иисус.	εἷς γὰρ Θεὸς, εἷς καὶ μεσίτης Θεοῦ καὶ ἀνθρώπων, ἄνθρωπος Χριστὸς Ἰησοῦς.	Unus enim Deus, unus et mediator Dei et hominum homo Christus Jesus.
Послание к Евреям. 8:6	Но теперь Он обрел более превосходное служение, поскольку Он и посредник лучшего завета, который узаконен на основании лучших обещаний.	νῦν δὲ διαφορωτέρας τέτυχεν λειτουργίας, ὅσῳ καὶ κρείττονός ἐστιν διαθήκης μεσίτης , ἥτις ἐπὶ κρείττοσιν ἐπαγγελίαις νενομοθέτηται.	Nunc autem melius sortitus est ministerium quanto et melioris testamenti mediator est quod in melioribus repromissionibus sanctum est.

Однако это не означает, что в греческой и римской литературе не встречаются термины, имеющие значение «посредник». Некоторые исследователи, следуя за указанием Иосифа Флавия в «Иудейских древностях»¹, который заметил, что Закон Моисею был передан ангелами, утверждали, что понятие «посредник» возникло в иудаизме [Davies, 1954, p. 135–136], но Малкольм Джилл (Malcolm Gill) в своей диссертации убедительно доказал, что ангелы — это посланники Бога, а послы и мирители разных партий, то есть те, кого можно было бы отнести к посредникам с иудейской точки зрения, были старейшими членами иудейской общины, представителями одной из группировок внутри общины [Gill, 2006, p. 135]. Тем не менее в греческом переводе ветхозаветной Книги Иова есть слово «посредник»: Εἴθε ἦν ὁ **μεσίτης** ἡμῶν καὶ ἐλέγχων καὶ διακοῶν ἀνὰ μέσον ἀμφοτέρων. «Нет между нами посредника-медиатора, который положил бы руку свою на обоих нас». В переводе П. П. Юнгера это место звучит так: «О, если бы у нас был посредник, который рассудил бы и выслушал обоих!»². И хотя мы не знаем,

¹ Iosephus. Antiquitates Iudaicae. 15. 136.

² Иов. 9:33. Библия: Кн. Свящ. Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Моск. Патриархия, 1988. С. 1371.

как выглядело древнееврейское слово, так как сохранился только греческий текст этой книги Танаха I в. до н.э., мы можем предположить, что какое-то понятие медиации все-таки было. Однако М. Джилл и другие исследователи высказали мысль, что теологическая терминология понятия медиации возникла из двух источников: эллинистической риторической традиции и терминов, связанных с культурами римских императоров, и римским правом, поскольку греко-римская литература в I–II вв. н.э. была знакома основным представителям христианской аудитории лучше, чем малодоступные к этому времени старинные древнееврейские рукописи и пока еще только формирующиеся моральные постулаты зарождающегося христианства [Gill, 2006, p. 172].

Существительное *μεσίτης* ‘посредник’ и глагол *μεσιτεύω* ‘быть посредником’ в классической Греции не употреблялись. Хотя явление медиации использовалось достаточно широко, передавалось оно с помощью разных слов. Так, в «Трапезитской речи» Исократ V в. до н.э., где он защищает иностранца из Боспорского царства, пользующегося правом проксении (*προξενία*) — защитой торговых интересов в Афинах, против менялы Пасиона, используются слова, связанные с посредничеством в сделках и примирительными судебными процедурами: *συμβόλαιον* ‘посредничество’, *συνθήκη* ‘компромисс, заключенный в третьей стороне’, *ὁ τι αὐτός βούλοιο* ‘мы примиримся между собой’³. Но термин, в основном использовавшийся в архаической и классической Греции, все-таки был: это — родственный *μεσίτης* термин *μέσος*, имевший несколько значений, среди которых было «посредник» [Liddell, Scott, 1996, p. 1107]. Так был назван в Илиаде Антилох, отправленный Менелаем к Ахиллу для переговоров⁴. У Аристотеля термин приобретает правовую коннотацию «судья как арбитр, разбирающий конфликт двух партий»⁵. У Фукидида в «Истории Пелопоннесской войны» описан военный эпизод, когда спартанский полководец Брасид решил сам до начала боевых действий отправиться к царю небольшого македонского племени линкестов Аррабею, чтобы путем переговоров привлечь царя к союзу с лакедемонянами. Аррабей согласился подчиниться в споре с македонским царем Пердиккой решению Брасида как третьей стороны — справедливого посредника — *μέσος δικαστής*⁶.

Термин *μεσίτης* появился в эллинистический период в труде греческого историка Полибия, жившего в III–II вв. до н.э. в Риме, где он рассказал о том, что в войне между наследниками Александра Великого Антиохом и Птолемеем применил медиацию, чтобы склонить стороны к миру⁷. Следовательно, появился новый термин со значением «миротворец», «переговорщик». Затем появились другие значения, поскольку, с одной стороны, термин принял строгое юридическое значение «посредник между законом и людьми», «судебный примиритель», «арбитражный судья», а с другой стороны, *μεσίτης*, *προξενητής* соответствовали понятию «посредник» в широком смысле, в разных областях жизни (торговой, религиозной, военной и т.д.). Кроме того, в трудах греческих и римских риторов Деметрия Фалернского, Дионисия Галикарнасского, Никомаха Герасского, Марка Туллия Цицерона, Квинта Гортензия Гортала, Веттия Валента Антиохского и др. появляются термины: *μεσίδιον* ‘медиатор, посредник’ и *μεσιτεία* ‘медиация’ как примирение, переговоры, судейство, свидетельство, посредничество между богом (или обожествленным с I в. до н.э. римским императором) и людьми (*θεοῦ καὶ ἀνθρώπων*). Именно последнее значение и было воспринято христианским богословием.

Эмил Бенвенист доказывал идею об особом значении праиндоевропейского корня **me-* с суффиксами *-s/-d-*: *mes-/med-* ‘мерить’, то есть ‘устанавливать меру, некоторые ограничения в действиях, приводить в порядок, принимать меры, соответствующие усложнению ситуации’:

³ Isocrates. Trapezitikos. 191. 5; 19; 20.

⁴ Homerus. Ilias. 23, 574.

⁵ Aristoteles Stagiritis. Ethica Nicomacheria. 1132a. 22f.

⁶ Thucydides. Historiae. 4, 83.

⁷ Polybius. Historiae. XXVIII. 17, 8.

μεδέων 'защитник, распорядитель', μήτορ 'советчик, переговорщик, примиритель', μήδεα 'замыслы, советы, устранение беспорядка', латинское *medicus* 'тот, кто приводит в норму организм', оскское *meddix* 'судья, примиритель сторон', кельтское *mess* 'суд, судебное следствие'. Смысл — «применение мер, как вмешательство в разрешение возникшего затруднения» [Бенвенист, 1995, с. 313–318].

Римляне активно использовали не только латинские, но и греческие термины, поскольку еще Цицерон писал: «*Doctrina Graecia nos et omni litterarum genere superabat*» — «Греция нас ученостью и всякого рода науками превосходила»⁸. Например, термин *proxeneta* обозначал посредника в торговых делах⁹.

Однако в римских документах и литературе понятие «посредник» представлено рядом терминов: *conciliator*, *intercessor*, *interlocutor*, *transactor*, *internuncius*, *interpres*, *medium* и только в последнюю очередь — *mediator*.

Значение слова *conciliator* — «миротворец, несущий мир», например, у Апулея «*Quietis, concordiae et pietatis auctor, conciliator est*» — «Посредник, который является творцом спокойствия, согласия и уважения»¹⁰. В республиканскую эпоху этот термин выступает в юридическом смысле — «мировой посредник, склоняющий стороны к примирению», причем действия концилиатора защищались плебисцитами, а в эпоху императоров — указами императоров¹¹.

Intercessor — это поручитель одной из сторон в судебной тяжбе: *intercessorem existere* — «выступать за кого-нибудь в суде поручителем», например за женщину, которая не может самостоятельно выступать в процессе, а интересы интерцессора защищаются двумя исками: иском о возвращении дела в прежнее состояние и иском об установлении нарушения, если установлено, что женщина совершает деликт против интересов интерцессора в полном осознании своего поступка¹².

Термин **interlocutor** появляется в средневековой лексике латинского языка, но в римском праве было родственное слово *interlocutio*, обозначающее устное предварительное решение судьи, которое при примирении сторон не становится *res iudicata* — окончательным судебным решением. Позднее этим словом стали обозначать частное определение, решение судьи или магистрата по второстепенным делам¹³.

Термин **transactor** указывает на особое мировое соглашение — *transactio*, которое, как и медиация, применялось на досудебной и судебной стадиях судопроизводства. С помощью транзакции можно было решить спор внепроцессуальными методами, но в присутствии судьи, когда стороны могли принести добровольную присягу (*iurandum voluntarium*) по поводу искового притязания: «*Iurandum speciem transactionis continent maiorem que habet auctoritatem quam res iudicata*» — «Присяга содержит особый вид мирового соглашения и имеет большую силу, чем судебное решение»¹⁴. «*Qui transigit, quasi de re dubia et lite incerta neque finita transigit*» — «Тот совершает согласительные действия, кто ведет переговоры о сомнительном деле либо о неопределенном или неоконченном споре»¹⁵. Таким образом, транзакция — примирительная процедура по соглашению двух сторон, когда они согласны удовлетворить взаимные требования.

Internuncius — это слово церковного языка, впервые засвидетельствованное в Деяниях апостолов из Нового Завета. Оно обозначало апостольского посланника, выступавшего при-

⁸ M. Tullius Cicero. *Tusculanae Disputationes*. I, 3.

⁹ *Digestae Iustiniani // Corpus iuriscivilis*. L. 14 — *de proxenetis* — о действиях проксенетов.

¹⁰ Apuleus. *Apologia*. 95.

¹¹ *Institutiones Iustiniani // Corpus iuris civilis*. 60, 1; *Digestae Iustiniani // Corpus iuris civilis*. 17, 1.

¹² *Codex Iustiniani // Corpus iuris civilis*. 5, 7; *Digestae Iustiniani // Corpus iuris civilis*. 15, 1.

¹³ *Digestae Iustiniani // Corpus iuris civilis*. 28, 3.

¹⁴ Paul. D. 12, 2, 2.

¹⁵ Ulp. D. 2, 15, 1.

мирителем двух противоборствующих партий в ранних христианских общинах — эллинизированных евреев (не прошедших обряд обрезания) и евреев — бывших иудеев (обрезанных), перешедших в христианство.

Термин **interpres** обозначает вестника, посредника между миром людей и богов в каноническом праве.

В римском праве действовал девиз: *Ibi ius ubi defensio* — «Там право, где есть защита», поэтому, чтобы защитить интересы отдельных граждан, необходимо прибегнуть к помощи **defensor iuris** — «защитника права». Он может действовать как официальное государственное лицо или же быть сторонним компетентным лицом-посредником, которому участники спора всецело доверяют. Эффективное применение примирительных процедур для урегулирования споров выработало понятие медиатора. К сожалению, термин *mediation* до нас не дошел, но о его существовании говорит термин *mediator*.

Mediator (образовано от латинского прилагательного *medius* ‘средний, находящийся по середине, относящийся к усредненной норме’ и суффикса *-tor*)¹⁶ — это неофициальное лицо, выполняющее роль посредника между оппонентами, к помощи которого прибегают для поиска решения, устраивающего обе стороны. Его задача сводится к сторонней оценке ситуации, формированию непредвзятого мнения и убеждению сторон. Самое раннее свидетельство дано Апулеем во II в. н.э.: «*ad seuerat parui se pendere tot mediatorum praesentiam*» — «он заявляет, что ему мало присутствия стольких посредников»¹⁷. Затем этот латинский термин приводится Аврелием Августином и Иеронимом в IV в. н.э., и наконец, в VI в. н.э. в сокращении к Новеллам из Свода римского гражданского права — *Iuliani Epitome Latina Novellarum* — сказано: «Умолчание — это посредник между согласием и несогласием, если речь идет о преюдиции или об эксцепции». Законность применения медиации и способы защиты медиатора были установлены в Дигестах «О судебном решении, об исполнении судебных решений и о частных определениях»¹⁸, где сообщалось, что правом «рассмотрения» (юрисдикцией) может обладать гражданин — представитель муниципия или гражданин как физическое лицо, он же именуется мировым посредником. То есть медиатор не должен обладать властными полномочиями и быть официальным лицом, чтобы совершить примирительную процедуру в досудебном расследовании, учитывая при поведении процедуры медиации интересы обеих сторон.

Mediator — это незаинтересованное лицо, занимающее роль арбитра между оппонентами, к помощи которого прибегают для поиска компромисса. Его задача сводится к сторонней оценке ситуации, формированию непредвзятого мнения. Несомненно, в юстиниановскую и доюстиниановскую эпоху рассматриваемый термин не был близким по значению к современному пониманию медиации, но следует признать, что черты медиативного процесса по своей основной идее имеют глубокое архаичное происхождение.

В римском праве понятие медиации очень близко по смыслу к понятию юрисдикции, которой могли наделяться некоторые субъекты права.

Библиографический список

- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995.
Davies W.D. A Note on Josephus, *Antiquities* 15: 136 // *Harvard Theological Review*. 1954. Vol. 47. Issue 3. P. 135–140.
Esplugues C., Marquis L. *New Developments in Civil and Commercial Mediation. Global Comparative Perspectives*. Heidelberg: Springer, 2015.

¹⁶ Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968. P. 1088.

¹⁷ Apuleus. *Metamorphoses*. 9. 36.

¹⁸ *Digestae Iustiniani* // *Corpus iuris civilis*. § 5. Titulus 42.

- Gill M. J. *Jesus as mediator. A study of the cultural understanding of the role of mediators in first century Asia Minor and its implications for the interpretation of I Timothy 2:1–7*. Dallas: Dallas Theological Seminary, 2006. (Unpublished diss.)
- Keazirian E. M. *Peace and peacemaking in Paul against the backdrop of Greco-Roman conceptions of peace*. Boston: Boston University Press, 2009. (Unpublished diss.)
- Walsh D. *Independent Commissions and Contentious Issues in Post — Good Friday Agreement Northern Ireland*. Dublin: Palgrave MacMillan, 2017.

References

- Benveniste E. *Le vocabulaire des institutions indo-européennes* [*Dictionary of Indo-European Social Terms*]. transl. from French. Rus. Ed. Moscow, Progress Univers Publ., 1995.
- Davies W. D. A Note on Josephus, *Antiquities* 15: 136. *Harvard Theological Review*, 1954, vol. 47, issue 3, pp. 135–140.
- Esplugues C., Marquis L. *New Developments in Civil and Commercial Mediation. Global Comparative Perspectives*. Heidelberg, Springer Publ., 2015.
- Gill M. J. *Jesus as mediator. A study of the cultural understanding of the role of mediators in first century Asia Minor and its implications for the interpretation of I Timothy 2:1–7*. Dallas, Dallas Theological Seminary Publ., 2006. (Unpublished diss.)
- Keazirian E. M. *Peace and peacemaking in Paul against the backdrop of Greco-Roman conceptions of peace*. Boston, Boston University Press, 2009. (Unpublished diss.)
- Walsh D. *Independent Commissions and Contentious Issues in Post — Good Friday Agreement Northern Ireland*. Dublin, Palgrave MacMillan Publ., 2017.

INVOLVEMENT OF CHILDREN IN MEDIATION — THERAPEUTIC AND HUMAN RIGHTS APPROACHES

R. Brzobohatý

*Candidate's degree in jurisprudence,
Masaryk University,
617/9, 601 77, Žerotínovo nám., Brno, Czech Republic.
robin.brzobohaty@gmail.com*

Annotation: The general prevailing practice of mediation is that mediation concerns subjects of mediation — in family mediation, it is usually parents and not children. Most of the family mediators and family law practitioners in Europe tend to think about the role of children in a way they are vulnerable and in need of protection. This protection performed by family mediators usually has a form of exclusion of children from mediation. In the beginning, we will reveal that this practice is not consistent with requirements of the Convention on the Rights of the Child and will propose a more tailored analysis of the Convention and enclosed General Comments of the Committee on the Rights of the Child. In the following sections, we will introduce three possible approaches (models) to the family mediation that are based on the more or less direct involvement of children into mediation, all of them meeting the requirements of the Convention. Theoretical underpinnings and practical procedural steps will be introduced for the three most influential child inclusive family mediation models: child-focused mediation, child-inclusive mediation based on the developmental-therapeutic approach, and child-inclusive mediation based on the rights of the child. Special attention we will pay to the balancing of the principles of participation and protection.

Keywords: Convention on the Rights of the Child, children, child-inclusive mediation models, family mediation, participation, protection.

ВОВЛЕЧЕНИЕ ДЕТЕЙ В МЕДИАЦИЮ — ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ И ПРАВООЩИТНЫЙ ПОДХОДЫ

P. Brzobohaty

*канд. юрид. наук
Масариков университет,
Чешская Республика, Брно, Жеротиново нам., 617/9, 601 77.
robin.brzobohaty@gmail.com*

Аннотация: Общая преобладающая практика медиации заключается в том, что медиация касается субъектов медиации — в семейном посредничестве обычно это родители, а не дети. Большинство семейных посредников и практикующих семейных юристов в Европе склонны думать о роли детей, так как они уязвимы и нуждаются в защите. Эта защита, осуществляемая семейными медиаторами, обычно имеет форму исключения детей из медиации. Вначале мы расскажем, что эта практика не соответствует требованиям Конвенции о правах ребенка, и предложим более специализированный анализ Конвенции и прилагаемых к ней общих замечаний Комитета по правам ребенка. В следующих разделах мы представим три возможных подхода (модели) к семейной медиации, которые основаны на более или менее прямом участии детей в медиации, причем все они отвечают требованиям Конвенции. Теоретические основы и практические процедурные шаги будут введены для трех наиболее влиятельных моделей семейной медиации, учитывающих интересы детей: медиация, ориентированная на ребенка, медиация, в которой принимает участие ребенок, основанная на терапевтическом подходе к развитию, и медиация, учитывающая интересы ребенка, основанная на правах ребенка. Особое внимание мы уделим сбалансированности принципов участия и защиты.

Ключевые слова: Конвенция о правах ребенка, дети, модели медиации, где вовлечены дети, семейная медиация, участие, защита.

Introduction

The general prevailing principle of mediation is still that mediation concerns subjects of mediation — in family mediation it is usually parents and not children. General Comment No. 12 of the Committee on the Rights of the Child of the United Nations¹ (hereinafter GC12) postulates that children have the right to be heard in mediation in the event of separation or divorce. In particular: *...all legislation on separation and divorce has to include the right of the child to be heard by decision-makers and in mediation processes* [GC12, 2009, p. 15]. According to GC12, the situation of divorce or separation of parents is one of the critical circumstances in which the child must be heard. Thus, the general principle of mediation cannot be applied as a norm where mediation deals with another person (in family mediation with a child), because the outcome of mediation affects parents as well as children [Thörnblad, Strandbu, 2018, p. 185]. Mediators are now in a historically unique situation where they are part of the social changes that will be taken for granted in decades. Like all previous historical situations, this tends to appear somewhat invisible and undecided. On the other hand, like all previous similar historical situations — the abolition of slavery, the granting of voting rights to poor men, and later to women — even this is unstoppable. Mediators do not face the problem of whether or not to involve children in mediation. Since the ratification of the Convention on the Rights of the Child (hereinafter CRC), this issue has been definitively decided in favor of the involvement of children. The meaningful questions that family mediators should ask are **how** and **when** to involve children. This article provides an overview of the current possibilities of involving children in mediation, in terms of approaches based on therapeutic positions and positions based on children's rights.

General legal analysis of child participation in mediation

At the latest with the adoption of the CRC, it is indisputable that children have individual rights. Thus, a rights-based approach requires some adjustment from family mediation. Article 3 of the CRC says²: *“In all actions concerning children, whether undertaken by public or private social welfare institutions, courts of law, administrative authorities or legislative bodies, the best interests of the child shall be a primary consideration.”* It must also apply to mediation; the interest of children must be a prime consideration. Best interest evaluation must respect not only all the rights contained in the CRC but also the Optional Protocols of the Committee on the Rights of the Child. It is not permissible to carry out a general assessment of children's interest. Best interest must be evaluated on a case-by-case basis and adapted to the specific needs and situations of each child and must be formulated in cooperation with the child [Salminen, 2018, p. 213].

The obligation to have the best interests of the child as a primary consideration also applies specifically to family mediation. The CRC States' commitment to properly consider the best interests of the child is an absolute commitment involving all public and private welfare facilities, courts, administrative and legislative bodies working with or concerning children. An interesting and often overlooked detail here is that mediation as a follow-up and complementary to court hearings is not in General Comment No. 14 of the Committee on the Rights of the Child of the United Nations³ (hereinafter GC14) included under public or private welfare facilities but under the designation of courts. Commentary 14 directly mentions that *“The Committee underlines that “courts” refer to all judicial proceedings, in all instances — whether staffed by professional judges or lay persons — and all relevant*

¹ All references to the General Comment No. 12 are towards English original of the document. All the language mutations here: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2fGC%2f12&Lang=en (accessed: 04.07.2020).

² See https://treaties.un.org/doc/Treaties/1990/09/19900902%2003-14%20AM/Ch_IV_11p.pdf (accessed: 04.07.2020).

³ All references to the General Comment No. 14 are towards English original of the document. All the language mutations here: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2fGC%2f14&Lang=en (accessed: 04.07.2020).

procedures concerning children, without restriction. This includes conciliation, mediation and arbitration processes.” [GC14, 2013, p. 8].

One of the interesting questions posed by Salminen [Salminen, 2018, p.214–215] is how such an obligation in mediation can be fulfilled while preserving the parties’ right to self-determination, which is the defining and constitutive principle of mediation as such? The position of the mediator as an impartial expert without the direct influence of his authority and will on the parties comes into consideration. If mediation assumes as a matter of principle that it is primarily parents who are best placed to make right decisions about the needs of their children, even in those situations where such parents’ decisions conflict with what mediator would have decided, how can a mediator fulfill the requirement to ensure the best interests of the child?

The formulation “must be a prime consideration” does not give the Contracting States any discretion to take into account the best interests of the child in mediation. According to the CRC’s diction, the best interests of the child must be assessed in mediation and must be a prime consideration. This measure is protective. It takes into account that the position of the child in mediation is unique and disadvantaged. The child is logically dependent on adults, finds himself at different levels of mental maturity, has a significantly weaker legal position, and adults effectively silence his voice. “*Children have less possibility than adults to make a strong case for their own interests and those involved in decisions affecting them must be explicitly aware of their interests. If the interests of children are not highlighted, they tend to be overlooked.*” [GC14, 2013, p. 10]. The Committee defines child’s best interests as a threefold concept [GC14, 2013, p. 4]:

- a) a substantive right;
- b) a fundamental, interpretative legal principle;
- c) a rule of procedure.

In the context of mediation, we are now particularly interested in the third aspect, which understands the best interest of the child as a rule of procedure. In short, it is meant that whenever a decision affecting a child’s life is made, this decision is demonstrably based on an assessment of the (positive and negative) impact of such a decision on the child’s life. “*In this regard, States parties shall explain how the right has been respected in the decision, that is, what has been considered to be in the child’s best interests; what criteria it is based on; and how the child’s interests have been weighed against other considerations, be they broad issues of policy or individual cases.*” [GC14, 2013, p. 4]. The Contracting States are therefore required to establish and respect child-friendly procedural safeguards to assess and determine the best interests of the child, including mechanisms for evaluating the final results. One such guarantee is the right of the child to participate, or the right to express an opinion. This requirement is based on the understanding that communication with them is a prerequisite for understanding children’s interest. This is the only way to facilitate their meaningful participation in mediation and to identify their best interests. GC14 assumes a situation where the child wants to participate on his or her own as well as a situation when another person substitutes the child. The obligation to prove the mechanism and criteria for assessing the interest of the child also applies to this person [GC14, 2013, p. 18].

This is not a theoretical discussion. Article 3 of the CRC requires and obliges the Member States. Again, the question is not whether or not, but how this provision will be fulfilled. It is, therefore, absolutely impossible to persuade and argue that children’s participation in mediation is not appropriate. The Committee clearly articulates the factors that must be taken into account when assessing the best interests of the child. The first is the views of the child [GC14, 2013, p. 13].

Such an understanding reinforces the wording of Article 12 of the CRC: “*States Parties shall assure to the child who is capable of forming his or her own views the right to express those views freely in all matters affecting the child, the views of the child being given due weight in accordance with the age and maturity of the child.*” Again, the term *shall assure* is a strong imperative that leaves no discretion as to whether or not. It is about formulating a clear duty to take measures concerning family media-

tion, which will make it clear that even the child's right to participate is guaranteed. States Parties are obliged to create conditions, not obstacles in the form of various age, legislative or procedural restrictions. It is considered completely unacceptable to assume that the child is unable to form an opinion or to express it meaningfully. It is not necessary for the child to comprehensively understand all aspects of the matter that concerns him or her. Suffice it to understand the situation enough to be able to express his or her own opinion on the matter [GC12, 2009, p. 9].

Summing up the existing considerations, it is clear that the state has a duty to ensure that children participate in family mediation, and mediators are obliged to use a procedure that allows their participation. Furthermore, it is clear from the existing considerations that the process of family mediation must include an evaluation of the best interests of the child, including a clear description of the procedure and criteria based on which the proposed solution was assessed to be in compliance with the best interests of the child. If such proof is to be evincible, there are no other ways than some form of written output.

Models of involving children in mediation

So far, three main streams of family mediation have been identified [Brzobohatý, 2016, p. 28]:

- a) mediation without children (mediation as usual — MAU);
- b) child-focused mediation (CFM);
- c) child-inclusive mediation / child-inclusive practice:
 - c.1. child-inclusive mediation based on developmental-therapeutic approach (CIP);
 - c.2. child-inclusive mediation — rights-based approach (BIM).

Child-focused mediation (CFM)

Child-focused mediation favors the psychological and relationship elements of parental separation and focuses on creating parental agreements that best support the child's developmental needs. It can be described as seeking the voice of a child without his or her presence. The child's interest is sought through information provided about them by the parents [Al-Alosi, 2018, p. 11]. The goal of child-focused mediation is to create an environment where parents can actively consider their children's unique needs, mediate an agreement that allows children to maintain significant relationships and allow them to psychologically adapt to family breakdown, encourage parents to leave with better prospects of their future parenthood and ensure that ongoing mediation or court proceedings and their outcomes reflect the basic developmental psychological needs of each child to the extent that can be achieved without the direct involvement of children [Emerson, Britton, 2008, p. 9]. In this approach, the risk of creating incorrect assumptions by parents about the needs and interests of their children can be critically considered, as there is no opportunity to actually hear the children's opinion [Al-Alosi, 2018, p. 11]. Among other techniques used by the mediators are empty chair, displaying the photography of the child in the mediation room, using icebreakers connected with the child (what is his/her name, how old is he/she). It may also be more developed techniques based on hypothesizing and imagination, mainly posing hypothetical questions, such as: "How do you think your Alice would feel about that?" "How would you like your Peter would see you as parents 12 years after this day?"

Child-inclusive mediation based on developmental-therapeutic approach (CIP)

In contrast, the core of child-inclusive mediation is a developmental therapeutic conversation. The approach can be characterized as seeking the voice of a child in his/her presence. It is a practice that allows children to be part of a conversation through a spoken or written word, through drawings or, for example, by playing stories [Voice of the Child Dispute Resolution Advisory Group, 2015, p. 6].

The primary objective of the approach is to restore and maintain a safe emotional base for the child in the period immediately following the break-up of the family. This approach requires at least two experienced professionals — a mediator who works with parents to resolve disputes and make their decisions, and a child specialist who meets with the child and provides feedback to the mediator and parents. Mediation involving children shares the same intent and approach as child-focused mediation, but also includes a direct assessment of the children's experience and experience about family breakdown and its relationship with each parent [Emerson, Britton, 2008, p.10–11]. This model is based not only on the recent theoretical background but also on extensive research. The CIP model addresses frequent reluctance and resistance of the mediators and their concerns about child involvement with a rigorous emphasis on child safety and well-being guaranteed by a “child specialist” — a specialist with adequate education (psychologist, psychotherapist, social worker) and specialized training. The author of the model is an Australian pediatric clinical psychologist, Dr. Jennifer McIntosh. She and her colleagues followed several of her longitudinal researches [McIntosh et al., 2004; McIntosh et al., 2008] on children's reactions to parent conflicts. As a result, there were findings of emotional lability, impaired emotional attachment, behavioral disorders, depression, self-harm, and suicide in children exposed to long-term parents' disagreements. Longitudinal research results have also been confirmed in research in Ireland, the United Kingdom, and the USA. We do not have time to look at all the research results in detail, but we can summarize three results that illustrate the meaningfulness of mediation in the CIP model. To illustrate, we have chosen three angles — the angle of view of children, the angle of view of parents, and the angle of view of the family law system.

From the perspective of children, it appears that their involvement in mediation has proven to play a role for them in the medium period. It means that the effects of engaging children in mediation often do not have a chance to manifest themselves too much when children are involved. The palpable effects for children are so very similar to those where children are not directly involved in mediation. After only one year, however, these effects are quite distinct. Children who were directly involved in the mediation (N = 79) were, after a year, basically satisfied with the current arrangements and conditions of their contact with both parents and did not show the need for any change in this direction. In contrast, children from a group where mediation was focused on children but nobody spoke to children in the context of mediation showed raising dissatisfaction after a year with the current arrangements for their lives and contact with their parents [McIntosh et al., 2008, p. 113–114].

From the parents' point of view, it is certainly worth mentioning the effect that their children's involvement in mediation had on them. Parents who were part of CFM (N = 75) answered the question of what influenced their shift in mediation, in a rather vague manner. Twenty-eight percent of them said that nothing had the greatest influence, and twenty-seven percent were unsure whether anything affected them at all. Only eight percent of parents responded that they were most affected by their focus on children. In contrast, almost half of all parents (43 %) who have undergone child-inclusive mediation (N = 101) reported as the most significant influence the ability to hear their children's understanding and experience [McIntosh et al., 2008, p. 116–117].

Impressive results also offer a systemic view of the effects of involving children in family law as a social practice. In one year after the conclusion of the mediation agreement, a significant decrease in the number of new petitions to the court and the number of new decisions required is demonstrated in favor of mediation involving children when compared with the child-focused mediation. It can be demonstrated that child involvement is a more appropriate tool for family law than just focusing on children without their involvement [Rudd et al., 2015, p. 454–456].

The CIP model consists of 5 steps, but we will not describe them further here. We will only mention the first step, which is to consider the suitability of inviting a child to mediation and the invitation itself. At this point, the mediator comes to the parents with an offer to find out how their child is experiencing the situation. It does not have to be a child whose parents have a dispute over custody or intercourse. The child can also be invited in matters of maintenance, change of residence, and others.

The basis is, therefore, a situation which affects the child, in which it is evident that the parents have disagreements. In these moments, a child's voice should always be given space.

No opinion is obtained if the children are too young or if the child or the parents disagree. It is usually a voluntary process, to which both the child and its guardians must agree. Even during the process, the child has the opportunity to change his/her participation at any time and end the cooperation with the interviewer. When it comes to the issue of age, the specific child and his or her developmental stage must always be taken into account. Cognitive maturity, and thus the way the child interprets the conflict, are tied to the child's age. Since it is also one of the fundamental aspects explaining the impact of conflict on a child [Grych, Fincham, 1990], the specificities of each age group should always be taken into account. In general, thoughts can be considered for children aged 5–6 years.

Child-inclusive mediation — rights-based approach (BIM)

Thørnblad and Strandbu (2018) offer a research-based alternative approach to mediation involving children, which, however, does not have as its core developmental therapeutic effect but purely fulfillment of the rights of the child. It is a Scandinavian model, "Child in Mediation" (Barn i mekling — BIM). The BIM model systematically involves children in mediation. The research of 250 mediation Thørnblad and Strandbu carried out shows how mediation presents the behavior of children as actors, who, when given a chance, usually choose to express themselves.

Part of the BIM model is the so-called child interview conducted by the mediator. Its purpose is threefold:

- a) to help the child understand what is happening in the process of transforming his or her family;
- b) prevent any difficulties by allowing the child to express his/her feelings and opinions concerning the separation/divorce of the parents; and
- c) allow the child to fulfill his/her democratic right to participate under Article 12 of the CRC.

The interview is, therefore, constructed around three questions reflecting the three purposes of the interview with the child:

1. What happened / what is happening?
2. How do you feel?
3. Is there anything you want to tell your parents?

The outcome of the interview is called a „child report,“ and the mediator writes it as faithfully as possible using the child's vocabulary after the interview. At the beginning of the mediation, the mediator communicates the child's message to the parents, and after the mediation ends, the mediator again engages the child and his/her parents in a joint conversation where the child has the opportunity to learn what the parents have achieved. Children in the BIM model are not directly and personally involved in the mediation between parents, nor is their participation in any subsequent mediation meetings [Thørnblad, Strandbu, 2018, p. 184–187].

The relatively tight space that children have to enter mediation in the BIM model, along with the explicit rule that child involvement does not end with reporting to parents, is likely to overcome some of the concerns raised by previous research on child involvement in mediation, take advantage of the effects of mediation with the involvement of children. Henry and Hamilton (2012), for example, point out that although most children in their research sample reported either not remarkable or in some beneficial experience, for a small percentage of children their involvement was a source of concern and fear. In particular, they were children from families who were subjected to domestic violence or whose parents were prone to violent anger. For this small group of children, expressing their wishes and feelings about family issues was a source of emotional stress [Henry, Hamilton, 2012, p. 584–586].

Conclusion

As we can see, inclusion of children to the proces of family mediation is as possible as useful. When we speak about real involvement, one that truly fulfills requirements of the CRC and general comments of the Committee, we see at least two distinct approaches. We can focus solely on the fulfillment of the rights of the children, which is enough value itself. Or we can focus on something more. We can focus on long-term healing effects. Thus we can achieve even more results, but the price is complexity of the work, number of people involved and, last but not least, money. One way or another, there is a clear path practitioners and politicians can follow in adapting social policy towards fulfilling children's rights in family disputes.

References

- Al-Alosi H. Will Somebody Please Think of the Children?! Child focused and Child Inclusive Models in Family Dispute Resolution. *Australasian Dispute Resolution Journal*. 2018. Vol. 29. No. 1. P. 8–20.
- Brzobohatý R. Možnosti participace dětí v mediaci. *Kutlík F. (ed). Rodinná mediácia v kontexte aktuálnej právnej úpravy*. Bratislava, Vysoká škola zdravotníctva a sociálnej práce sv. Alžbety. 2016. P. 17–31.
- Emerson M., Britton D. *Involving Children in Family Dispute Resolution. Legalwise Seminars*. 2008.
- Grych J. H., Fincham F. D. Marital conflict and children's adjustment: A cognitive-contextual framework. *Psychological Bulletin*. 1990. No. 108. P. 267–290.
- Henry P., Hamilton K. The Inclusion of Children in Family Dispute Resolution in Australia: Balancing Welfare versus Rights Principles. *International Journal of Children's Rights*. 2012. Vol. 20. P. 584–602.
- McIntosh J. Child inclusion as a principle and as evidence-based practice: Applications to family law services and related sectors. *AFRC Issues*. 2007. No. 1. P. 1–23.
- McIntosh J. E., Long C. M. Moloney L. Child-focused and child-inclusive mediation: A comparative study of outcomes. *Journal of Family Studies*. 2004. Vol. 10. No. 1. P. 87–96.
- McIntosh J. E., Wells Y. D., Smyth B. M., Long C. M. Child focused and child inclusive divorce mediation: comparative outcomes from a prospective study of postseparation adjustment. *Family court review*. 2008. Vol. 46. No. 1. P. 105–124.
- Nylund A., Ervasti K., Adrian L. (eds.) *Nordic Mediation Research. 1. ed.* Cham, Springer Publ.. 2018.
- Rudd B. N., Ogle R. K., Holzworth-Munroe A., Applegate A. G., D'Onofrio B. M. Child-Informed Mediation Study Follow-Up: Comparing the Frequency of Relitigation Following Different Types of Family Mediation. *Psychology, Public Policy, and Law*. 2015. Vol. 21. No. 4. P. 452–457.
- Salminen K. Mediation and the Best Interests of the Child from the Child Law Perspective. *Nylund A., Ervasti K., Adrian L. (eds.). Nordic Mediation Research 1. ed.* Cham, Springer Publ.. 2018. P. 209–224.
- Thørnblad R., Strandbu A. The Involvement of Children in the Process of Mandatory Family Mediation. *Nylund A., Ervasti K., Adrian L. (eds.). Nordic Mediation Research 1. ed.* Cham, Springer Publ., 2018. P. 183–208.

UN documents

- Convention on the Rights of the Child of the United Nations, 1989. URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/crc.aspx> (accessed: 04.07.2020).
- General Comment No. 12 of the Committee on the Rights of the Child of the United Nations, 2009. URL: <https://www2.ohchr.org/english/bodies/crc/docs/AdvanceVersions/CRC-C-GC-12.pdf> (accessed: 04.07.2020).
- General Comment No. 14 of the Committee on the Rights of The Child of the United Nations, 2013. URL: https://www2.ohchr.org/English/bodies/crc/docs/GC/CRC_C_GC_14_ENG.pdf (accessed: 04.07.2020).

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА У ПРАКТИКУЮЩИХ МЕДИАТОРОВ

М. С. Бриль

Начальник Службы Медиации

С. О. Пегашова

Начальник отдела восстановительного правосудия Службы Медиации

*Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи “КОНТАКТ”»,
Российская Федерация, 196070, Санкт-Петербург, ул. Фрунзе, д. 4.*

mediation-kontakt@mail.ru

Аннотация: В этой статье вы найдете краткий обзор специфических и неспецифических факторов профессионального выгорания. Материал основан на практике службы медиации, которая включает более 1500 дел. Наши медиаторы усердно работают с конфликтами между подростками и родителями, мужьями и женами, преступниками и жертвами, учителями и студентами — если мы ничего не будем делать, чтобы предотвратить их выгорание, — мы потеряем высококлассных специалистов в этой области и откатимся назад в развитии медиации как социальной технологии.

Ключевые слова: медиация, медиатор, профессиональное выгорание, профилактика, конфликт.

PRACTICING MEDIATORS' PROFESSIONAL BURNOUT AND ITS PREVENTION

M. S. Bril

The Head of Mediation Service Department

S. O. Pegashova

The Head of Restorative justice of the Mediation service Department

*Saint-Petersburg state budgetary institution “City center of social programs and prevention of antisocial behavior among youth “KONTAKT”
4, Frunze st., St. Petersburg, 196070, Russian Federation.*

mediation-kontakt@mail.ru

Abstract: In this article, you can find a short overview of specific and nonspecific factors of professional burnout. Material is built on Mediation Service practice, which includes more than 1500 cases. Our mediators work hard with conflicts between teens and parents, husbands and wives, criminals and victims, teachers and students — if we would not do anything to prevent them from burnout — we will lose specialists from this area of work.

Keywords: mediation, mediator, professional burnout, prevention, conflict.

В 2010 г. произошло юридическое закрепление процедуры медиации на государственном уровне, когда был принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ. Данный закон определил основные понятия, документы и области применения процедуры¹.

¹ См. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 11.05.2019).

Если же говорить о становлении медиации в ее современном представлении, то нужно вернуться к 90-м гг. XX в., когда «...в 1990–93 годы в России с участием американских медиаторов было создано около десяти некоммерческих организаций, таких как “Международная ассоциация конфликтологов”, “Партнеры за демократию”, которые продемонстрировали новые модели и технологии работы с конфликтами» [Карпенко, Осинковский (ред.), 2016, с. 51]. После этого первые медиаторы России стали перекладывать иностранный опыт на российскую почву, в культуре которой была, да и остается до сих пор, ведущей силовая стратегия решения спорных и конфликтных ситуаций. «В 1994 году лидерство перенял Санкт-Петербургский Центр разрешения конфликтов, и в России появилась первая постоянная практика медиации» [Карпенко, Осинковский (ред.), 2016, с. 52].

С этого момента по всей России стали появляться организации, представляющие услуги по проведению процедуры медиации. Каждый регион развивался и развивается в своем темпе. Если говорить о Санкт-Петербурге, то долгое время все практикующие медиаторы относились к некоммерческому партнерству «Лига медиаторов» и занимались в основном досудебным урегулированием конфликтов в семейной сфере в ситуациях развода и бизнес-спорах.

Спустя десятилетие, начиная «с 2013 года по инициативе государственных органов медиация активно развивается в учебных заведениях Российской Федерации, что стало первым этапом в расширении области применения процедуры медиации в различных сферах жизни, регулируемых и поддерживаемых деятельностью бюджетных учреждений и некоммерческих организаций» [Основы..., 2018].

С этого момента начинается новый виток развития медиации. Медиация в каждом учебном заведении в Санкт-Петербурге развивалась в своем темпе, но на данный момент школьная служба медиации существует в городе в том или ином виде и работает в первую очередь с конфликтами между учениками и с родителями.

Спустя 3 года, в 2016 г., на уровне города был поднят вопрос о необходимости организации городской службы медиации, созданной в итоге на базе СПб ГБУ «ГЦСП “КОНТАКТ”», услуги медиаторов которой финансируются за счет бюджета города. Практика создания службы медиации в бюджете — уникальный опыт не только для Санкт-Петербурга, но и для России в целом. В штате службы насчитывается 21 сотрудник, у которых достаточно большая нагрузка. Естественно, думая на опережение, мы задались вопросом, как сохранить специалистов и уберечь их от выгорания, и поделились наблюдениями, основанными на практическом опыте нашей службы.

В данной статье речь пойдет о факторах, оказывающих влияние на развитие синдрома профессионального выгорания у специалистов, в чьи обязанности входит организация альтернативной процедуры урегулирования конфликтов (процедуры медиации). Говоря о профессиональном выгорании, мы подразумеваем личностные изменения, затрагивающие в первую очередь эмоциональную и когнитивную сферы человека и происходящие под влиянием сочетания специфической профессиональной деятельности индивида и его личностных качеств. Данная статья в большей степени носит практико-ориентированный характер, поэтому было выбрано понятие «профессиональное выгорание», нечасто используемое в литературе, в отличие от терминов «эмоциональное выгорание» и «профессиональная деформация». Не касаясь эмоционального выгорания, связанного в первую очередь с эмоциональным истощением в рабочей деятельности, мы рассмотрим когнитивные и поведенческие изменения, негативно сказывающиеся на деятельности специалиста-медиатора.

Для удобства мы решили разделить факторы, способствующие развитию профессионального выгорания у медиаторов, на две группы: специфические для их деятельности и неспецифические, относящиеся в большей степени к личности специалиста, нежели к его деятельности. Под специфическими факторами мы понимаем особенности деятельности медиатора, его должностных обязанностей, функций в процессе организации и проведения медиативных сессий и конфликтологических консультаций, которые способствуют развитию негативных изменений, объединенных в данной статье в понятие «профессиональное выгорание».

Неспецифическими факторами мы обозначили личностные особенности специалиста, на которые можно обратить внимание, изучая негативные изменения в профессиональной деятельности у медиатора. С одной стороны, данная группа факторов является более универсальной и может использоваться для анализа вероятности (или степени) профессионального выгорания не только у медиаторов, но и у специалистов других профессий. С другой — мы постарались сделать акцент именно на тех особенностях, которые могут вызывать сложности в обсуждаемой нами деятельности, поскольку она предъявляет особые требования к представителям профессии.

Обращаясь к специфическим факторам профессионального выгорания, мы не стремились в одной статье охватить все возможные позиции. Опираясь на опыт практической деятельности службы медиации, функционирующей в Санкт-Петербурге с 2016 г., мы выделили те из них, которые, на наш взгляд, являются наиболее весомыми в формировании профессионального выгорания. Повторяясь, отметим, что профессиональная деятельность медиатора в России на данный момент еще только развивается, и мы надеемся, что начатый в этой статье разговор будет продолжен в будущих статьях и научно-исследовательских работах. Здесь же мы предлагаем остановиться на следующих специфических факторах профессионального выгорания медиатора, кратко раскрывая суть каждого из них.

Нагрузка медиатора — если мы попробуем обратиться к нормативной документации, касающейся деятельности медиатора, то не найдем ни одной рекомендации относительно количества случаев, которые специалист может курировать одновременно. Вследствие отсутствия структурированного опыта профессиональной деятельности медиаторов каждый специалист или группа специалистов вынуждены самостоятельно искать комфортный для себя режим, совершая при этом ошибки, которые могут повысить вероятность (или интенсивность) развития профессионального выгорания. Нагрузку медиатора также определяет количество встреч, консультаций или медиаций, которые специалист совершает в течение рабочей недели. Так, если случай находится в интенсивной стадии работы и специалист проводит не менее одной встречи в неделю, это, безусловно, должно учитываться при определении количества случаев, которые он ведет параллельно. Данный фактор часто является ключевым в объяснении проявлений профессионального выгорания, наблюдаемых у специалиста.

Предыдущий фактор относился к количественным и объективно измеримым показателям — случаи или встречи со сторонами конфликта. **Тяжесть случаев**, напротив, является сугубо качественным критерием и не может быть однозначно измерена. Этот аспект подразумевает работу медиатора с конфликтными ситуациями, субъективно переживаемыми им как трудные, сложные для работы. Так, например, для медиатора к тяжелым ситуациям могут относиться случаи крайне эмоционального общения сторон на общих сессиях и индивидуальных беседах — работа с такими людьми будет требовать от специалиста напряжения личностных ресурсов для соблюдения нейтральности, отработки эмоций клиентов и выделения предметных основ для переговоров. Грамотный подбор случаев для каждого конкретного специалиста — трудная и кропотливая работа, которой необходимо уделять отдельное внимание.

Условия труда — деятельность медиатора связана с постоянной организацией индивидуальных и групповых встреч с клиентами. Часто, работая со случаями, находящимися на стадии судебного делопроизводства, медиатор проводит сессии на территории суда, иными словами, в пространстве, не полностью им контролируемом. Не имея возможности избежать работы на «чужой» территории, важно все же иметь «свое» пространство, в которое можно приглашать стороны при наличии у них времени и свободы перемещения. Оптимально, чтобы медиатор имел собственную переговорную и личный кабинет, но возможно также и совмещение этих функций в одном помещении. Помимо пространственных особенностей к условиям труда можно отнести заработную плату (или величину гонораров), наличие служебного транспорта, бонусы от организации и пр. Безусловно, чем хуже условия, в которых приходится трудиться медиатору, тем выше вероятность формирования у него профессионального выгорания.

Доля успешных случаев — еще один специфический для медиаторов фактор, на котором мы хотели бы остановиться, это доля случаев, в которых переговоры с участием специалиста прошли успешно. Определение эффективности работы медиатора вызывает множество затруднений. Согласно открытой статистике служб медиации, действующих на территории Европы, процент переговоров с участием посредника, закончившихся примирением, составляет от 25 до 35 % от общего количества обращений. Почти в двух третях случаев вопрос об эффективности участия медиатора в конфликте остается неоднозначным (если еще предположить, что примирение — всегда успешный результат). Сам по себе вопрос о качестве собственной работы — важный элемент профессиональной деятельности, ведущий к формированию мотивации на собственное развитие и самосовершенствование, однако нельзя забывать, что чрезмерное сомнение в собственном профессионализме может привести к формированию комплекса выученной беспомощности в рабочей деятельности, что, безусловно, является признаком профессионального выгорания.

Заканчивая разговор о специфических факторах профессионального выгорания, еще раз отметим, что приведенные четыре аспекта являются наиболее заметными при непосредственном курировании практической деятельности медиаторов и требуют к себе внимания как самого специалиста, так и его руководителя. Мы предполагаем, что будущие исследования в данной области позволят выделить большее количество аспектов и качественно расширить представление о профессиональном выгорании медиатора.

Помимо того что существуют специфические факторы, есть и неспецифические, которые влияют на развитие синдрома профессионального выгорания у практикующих специалистов в силу личностных особенностей медиатора.

Если рассмотреть деятельность практикующих медиаторов, можно отметить следующие специфические причины, которые приводят к выгоранию, а в дальнейшем — к уходу из профессии: личный опыт, условия жизни медиатора, мотивация и ценности, самооценка.

Личный опыт медиатора может как помогать, так и мешать переговорщику и его работе со случаем. Так, например, если медиатор смог справиться с ситуацией развода, остаться в дружеских или нейтральных отношениях с бывшим супругом или супругой, он может помочь сторонам учесть те сложности, через которые прошел он, чтобы участники смогли составить реалистичное соглашение, устраивающее всех. При этом есть опасность навязывания своего опыта, который не подходит другим людям в, казалось бы, похожих ситуациях.

В ситуации же развода, который был сложным, а брак, например, был связан с насилием, личная травма медиатора может сыграть против него. Невозможность увидеть иные пути решения вопроса вследствие негативного опыта мало того, что не позволяет сторонам разрешить ситуацию, но и приводит к постоянному проживанию своего развода в результате контрпереноса.

Иными словами, травматичный и неудачный опыт медиатора, перекликающийся с конфликтной ситуацией на переговорах, в которой он является посредником, может пробудить болезненные воспоминания, которые сделают процесс еще более сложным и энергозатратным.

Условия жизни посредника могут стать существенным фактором, который повлияет на качество работы медиатора и на профессиональное выгорание. Если заработная плата не позволяет обеспечить себя необходимыми жилищными условиями, то медиатор будет вынужден со временем переключить свое внимание на поиск возможностей для заработка, что может нанести урон качественной работе.

Мотивация и ценности — фактор, который влияет не только на профессиональное выгорание, но и на развитие межличностных конфликтов. Личность — основной инструмент медиатора, позволяющий ему эффективно работать с конфликтными ситуациями. У каждого человека есть своя система ценностей, и медиатор тут не исключение. Система ценностей медиатора может вступить в противоречие с системой ценностей сторон, что может привести к внутриличностному конфликту, отсутствие проработки которого приведет к профес-

сиональному выгоранию. И в таких ситуациях, как отмечают Е. Н. Иванова и Ю. В. Королёва, «...само соблюдение принципа нейтральности является сложной и стрессогенной задачей, которая не всегда успешно решается, что создает дополнительное невротизирующее напряжение для медиатора» [Иванова, Королёва, 2017, с. 192].

При большом количестве случаев, с которыми работает медиатор, и при отсутствии возможности сделать перерыв работа может превратиться в автоматизированный процесс, а ответа на вопросы: «Для чего я это делаю?», «Помогает ли моя работа?», «Нравится ли мне то, чем я занимаюсь?» — не будет. Отсутствие ответов делает работу менее осмысленной, что в конечном итоге приводит к профессиональному выгоранию.

Самооценка — постоянно действующая величина, которая периодически меняется в отличие от вышеперечисленных факторов, проявляющихся при определенных обстоятельствах. При этом и завышенная, и заниженная самооценка может привести к ухудшению качества работы вследствие того, что медиатор, например, отказывается от подготовки к переговорам, считая себя и так достаточно компетентным, или постоянно переживает из-за каждого действия, боится задавать вопросы, что приводит к невозможности качественного проведения переговоров между сторонами.

Самооценка — довольно сложный фактор, поскольку напрямую связан с нашим восприятием себя как человека и как профессионала. Существует мнение, что хороший медиатор не допускает ошибок, может работать с любым случаем. Такой стереотип приводит к росту внутреннего напряжения, которое может быть выражено неконструктивным путем. Получается, что наши страхи, например связанные с возрастом («я юный, меня никто не будет воспринимать»), загоняют нас в ловушку.

Большой внутренней силы требует признание, что медиатор чего-то не умеет, хотя по большому счету никто не может уметь все. Умение признавать ошибки и просить помощи — это не слабость, а сила. Это не только закаляет характер, но и дает возможности для роста и снижает напряжение.

Так что же можно сделать, чтобы не подвергнуться синдрому профессионального выгорания?

Медиация — технология относительно молодая, и вопрос профилактики профессионального выгорания стоит остро среди практикующих медиаторов, но еще недостаточно изучен.

Работая ежедневно с медиаторами и являясь посредниками, так или иначе мы сталкиваемся с этим вопросом. Постоянное обучение является неотъемлемой частью жизни практикующего медиатора. Причем изучение новых технологий, как связанных с медиацией, например восстановительного правосудия и кругов сообщества, так и не связанных напрямую с процедурой, например тайм-менеджмента, позволяет не только расширить кругозор, свои интересы, сменить деятельность, освободить мысли от конфликтных ситуаций клиентов, но и обогатить арсенал методов, которые могут быть полезны при проведении медиативных сессий.

Иногда полезно в целом сменить роль, например вести семинары, читать лекции или посещать конференции, форумы — выступать в качестве эксперта. Как отмечает Р. Р. Галимзянова: «Посещения определенных семинаров, в основе которых практический подход изучения материалов по созданию более четкого мировоззрения, способствуют установлению контроля за своими чувствами и эмоциями» [Галимзянова, 2017, с. 62].

У практикующего медиатора может сложиться ощущение, что он единственный, кто чувствует волнение, страх, злость, которые преобладают у него в тот или иной момент времени. Участие в профессиональных группах и индивидуальных супервизиях позволяет не только найти варианты действия в конфликтной ситуации, но и отработать свое напряжение, увидеть свои сильные и слабые стороны, а также почувствовать, что медиатор не один сталкивается с такими проблемами. Помимо этого, «...также важна работа вместе с профессиональным медиатором, наблюдая за его работой с клиентами, что позволит сформировать психологическую устойчивость в общении со сторонами в процессе урегулирования конфликтов» [Галимзянова, 2017, с. 62].

Есть способы профилактики профессионального выгорания, которые связаны напрямую с действиями самого медиатора, а есть те, которые коррелируют с организацией работы в учреждении. Если руководитель отслеживает состояние специалиста, организывает обучение, предъявляет четкие требования, создает условия, в том числе рабочее место, и уделяет внимание контакту с сотрудниками, снижается риск возникновения профессионального выгорания и ухода из профессии.

Стоит отметить, что ни один способ профилактики не будет работать долго. Только совокупность методов позволит предупредить профессиональное выгорание. Безусловно, для того, чтобы начать профилактику, нужно не только знать способы, но и быть готовым посмотреть правде в глаза и признать, что медиатор столкнулся с ситуацией выгорания, что это проблема, но с ней можно и нужно работать. Зачастую это оказывается самым сложным, поскольку сразу возникает вопрос о собственной успешности и компетентности, что возвращает наши размышления к неспецифическому фактору — самооценке.

В представленной статье мы предприняли попытку коснуться вопросов профессионального выгорания медиаторов с практической точки зрения, обобщив трехлетний опыт работы специалистов, должностной обязанностью которых является организация процедуры альтернативного урегулирования конфликтных ситуаций. Анализ представленных факторов, оказывающих влияние на формирование профессионального выгорания, а также возможных способов профилактики этого явления будет полезен как специалистам, работающим в этой области, так и руководителям, курирующим подобных специалистов. По нашему мнению, обращение внимания на причины изменений, возникающих у медиатора в эмоциональной, когнитивной и поведенческой сфере под влиянием профессиональной деятельности, позволит осмыслить происходящие процессы и взять их под контроль. Особенно это важно, если этот медиатор — вы сами.

Мы надеемся, что данная статья станет частью дискуссии о возможностях и ограничениях медиаторов, которая неизбежно продолжит разворачиваться в нашей стране по мере повышения популярности медиации как альтернативной формы урегулирования конфликтных ситуаций. Важно помнить, что, способствуя нормализации и улучшению жизненных ситуаций клиентов, не стоит забывать о физическом и психологическом комфорте специалиста, занятого в этой деятельности.

Библиографический список

- Галимзянова Р. Р. Психологическая подготовка конфликтологов и практикующих медиаторов как фактор антивыгорания // Научный альманах. 2017. № 9–2 (35).
- Иванова Е. Н., Королева Ю. В. Профессиональное выгорание медиаторов // Конфликтология. 2017. № 12 (3). Медиация: учебник / под ред. А. Д. Карпенко, А. Д. Осинковского. СПб.: Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статус, 2016.
- Основы использования медиации в Санкт-Петербурге: метод. пособие. Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ»». СПб., 2018.

References

- Fundamentals of the use of mediation in St. Petersburg: a methodological guide.* Saint-Petersburg state budgetary institution “City center of social programs and prevention of antisocial behavior among youth “KONTAKT”, St. Petersburg, 2018. (In Russian)
- Galimzianova R. R. Psychological training of conflictologists and practicing mediators as a factor of anti-burnout. *Scientific Almanac*, 2017, no. 9–2 (35). (In Russian)
- Ivanova E. N., Koroleva Y. V. Professional burnout of mediators. *Konfliktologia*, 2017, no. 12 (3). (In Russian)
- Mediation: Tutorial*, ed. by Karpenko A. D., Osinovskiy A. D. St. Petersburg, Editorial Board “Arbitration court”, Moscow, Statut Publ., 2016. (In Russian)

ЯЗЫК МЕДИАЦИИ

Е. Н. Иванова

*канд. психол. наук, доц. кафедры конфликтологии Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.
elenaiv1@mail.ru*

Аннотация: В статье раскрываются возможности и особенности языка медиации как метода работы с проблемами и конфликтами, позволяющего достигать прочного и взаимовыгодного для сторон результата. Показана важность следования специфическим закономерностям медиативной языковой культуры с опорой на базовые принципы медиации для определения роли и функций медиатора. Используется аналогия структуры языка и медиации как продуктивная метафора для раскрытия сущности вербальных и невербальных компонентов инструментов медиатора. Показано богатство языка разных школ медиации. Анализируются средства языка медиации для обеспечения ненасильственной коммуникации, единого информационного поля, творческого поиска, благоприятной атмосферы для переговоров между сторонами, переноса акцента взаимодействия с прошлого на настоящее и будущее, достоверности данных и однозначности понимания достигнутых договоренностей для обеспечения прочного результата. Особое внимание уделено роли медиатора как транслятора конструктивной речевой модели. Приводятся типичные непродуктивные высказывания медиаторов и варианты их замены на конструктивные фразы. Предлагаются авторские методические языковые техники для преодоления трудностей во взаимопонимании сторон. Показана эффективность медиативного языка не только в процессе переговоров с участием нейтрального посредника, но и в широком спектре ситуаций взаимодействия между людьми.

Ключевые слова: медиация, язык, конфликтующие стороны, технология, возможности, специфика, стратегия и тактика, базовые принципы, роль и функции, словарь медиатора.

LANGUAGE OF MEDIATION

E. N. Ivanova

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of
the Department of Conflict Management, Institute of Philosophy
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
elenaiv1@mail.ru*

Abstract: The article reveals possibilities and specifics of mediation language allowing get a sustainable and mutually profitable for parties result. Significance of following special laws of mediation linguistic culture relying upon the basic mediation principles to identify role and functions of mediator is shown. Analogy of language structure and mediation as a productive metaphor to reveal the essence of verbal and nonverbal components of mediator's instruments is used. Richness of different mediation schools language is shown. The mediation language modes that are used to provide non-violent communication, common information field, creative searching, favorable negotiation atmosphere, transposition accent from past to present and future, data reliability and clarity of agreements to gain understanding are analyzed. A special attention is paid to mediator's role as a translator of the constructive language model, typical non-constructive mediator's utterances and variants of replacing them with constructive phrases are adduced. Author's language techniques to overcome difficulties in gaining parties' mutual understanding are offered. Efficiency of using mediation language not only in a process of negotiation with neutral mediator participation but in a wide spectrum of situations dealing with people counteraction is shown.

Keywords: mediation, language, conflicting parties, technology, possibilities, specifics, strategy and tactics, basic principles, role and functions, mediators' vocabulary.

Медиация строится на переговорах между сторонами с помощью квалифицированного нейтрального посредника. Таким образом, ее корневыми понятиями являются «говор», «говорить». Фактически медиация — это разговор, беседа, которая ведется на определенном языке. Источником конфликтов являются разногласия, противоречия между сторонами, то есть различие голосов, речей, стороны буквально не могут найти общего языка. Не поняв друг друга, стороны оказываются в конфликте, находясь в нем, не понимают друг друга еще больше, что способствует эскалации проблем. Когда сторон не две, а больше, да еще каждая состоит из многих участников, то это уже напоминает «смещение языков» во время вавилонского столпотворения.

Важно, чтобы медиатор не становился переводчиком с языка одной стороны на язык другой и обратно, а, творчески взаимодействуя со сторонами, помогал им создавать новый, общий для них язык взаимопонимания, которым они смогут впоследствии пользоваться для профилактики и решения проблем самостоятельно, не прибегая к услугам толмача. Эта непростая цель является органичной для медиации и вполне достижима в ней [Иванова, 2014, с. 80–87].

Уникальные возможности медиации обеспечиваются этическими и методологическими основами, отраженными в ее базовых принципах и технологии. С ними взаимодействуют стратегический и тактический языки медиации. Стратегический язык медиации — это язык диалога, а не язык монолога, он обеспечивает возможность для сторон не только внятно сформулировать собственное видение ситуации и выразить свою позицию, но и услышать друг друга. Он отражает настрой на конструктивное взаимодействие. С этим связана важнейшая стратегическая особенность языка медиации, которая состоит в том, что этот язык — ненасильственный. Основой для реализации этих языковых стратегий является соблюдение принципа равенства и принципа добровольности участия сторон в медиации и обязательность их желания договариваться. Закрепляют такой подход процедурные соглашения, добровольно принятые сторонами [Иванова, 1995].

Розенберг выделяет два типа языка коммуникации — язык Волка и язык Жирафа [Розенберг, 2018]. Для медиации характерен преимущественно язык Жирафа. Язык Волка — язык оценок и требований. Волк строит классификации, иерархии, не берет на себя ответственность, обвиняет других и старается их заставить. Волк стереотипен, «всегда прав» и добивается «правды», при этом сомневается в себе и чувствует себя ущемленным. Испытывая страх, вину, стыд, Волк поспешно реагирует словами, дает советы, старается срочно разрешить проблему и тем самым может разрушить коммуникацию.

Язык Жирафа — язык наблюдения, понимания, эмпатии. Жираф отвечает за свои чувства и действия, не берет на себя ответственность за чувства другого, а сопереживает ему, старается понять свои чувства и чувства другого, уважает других и не ломает их «под себя». Для Жирафа Волк — тоже Жираф, только с лингвистическими проблемами.

Моделью ненасильственного языка является прежде всего язык самого медиатора. Он преимущественно использует язык вопросов, а не язык утверждений. На английском слово «переводчик» звучит как *translator* и как *interpreter*. Медиатор в гораздо большей степени «транслятор», чем «интерпретатор». Язык медиации основан прежде всего на объективном описании, а не на диагностике и оценке сказанного сторонами. Помимо упомянутых принципов, эти особенности языка медиации находятся во взаимосвязи с принципом нейтральности и беспристрастности медиатора.

Соблюдение этих принципов в значительной степени обеспечивается дифференцирующим языком, способствующим отделению эмоций от мышления, фактов от интерпретаций и оценок, помогающим выстраивать здоровые границы между собой и другими, не «заражаться» чужими эмоциями [Иванова, 2017, с. 205–217].

Язык медиации не только живой, динамичный, не скованный понятиями «правильно — неправильно», помогающий сторонам осознать и выразить свои эмоции, но и оживляющий, восстанавливающий отношения между ними. В результате деэскалации конфликта стороны начинают видеть друг в друге живых людей, а не схематичные образы врагов.

Медиация основана на стратегии принципиальных переговоров, а не на позиционном торге [Фишер, Юри, Паттон, 2005]. Она использует язык интересов вместо языка позиций. Медиатор выступает здесь как дешифровщик настоящего языка, помогая сторонам осознать, какие истинные потребности стоят за заведшими их в тупик позициями. В процедурных соглашениях закрепляется настрой сторон на язык гармоничной подстройки, готовность рассматривать различные возможности решения проблем помимо их первоначальных вариантов [Паркинсон, 2018].

Язык медиации — язык «очевидного — невероятного». Медиатор помогает сторонам понять, что кажущееся одной стороне само собой разумеющимся другая воспринимает совсем иначе. Это позволяет преодолеть интеллектуальный эгоцентризм, обрести способность смотреть с разных точек зрения и расширить видение ситуации, понимание справедливости, честности и других важных понятий. В результате стороны перестают воспринимать такие различия как желание сделать назло, обмануть.

В медиации используется экстернализирующий язык, то есть отделяющий человека от проблемы. В результате происходит переориентация направления борьбы друг против друга на совместную борьбу сторон с проблемой в качестве союзников. Особенно ярко этот язык представлен в технологии нарративной медиации, где процесс медиации рассматривается как экстернализирующая беседа [Winslade, Monk, 2008].

Язык медиации оперирует преимущественно терминами настоящего и будущего. Он опирается на прошлое в той степени, которая необходима для отработки эмоций и создания единого информационного поля сторон. Такой подход помогает сторонам в понимании сложившейся ситуации, анализе роли каждой из сторон в возникновении проблем. Ресурсный, позитивный язык, открывающий новые возможности, ориентирующийся на то, чего стороны хотят достичь, а не на то, что им не нравится, обнаруживает новые перспективы выхода из конфликтного тупика [Garby, 2016].

Овладение новым языком наиболее эффективно происходит в так называемом сенситивном периоде в детстве. Медиация в некоторой степени воспроизводит этот период. Создавая язык эмпатии, искренности и достоверности, она обеспечивает атмосферу безопасности, доверия. Языковые средства используются для создания и поддержания контакта, выражения сопереживания и понимания, признания законности опасений сторон, их права на любые желания и настрой на максимально возможное удовлетворение ожиданий и интересов сторон. Творческому раскрепощению способствует также принцип конфиденциальности и возможность отдельных встреч сторон с медиатором для сообщения чувствительной информации, а также медиативный язык метафор.

Медиация активно пользуется метафорическим языком, особенно в работе с ситуациями, сопровождаемыми сильными эмоциями сторон, что бывает очень часто [Ватцке, 2009]. Среди метафорических вербальных инструментов медиации — сравнения, притчи, аналогии, юмор. В качестве невербальных наглядных метафор используются схемы, рисунки, коллажи, метафорические карты и многое другое. Метафоры помогают безопасно перейти от предсознательного имплицитного языка, на котором на 80 % происходит общение между людьми, к осознанному и вербализованному эксплицитным понятиям, позволяющим работать на рациональном переговорном уровне [Иванова, 2015, с. 412–433].

Язык медиации включает в себя все компоненты, характерные для языка вообще, в особом ключе. Это специфический алфавит — особые приемы, элементы взаимодействия, профессиональная лексика — наличие табуированных, не рекомендуемых и предпочтительных для использования медиатором, а часто и сторонами, слов. Медиативная грамматика и синтаксис — это правила комбинации элементов и построения фраз, конструирования вопросов, а также требования к формулировкам тем для обсуждения, вариантов решений и критериев прочности финального соглашения. Орфоэпия представлена в языке медиации особенным,

доброжелательным и «равнопристрастным» интонированием, конструктивной подстройкой к разным диалектизмам и акцентам сторон, отражающим их предпочтения в способах выражения мыслей, установки, стереотипы, коммуникативные искажения в конфликте [Глазл, 2002]. Можно отнести сюда и так называемый язык тела.

Пунктуация медиативного языка отражена в ритме речи, ее скорости, особенностях выстраивания пауз, ударении, то есть внимании к тем или иным аспектам высказываний сторон. На этих тактических инструментах строятся профессионально важные навыки медиатора и разворачивается сам процесс переговоров сторон [Иванова, 2010].

Медиация открывает возможность снижения уровня недовольства и накала конфликта с помощью переформулирования требований и претензий в безобвинительные высказывания, структура которых включает выражение безопасного согласия с оппонентом вместо нападения и оправданий, сообщение о собственном состоянии, объяснение логики его возникновения и конструктивную формулировку пожеланий.

Язык медиации богат и разнообразен. В разных школах медиации по-разному относятся к употреблению сторонами резких выражений. В большинстве видов с самого начала заключаются процедурные соглашения об их недопустимости. Трансформативная медиация, напротив, считает, что естественный стиль общения сторон важен, им будет легче перенести достигнутые улучшения взаимодействия в жизнь [Буш, Фолджер, 2007]. Медиатор старается не использовать слова-конфликтогены, термины, аббревиатуры, формальные слова, оценки типа «правильно — неправильно», «хорошо — плохо», чтобы не создавать напряжение в общении и налаживать комфортную атмосферу доверия со сторонами. Не рекомендуемые для медиатора слова далеко не всегда очевидны. Например, вместо вопросов «Почему?», «Зачем?» рекомендуется использовать экстернализованные конструкции. Так, вместо вопроса типа «Почему Вы не хотите...» используется: «Есть что-то, что делает это предложение для Вас неприемлемым?» Вместо нотки неприятия нежелания принять предложение другой стороны во втором случае слышится уважительное признание того, что у человека есть веская причина сопротивляться.

Многообразные техники ведения партнерской беседы позволяют уточнить сказанное, выразить и «проветилировать» эмоции участников, управляя ходом взаимодействия, структурировать процесс и подвести его итоги. Использование специфических языковых конструкций [Дилтс, 2004] меняет значение одинаковых по сути высказываний, помогая сторонам увидеть их общие интересы.

Медиация переводит беседу с языка Волка на язык Жирафа. Например, жена говорила мужу: «Почему ты такой бесчувственный? Ты вообще меня не слушаешь, тебе на меня наплевать!» За этим высказыванием стояла обида, желание задеть, преувеличение. Следствием был резкий ответ мужа и эскалация конфликта. После встречи с медиатором жена стала формулировать свои потребности иначе: «Мне очень важно поделиться переживаниями с тобой как с самым близким человеком и чувствовать, что я для тебя тоже значима. Мне хочется, чтобы рядом со мной был мужчина, с которым я чувствую себя счастливой». В ответ муж сказал ей, что любит ее и хочет сделать счастливой.

Автором разработана методика «словарь», с помощью которой стороны «переводят» ранящие высказывания друг друга на конструктивный язык. Например, в предразводной ситуации острым вопросом были взаимные жалобы мужа и жены на оскорбительные высказывания другого. Каждый считал, что то, что он сам говорит, нормально, а сказанное вторым супругом недопустимо. В ответ на слова жены: «С тобой невозможно разговаривать, я с тобой разведусь» — муж говорил: «Ты ненормальная, тебе надо лечиться». Исходные фразы были занесены в левую колонку словаря, а в правую — конструктивный смысл грубых слов. Жена объяснила, что пытается сказать: «Я хочу быть услышанной и чувствовать себя нормальным человеком. Я прихожу в отчаяние, так как не могу этого добиться». Муж расшифровал свою фразу так: «Я женился раз и на всю жизнь. Я люблю тебя, поэтому слова о разводе для меня невыносимы». Супруги стали

пополнять и использовать словарь перевода с языка вражды на язык взаимопонимания, в результате медиации развод был отменен, их ребенок воспитывается в полной семье.

Безобвинительный язык, на котором формулируются предложения сторон друг другу, снижает сопротивление к ним и повышает вероятность достижения взаимовыгодной договоренности. Языковая тактика фракционирования проблем дает сторонам возможность распутать проблемный узел, выделить вопросы для обсуждения и поставить конкретные задачи. Вкупе с проверкой вариантов решения на реальность с помощью выверенных вопросов они позволяют написать финальное соглашение на прочном языке обязательства, а не на эфемерном языке намерений.

Таким образом, язык медиации является эффективным инструментом. Статья лишь слегка приоткрывает языковое богатство и силу медиативной технологии. Важно отметить, что язык медиации эффективно работает и за ее пределами, создавая конструктивную атмосферу в ходе общения и переговоров.

Библиографический список

- Буш Р., Фолджер П. Что может медиация. Трансформативный подход к конфликту. Киев, 2007.
- Ватцке Э. «Вполне возможно, эта история не имеет к вам никакого отношения...» Истории, метафоры, крылатые выражения и афоризмы в медиации. М.: МЦУПК, 2009.
- Глазл Ф. Конфликтменеджмент. Калуга, 2002.
- Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. СПб.: Питер, 2008.
- Иванова Е. Н. Динамика директивности при обучении медиации // Вестник СПбГУ. Вып. 6. 2014. С. 80–87.
- Иванова Е. Н. Коммуникативные инструменты конфликтолога. СПб., 2010.
- Иванова Е. Н. Медиация: возможности vs. ограничения // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии. Коллективная монография. 2015. С. 412–433.
- Иванова Е. Н. Проблема дифференцированности в медиации // Конфликтология. 2017. № 3. С. 205–219.
- Курс ведения переговоров с установкой на сотрудничество / под ред. Е. Н. Ивановой. СПб.; Рига, 1995.
- Паркинсон Л. Семейная медиация. М.: МЦУПК, 2018.
- Розенберг М. Язык жизни. Ненасильственное общение. М.: София, 2018.
- Фишер Р., Юри У., Паттон Б. Переговоры по-гарвардски. М.: Эксмо, 2005.
- Garby T. *Agreed! Negotiation/mediation in the 21st century*. ICC Publications, 2016.
- Winslade J., Monk G. *Practicing Narrative Mediation. Loosening the Grip of Conflict*. Jossey-Bass, 2008.

References

- Bush R., Folger J. *The Promise of Mediation. The Transformative Approach to Conflict*. Rus. Ed. Kiev, 2008.
- Course on collaborative negotiation*. Ed. by E. N. Ivanova. Rus. Ed. St. Petersburg–Riga, 1995.
- Dilts R. *Sleight of Mouth: The Magic of Conversational Belief Change*. St. Petersburg, Piter Publ., 2008.
- Fisher P., Ury U., Patton B. *Harvard Negotiation*. Rus. Ed. Moscow, Eksmo Publ., 2005.
- Garby T. *Agreed! Negotiation/mediation in the 21st century*. ICC Publications, 2016.
- Glazl F. *Conflictmanagement*. Rus. Ed. Kaluga, 2002.
- Ivanova E. N. Directivity Dynamics during Mediation Training. *Vestnik SPbGU*, 2014, vol. 6, pp. 80–87. (In Russian)
- Ivanova E. N. *Communicative Instruments of Conflictologist*. St. Petersburg, 2010. (In Russian)
- Ivanova E. N. Mediation: Possibilities vs. Limitations. *Conflict as a Problem. Essays of Contemporary Theoretical and Practical Conflictology*, 2015, pp. 412–433. (In Russian)
- Ivanova E. N. Differentiation Problem in Mediation. *Conflictology*, 2017, no. 3, pp. 205–219. (In Russian)
- Parkinson L. *Family Mediation*. Rus. Ed. Moscow, 2018.
- Rozenberg M. *Language of Life. Nonviolent Communication*. Rus. Ed. Moscow, Sofia Publ., 2018.
- Watzke E. «Possibly, this Story doesn't Relate to You...». *Stories, Metaphors, Catchphrases and Aphorisms in Mediation*. Rus. Ed. Moscow, 2009.
- Winslade J., Monk G. *Practicing Narrative Mediation. Loosening the Grip of Conflict*. Jossey-Bass, 2008.

INTERRELATION OF MEDIATION AND LANGUAGE IN THE DOMAIN OF PROFESSIONAL UNIVERSITY EDUCATION

T. Yu. Repina

Senior Lecturer of the Department of Interdisciplinary Studies in the Field of Languages and Literature

*St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.*

t.repina@spbu.ru

Abstract: In this article the mediation is presented from the perspective of language teaching in the university curriculum. Based on the analysis of reasons justifying the demand for mediation skills in different real life situations, current research of the role of language competence in mediation and personal experience in language instruction at the university we intend to prove that mediation is to become an essential language activity for most students whose professional careers will be connected with interpersonal relations, resolving conflicts and negotiation. We discuss the resources and methodology which university education can use to provide training in mediation skills. This article also argues that at present mediation is a crucial, yet vastly underestimated skill in the *English for Specific Purposes* instruction and considers the ways to include mediation activities in the English language syllabus and possibly integrate them in other disciplines taught in English which deal with mediation. In the end some examples of language assignments with a mediation component are described.

Keywords: mediation, linguistic competence of the mediator, language mediation, professional language, English for Specific Purposes.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕДИАЦИИ И ЯЗЫКА В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Т. Ю. Репина

*ст. преподаватель кафедры междисциплинарных исследований
в области языков и литературы*

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.*

t.repina@spbu.ru

Аннотация: В статье медиация представлена с точки зрения преподавания языка в программе университета. Основываясь на анализе причин, обосновывающих реальную потребность в навыках медиации в различных жизненных ситуациях, исходя из актуальных исследований значимости языковой компетенции в медиации и личного опыта преподавания языка в университете, мы намерены доказать, что медиация должна стать важной составляющей языковой подготовки большинства студентов, чья профессиональная деятельность будет связана с межличностными отношениями, разрешением конфликтов и ведением переговоров. Рассматриваются ресурсы и методология, которые могут использоваться в университетском образовании для обучения навыкам медиации. В этой статье также утверждается, что в настоящее время медиация является важным, но сильно недооцененным навыком в обучении английскому языку для профессиональных целей, и рассматриваются способы включения практики медиации в программу обучения английскому языку и, возможно, их интеграции в другие дисциплины, преподаваемые на английском языке и связанные с изучением медиации. В заключении описаны типовые языковые задания, использующие медиацию.

Ключевые слова: медиация, языковые компетенции медиатора, языковая медиация, профессиональный язык, английский язык для профессиональных целей.

Introduction

Mediation as a form of communication and the means of negotiation both in oral and written forms has been in existence for a long time. Lately it has become the object of the growing interest both as a subject being studied in a vast range of relevant fields like conflict resolution studies, psychology, sociology and others, and as a much requested or a perspective service in solving conflicts. Most of the studies research mediation methods and requirements, the reasons and procedure of its application to resolving personal, business, political, and especially legal conflicts. Linguists consider mediation as a way of interpreting and transferring the meaning between communicants, especially the ones representing different cultures. The pragmatic aspects of using language tools in the mediation practices remain on the periphery of such studies and hardly cover all the issues that are relevant to prepare a qualified mediator in the language class. Teaching mediation skills as part of a language course at the university is being totally neglected.

Background

The conception of mediation is as contextual as conflicts it attempts to resolve. In the legal discourse, mediation is a method of “alternative dispute resolution” (ADR), when the dispute between disagreeing parties is settled out of court through active participation of a third party [Palmer, Roberts, 1998]. In applied linguistics, the concept of mediation is linked with translation/interpreting and refers to a communicative skill enabling a person to communicate the meaning effectively by relaying information in a way that is clearly understood by the recipient and enables him to make an informed decision [Kolb, 2016]. The place of mediation in legal education is already well-defined and requires mainly refinement of practices and multidisciplinary approach to raise its efficiency in this field. In contrast, the role of mediation in a broader educational context is still to be estimated and established. The results of our study reveal the necessity to expand the scope of mediation teaching and practice at the humanitarian faculties of the tertiary education and also support the introduction of mediation studies and practices into the English language training.

First, it is important to highlight that mediation is not limited exclusively to any specialized professional field. Mediation can be defined as a common real life activity. Due to the nature of interpersonal as well as occupational and business communication, the possibility of being drawn in a dispute, argument or even a conflict is an intrinsic part of human interactions and activities. Changes in human mentality lead to the evolution in the methods of regulating interpersonal relations, though the involvement of the third party to resolve disputes and conflicts is not new; it has existed throughout the history of human society, but nowadays the content and procedure of this process is being modified [Allakhverdova, 2006, p. 32].

Handling conflicts in the language classroom is also an unavoidable part of a teacher’s job. With mediation practice in mind this situation can become a learning assignment. Instead of viewing conflicts between students as an obstruction to the lesson, the teacher can take advantage of them and view such incidents as a possibility to equip students with the relevant for mediation negotiation skills — both linguistic and social — to tackle similar future conflicts on their own. Teaching students such important life skills as conflict resolution, compassion, caring is equally important as teaching the English skills.

In 2001, mediation was first included in the *Common European Framework of Languages: teaching, learning and assessment*, henceforth CEFR¹. Since then foreign language education experts have been researching the theory and practice of language mediation. First, mediation was referred to as a way to effectively and most accurately convey the text from one language to another. Later the notion of

¹ Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. 2004. Cambridge: Cambridge University Press.

mediation has been modified to incorporate a social dimension. In 2014, the idea of a language user/learner as a social agent was added to the conceptual basis of mediation and its assessment criteria. In CEFR, mediation was used along with reception, production, and interaction to indicate four newly described modes of communicative language activities. In the CEFR 2017 edition, mediation is already presented on a stand-alone basis [North, Piccardo, 2016; North, Piccardo, 2017, p.9]. In fact, it means that important changes in language learning approach and teaching methods are to be made.

Mediation is presented in the CEFR of 2017 as a broad notion incorporating “fundamentally four types of mediation: linguistic, cultural, social, and pedagogic”. Linguistic mediation is seen as both *interlinguistic*, including interaction of two or more languages, and *intra-linguistic* mediation, which implies the meaning-making process and requires decoding and relaying of texts, linguistic intentions, styles, and strategies encompassed in the language of communication. It needs good knowledge of the language, awareness of its composite and dynamic nature and active cognitive processes. Cultural mediation adds cultural perspective to linguistic mediation and relates to the diversity of social and cultural implementations of communication. Social mediation is also multifaceted and focuses on the situational and addressee relevance, values appropriateness more than literality that helps overcome translation difficulties and facilitates mutual understanding by “bridging gaps”. Pedagogic mediation incorporates cognitive mediation since it facilitates access to knowledge, enhances critical thinking, (co)constructs meaning, makes as well as relational mediation when it means establishing, organizing, and controlling relationships, rapport, orientation on task, making space for creativity, integrating communicants, preventing trouble, resolving problems [North, Piccardo, 2016, p. 13–15].

Finally, if mediation is taken in its primary meaning as a negotiating process which involves friendly, yet impartial and discrete participation of the mediator assisting the contending parties to find points of agreement and reaching a peaceful resolution of the conflict, then there is room for mediation not only in a whole range of professional and social situations, but actually in every university seminar or other interactive practical course. In the latter case the role of the mediator can be implemented by the teacher or delegated to a student if the task intends it. The mediator encourages the parties to communicate and discuss the situation from different perspectives, and eventually reach the most beneficial and realistic agreement that satisfies the interests of both parties. This can be seen as a typical classroom activity applying both language and mediation skills.

Mediation in tertiary education

The findings presented in this article are based on a longstanding English teaching experience at the faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg state university, where students of twelve different programs of concentration receive their compulsory and comprehensive English language instruction. The multidisciplinary approach has always been the main principle of liberal education at the faculty since its foundation. For years, the role of the English language in teaching bachelors and masters had been valued highly. Teaching English first lasted three, later two academic years, yet it has always been seen as a discipline of its own, with an ultimate goal of developing the language competence of students to meet the proficiency level requirements. At present English is taught intensively for one year, and there is a tendency to incorporate *English for Specific Purposes* (henceforth ESP) into academic disciplines taught in English. The approach is new. There are quite a few obstacles in the way of its effective realization. The challenges that the faculty and administrators face include how theory and practice will be integrated in the syllabus, namely how the subject contents and the language skills can be balanced during the course instruction and assessed on the completion of the course.

Current language curriculum at the university tends to distribute English teaching between General English, English for Academic Purposes (EAP) and English for Specific Purposes (ESP). Such a division naturally leads to obvious limitations in the content and skills to be developed and assessed. There are two major objections here. The first one questions the usefulness of such a division. ESP

in this distribution of learning objectives and teaching goals is to prepare students for professional communication in a particular occupational field. It means working with texts and tasks relevant to a particular professional area. In fact, instruction is being narrowed to the introduction of terminology in the given field and covering a range of generalized professional topics and mostly artificial situations. In contrast, language learning should be considered as a holistic process of accumulating knowledge and mastering skills in the whole range of real communicative tasks. The second objection is related to addressing the real, not illusive needs of the students and adapting the content and types of assignments to meet actual learning goals and the realities of the future employment requirements. This aim can be realized only when language instruction in ESP and teaching professional disciplines interrelate, and the faculty works in collaboration with the language teachers.

There is a practice of two professors teaching one course so that knowledge of different fields of studies can be integrated to form a multidisciplinary course. However, none of the courses so far combined the subject matter with the English language teaching. The perception of the role of English as a medium of instruction can be seen as one of the reasons for that. There is a misconception that if teaching is done in English, the students develop their English skills automatically, like they would have done if it had been their native language. St. Petersburg state university issued its first order No. 2924/1 from 02.04.2019 "On approval of the Procedure for assessment of the level of proficiency in English of scientific and pedagogical staff of SPbU to grant a permission to conduct classes in English" which lists the certificates and other requirements to prove the English language competency of the faculty to give instruction in English and describes the procedure of assessing their command of English. Obviously, it is a formal requirement which has little to do with teaching English. However, foreign language learning differs from mother tongue acquisition or bilingual education because it requires carefully planned, well-structured tasks and a conscious approach to succeed, rather than modelling the patterns, so language mediation is not enough to realize language-related learning goals.

From the standpoint of meeting learners' needs, SPbU has enough resources to provide mediation knowledge and practice to its students. There are two options. First, thanks to the existing university policy, students are able to enroll into the required disciplines at any university program and take classes they find beneficial. This way is complicated since it presumes that students are mature and ambitious enough to make an informed decision about building their individual educational routes. Besides, it involves balancing the timetable and overcoming other administrative hurdles. That is why it seems rational and feasible to develop a multidisciplinary approach within each educational program to educate all-rounded professionals capable of adapting to the real employment.

Rationale for mediation training

The effectiveness of mediation depends on a number of objective factors. Some of them like the conflict duration prior mediation, the complexity of the arguable case, the degree of tension between the parties in the negotiation situation, the level of interest of the parties to reach the settlement agreement go beyond the mediator's control and only serve as a starting point for developing the mediation strategies. However, such factors as mediator's professionalism and experience as the intermediary in resolving conflicts, his elocution, communication culture and manner of speech along with perseverance, consistency, discretion, sensitivity in action can and should be worked on.

Every negotiation is in fact a social behavior constituted of language. Joan Mulholland justly states that "...it is important for negotiators to recognize the power of language and to understand its potentialities as a negotiating instrument" [Mulholland, 1991, p.xi]. Sociolinguistic knowledge along with relevant skills of mediation in a multicultural context of professional-oriented interaction can make university students competitive and highly sought-for specialists, especially in the fields involving interpersonal communication like business or law. That explains why students preparing for a career including mediation should receive a comprehensive education.

Negotiations with the participation of the mediator are quite a complicated procedure. It requires the mediator to possess multidisciplinary professional knowledge and language skills necessary to encourage the parties to communicate and discuss the situation from different perspectives, to resolve the conflict peacefully and reach the most beneficial and realistic agreement that satisfies the interests of both parties.

Much research has been done lately to prove that qualifications of the young professionals should include enough transferrable skills which will help them adjust to the working requirements and gain the necessary knowledge and expertise in the future. To be able to participate in the professional dialogue in a community which is becoming essentially international and multicultural, students should receive an adequate language training that is not limited by the ability to speak, write, read, and listen in either their native language or in English as a lingua franca. It is essential to develop such competences which can facilitate well-targeted and task-oriented interpersonal communication.

One of the strategic goals of language education at universities should be to train students as social agents and effective participants of intercultural communication. Through studying a foreign language students become aware of the linguistic and sociocultural aspects of communication which otherwise they either neglect or take for granted and consequently do not put any effort to further investigate its potential, its effective strategies and techniques. Universities should seek for the ways to facilitate the preparation of the students to conduct mediation through the existing methods and experience of the foreign language teaching.

Language competence of the mediator

The focus on the language competency can radically improve students' negotiation skills. Although language proficiency alone cannot directly solve the problems of business or relationships, but it is able to prevent misunderstanding often caused by language discrepancies, improve the negotiations conduct, increase the quality of the participants' contribution to conciliation and mediation conflicts, assist the ability to understand others' negotiating strategies, assess each party's strengths and weaknesses, for example, become more sensitive to people's emotional states reflected in their speech or understand when the speaker is being secretive, insincere or keeps something back.

It is critical to admit that language proficiency level is really very important for mediation. In the process of the native language acquisition the user's knowledge of the language and communicative skills are developed instinctively and automatically through modelling and emersion in the language and culture. Foreign language learning is different, because the language is studied consciously and pragmatically. There is always a need to choose the right language means, communicative strategies, acceptable receptive and expressive cultural and language patterns, etc. As a result, the learner becomes more alert, responsive, and sensitive to the way he participates in communication, to the language he chooses to use, to the responses of other communicants.

Professional mediators can benefit from a course aimed at developing language mediation. Sometimes referred to as cognitive mediation, it means collaborative constructing the meaning and conveying the received meaning, which results in the orally produced text (interpretation) or the written text (translation) from the source language into a target language. It presumes mastering all existing cognitive methods of dealing with information: processing, interpreting, explaining data, relaying specific information, translating/interpreting. Some extralingual activities include establishing a positive atmosphere, exploiting pluricultural repertoire, focusing on goal and purpose of communication.

Profound knowledge of both the source language and the target language is a prerequisite for translating and interpreting. Nevertheless, being fluent in the respective languages and mastering switching them correctly does not automatically make a good language mediator. Language mediators should learn how to make communication of the meaning intelligible for everyone involved, to ensure that not only its core substance remains unchanged in the process, but important nuances and

shades of meaning are relayed as well. Moreover, many language mediators specialize in certain fields like law or psychology which require specialist vocabulary and, preferably, specialist knowledge of at least the key notions, principles, and procedures and have some basic background and experience in the field. In addition, knowledge of the cultural background of the respective languages is part of any good language mediator's competence. Specific training courses or seminars and certifications in quality management of negotiations and emotional management could be extremely helpful as well.

Some mediation activities

In preparation for mediation learners should be adequately trained in the use of the range of language tools and strategies. To fully exploit the potential offered by language to train mediation, teachers should design contextualized activities that are relevant to the specific situation and addressees. Ideally, they should engage inter/cultural or social issues. In addition, it is possible to ask learners to change the speech register as well as shift from neutral to emotionally charged language and back, or even practice dealing with mood swings. This type of exercises distinguishes successful language mediation activities from decontextualized translation, grammar exercises or other similar tasks done for their own sake.

There is a really useful task which is never given in a general English course and quite rarely in an ESP course. Yet it would be really useful in a course designed specifically to train mediators. It consists of three steps: the forward translation, the back translation and reconciliation process. When dealing with high value information where accuracy is critically important or the situation requires scrupulosity and delicacy in communicating the precise meaning, it would be wrong to trust the forward translation only. The back translation can find major or minor discrepancies which might eventually lead to misunderstanding. So the last step of reconciliation is performed by the mediator who made the translation/interpretation and may also involve the party who provided the original information at some point of reconciliation. In the latter case the process goes much smoother and faster. This task also raises much needed nowadays multilingual awareness.

Another option is to embed language mediation activities within complex learning assignments. Students are offered to role-play a conflicting situation. First they receive relevant background information and the linguistic tools necessary for the successful completion of the task. Then they study the context, listen to the parties, discuss the options and possible solutions. The assignment becomes even more motivating and productive if it is a "real-play", i. e. when at least one of the participants plays himself. A good example of the real role play assignment can be to settle a tense situation between housemates whose personality types, lifestyles, habits, attitudes as well as their shares in the rent and the duration of stay in the shared house make it a real problem to agree on how to organize their life and distribute the household duties. They address the counselors from the Student Advice Center for mediation. The task is to outline the problem, offer solutions, react to suggestions, collaborate to come to an agreement, to write a final statement (house rules).

In the process, students practice many linguistic compensation strategies like paraphrasing, interpreting, summarizing, breaking down complicated information, linking to previous knowledge as well as other useful skills like note-taking and reporting, writing in response, adjusting language, streamlining text and others. In fact, most of them are applicable to mediation. For example, activities described in the CEFR as mediation activities are:

- facilitating collaborative interaction to construct meaning;
- generating conceptual talk;
- managing interaction in groups and in plenary;
- resolving delicate situations and disputes.

These practical activities demonstrate how well mediation can fit into the new conceptual shift in the ESP paradigm.

Conclusions

The aim of the research was to analyze the status and potential of mediation tasks in university education. Although mediation issues were introduced in the CEFR, it is still not widely applied in language teaching practices. The analysis showed that mediation activities are useful for developing negotiation, communicative, and language skills of young professionals, so mediation should become an integral part of both ESP courses and other academic disciplines. Recent developments in language pragmatics, rhetorics, and communication studies should be adapted for practical purposes of conducting mediation. Further research into the methodology of teaching mediation in tertiary education is still necessary.

References

- Allahverdova O. V. *Mediation — new communicative practice in conflict resolution*. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2006, vol. 9, no. 4, pp. 31–49.
- Kolb E. *Sprachmittlung. Studien zur Modellierung einer komplexen Kompetenz*. Münster/New York, Waxmann Publ., 2016. (In German)
- Mulholland J. *The Language of Negotiation. A Handbook of Practical Strategies for Improving Communication*. London, New York, Routledge Publ., 1991.
- North B., Piccardo E. *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment Developing. Illustrative Descriptors of Aspects of Mediation for the CEFR*. Council of Europe. 2017. URL: <https://rm.coe.int/common-european-framework-of-reference-for-languages-learning-teaching/168073ff31> (accessed: 19.08.2020).
- North B., Piccardo E. Developing illustrative descriptors of aspects of mediation for the Common European Framework of Reference (CEFR). A Council of Europe project. *Language Teaching* 49, 2016, pp. 455–459.
- Palmer M., Roberts S. *Dispute Processes: ADR and Primary Forms of Decision Making*. London, Butterworths Publ., 1998.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ МЕДИАЦИИ В ШКОЛЕ

А. В. Ульяновский

канд. культурологии, доц. кафедры рекламы

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.
ullianav@gmail.com*

С. Н. Ульяновская

педагог-психолог

*ГБОУ СОШ № 72 Калининского района Санкт-Петербурга,
Российская Федерация, 195267, Санкт-Петербург, ул. Ушинского, д. 21, лит. А.
uljanovskaja@shule72spb.ru*

Аннотация: В настоящее время не являются редкостью случаи проявления силового способа решения конфликтов в школе. Современное образовательное пространство школы — это потенциально конфликтная среда. В статье рассматривается связанность двух возрастных категорий молодежи в отношении допустимости проявления насилия: подростков-школьников и студентов первых курсов вузов. Используются данные третьей волны исследования изменений в восприятии и селекции информации молодежью и данные анонимного опроса школьников по оценке субъективного восприятия ими внутришкольного насилия. Проанализированы причины, затрудняющие внедрение медиации в российской школе. Ставится вопрос, с какого возраста можно начинать подготовку медиаторов в молодежной среде.

Ключевые слова: психологическая безопасность, конфликт, медиация, внутришкольное насилие, вербальная агрессия.

PSYCHOLOGICAL SAFETY: EXPERIENCE IN IMPLEMENTING MEDIATION AT SCHOOL

A. V. Ulianovskii

*Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Advertising
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab. St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
ullianav@gmail.com*

S. N. Ulianovskaia

Pedagogue-psychologist

*State budgetary educational institution "Secondary school No 72, Kalininsky district of St. Petersburg",
21 lit. A, Ushinskogo st., St. Petersburg, 195267, Russian Federation.
uljanovskaja@shule72spb.ru*

Abstract: At the present time instances of forceful way to resolve conflicts in school are not uncommon. The modern educational space of the school is a potentially conflict environment. The article uses the data of the third wave of the study of changes in the perception and selection of information by young people and the data of an anonymous survey of schoolchildren to assess their subjective perception of intra-school violence. The reasons that complicate the introduction of mediation in the Russian school are analyzed.

Keywords: psychological security, conflict, mediation, intra-school violence, verbal aggression.

Введение

В настоящее время не являются редкостью случаи проявления силового способа решения конфликтов в школе. Современное образовательное пространство школы — это потенциально конфликтная среда. Вдобавок к этому на всех участников образовательного процесса влияет общий уровень агрессии, транслируемый средствами массовой информации. Двадцать лет прошло с массового убийства детей в американской школе «Колумбайн», когда двое выпускников школы ранили 36 человек, из них 13 — смертельно, а в 2014 г. уже в Москве произошел первый расстрел в российской школе по американскому сценарию. В 2018 г. в Перми двое старшеклассников напали с ножами на учеников младших классов, 15 человек пострадали. В Улан-Удэ в 2018 г. учащийся школы сначала бросил коктейль Молотова в класс, а потом наносил удары топором выбегающим из класса детям. В Керчи 18-летним студентом был убит 21 человек, 50 — ранены. Убийца — тихоня, не имевший ни одного привода в полицию, ученик того же колледжа, что и убитые им. Это происшествие вызвало шок в обществе на несколько недель, а потом потоками информации всевозможных СМИ событие было вымыто из восприятия населения.

Дети могут нарушать правила социума в период своего взросления, но чем спровоцирован взрывной рост уровня насилия в российских школах? Отчасти высоким уровнем агрессии в социуме: интенсивность переживаний, транслируемых СМИ, стала столь высока, что у населения страны возникает психологический эффект усталости от сочувствия, сенсорной перегрузки при столкновении с менее удачливыми соотечественниками.

С 2006 г. в Санкт-Петербургском университете и ряде других вузов Петербурга автором проводится исследование изменений в осмыслении мира молодежью¹. Цель исследования — выявить и установить субъективные образы, продуцируемые СМИ и социальными сетями, в восприятии молодежи. Исследование посвящено спонтанному припоминанию образов, сформированных под влиянием информационной среды («вымышленных образов»), то есть уровню “top of mind”. Плотность информационного потока 2017 г. (третья волна исследования) повышает порог чувствительности внимания и интереса. Поэтому в погоне за привлечением внимания неизбежно повышение эмоциональной интенсивности активности в этом направлении.

Действия медиаактора, ведущего себя эпатажно, могут представляться аморальными или неэстетичными, но, и это принципиально важно, молодежная аудитория оценивает смелость, которой нужно обладать, чтобы так себя вести. Зачастую последователи медиапровокатора подхватывают такую манеру поведения, и через некоторое время она в глазах молодежи не только перестает представляться эпатажной, но и расширяется в область нормативности, ломая границы старых норм. Дети копируют поведение взрослых, сейчас в школах нецензурную лексику на переменах можно услышать в начальной школе.

Эпатажное поведение вышло за рамки традиционных сфер искусства и шоу-бизнеса, оно начинает проявляться как среди обычных людей, попавших в медиаполе (Диана Шурыгина), так и в политике (Дональд Трамп). Возможно, это связано с тем, что эпатаж можно считать маркером перемен в общественном сознании и стремления к самоидентификации посредством той или иной формы эпатажного поведения.

Школьники-подростки более склонны акцентировать внимание на информации, транслируемой их чуть более взрослыми ровесниками, чем на информации от педагогов или взрослых. Как следствие, происходит деформирующая картину мира школьника-подростка и фокусирующая на негативном трансляция информационного поля от старших к подрастающим, в основном посредством сетевой коммуникации, причем антигерои с девиациями либо приравниваются по популярности к героям, либо становятся более популярными, чем герои. Про-

¹ Ульяновский А. В. Вымышленные существа эпохи масс-медиа. Россия. 21 век. Волны 2006, 2012, 2017 годов.

явления злости и жестокости представляются и рассматриваются как нечто забавное и поэтому редко осуждаются. Зачастую жестокость оправдывается, а сам персонаж даже вызывает сочувствие [Ульяновский, 2019].

Абстрагируясь от «вездесущих» моделей поведения, транслируемых медиасредой, можно заметить, что переговоры в ситуации конфликта на основе техник медиации приводятся с точки зрения различных психологических парадигм [Аллахвердова, Карпенко, 2010], всеобъемлюще приведены конкретные и многообразные инструменты конфликтолога [Иванова, 2008], теоретико-методический материал обобщен до уровня учебных пособий и учебников [Карпенко, Осинковский (ред.), 2016; Чумиков, 2014], обучение школьной медиации как фактор повышения психологического благополучия учащихся рассмотрен [Быкова, Орлова, 2017], всесторонне проанализирован в электронных журналах, сборниках профильных конференций, например: «Проблемы психолого-педагогической работы в современном образовательном учреждении», «Психологическая наука и образование» и др.

Причем некоторые авторы заостряют внимание на анализе существующих подходов организации служб школьной медиации в отечественной теории и практике [Зернова, 2017], тогда как другие рассматривают развитие медиации как формы профилактики буллинга в России [Рудакова, 2017], затрагивают аспекты основных направлений и подходов психолого-педагогических экспертных оценок в системе образования [Умняшева, 2017, с. 5–12]. Существенный вклад как в оперативное освещение текущих проблем, так и в теоретическое их осмысление вносят сетевые ресурсы, такие как «Официальная группа методического объединения руководителей школьных служб медиации Санкт-Петербурга», «Центр медиации Санкт-Петербургского государственного университета», «Сообщество специалистов по урегулированию конфликтов в бизнесе», «Коммуникационно-компетентные онлайн-площадки саморазвития». То есть процесс осмысления и обобщения получает в настоящий момент дополнительные измерения по параметрам как глубины, так и ширины рассматриваемой тематики.

Основная часть

Молодым людям медиасреды всю жизнь стараются навязать определенные правила поведения и стереотипы, такие как уверенность, что успех измеряется цифрой банковского счета или что необходимо быть открытым и добрым, чтобы иметь друзей. И, стремясь быть вне этих рамок, аудитория выбирает и персонажей «под стать себе», которые выходят за рамки, рушат стереотипы симпатии. Так, девушке с сильным и волевым характером будет импонировать образ Дейенерис Таргариен, борющейся за власть в большой стране.

Однозначного объяснения, почему насилие передается из поколения в поколение, нет. Один из возможных механизмов этого — воспроизводство ролевых моделей родителей, которым ребенок обучается в детстве, а взрослея, использует их сам. Похоже, подтверждается факт, что взрослые, проявляющие жестокость к своим детям, в своем детстве пережили жестокость по отношению к себе. Усугубляет ситуацию трансляция средствами массовой информации убеждения, что насилие — это инструмент взаимодействия, насилие — это нормально! По теме исследования влияния СМИ на поведение детей написано немало дипломных работ, по запросу «влияние СМИ на агрессивное поведение детей» поисковики выдают миллионы ссылок, качество исследований разное, но бесспорно, что большинство детей в считанные секунды могут скопировать любимого киногероя или ведущего какой-нибудь популярной телепередачи, пропеть рекламную рифмовку или рассказать, что именно они узнали из средств массовой информации. Формы эпатажного поведения и вербальной агрессии рэп-культуры (столь популярной среди школьников) вообще резко противостоят социальным моделям, внедряемым школьной медиацией, и представляют для последней серьезный вызов.

По словам руководителя лаборатории профилактики асоциального поведения НИУ ВШЭ А. Реана, «...есть интервал значений, сколько детей подвергается буллингу (травле) в разных странах — от 19 до 30 процентов. По России 28 процентов»².

Школьная жизнь связана с ситуацией оценивания, а способность к регуляции эмоциональных проявлений у детей еще недостаточно развита. Фрустрированный ребенок, который не может соответствовать идее родителей быть отличником-хорошистом, дает выход своей агрессии, унижая младшего или слабого. Педагоги также испытывают высокий уровень психоэмоционального напряжения. Вот в такой эмоционально перегруженной среде дети и взрослые проводят по 6 и более часов в день.

Психологическая безопасность образовательной среды в настоящее время может выступать одной из центральных задач в образовании. «Психологическая безопасность образовательной среды — это состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников» [Офицерова, Губанихина, 2017].

В школах существует стандартный набор для решения конфликтов: направление в службу сопровождения, вызов родителей к директору, обращение в органы профилактики. Все эти действия усугубляют конфликтную ситуацию. Дети не осваивают конструктивные способы разрешения конфликтных ситуаций и в дальнейшем часто необоснованно применяют силу или становятся жертвами агрессивных настроенных людей. Нередко даже классный руководитель не в курсе, что кого-то из учащихся одноклассники изводят по причине, что тот не такой, «как надо»; что носит «паленку», а не брендовые вещи; что родители третируемого более обеспеченные и покупают ему что-то... Есть еще ситуации с «тихонями», как в Керчи, когда учащийся не участвует в конфликтах, отмалчивается на классных часах, неплохо учится, не прогуливает, но не согласен с тем, что происходит в школе или дома: с выставляемыми оценками, с замечаниями в его адрес со стороны педагогов, с нехваткой у семьи денег на «достойный айфон», но свое несогласие он не умеет выразить приемлемым способом, не научен справляться с разрушительными эмоциями.

Важными параметрами психологически безопасной образовательной среды являются защищенность от психологического насилия со стороны ровесников, старшеклассников, родителей, педагогов и администрации школы, качество межличностных отношений, комфортность и в целом удовлетворенность образовательной средой.

В школе № 72³ в 2018 г. в рамках городского мониторинга, проводимого специалистами Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, был проведен анонимный опрос учащихся 5–11 классов с целью выявления внутришкольного насилия и оценки влияния трансляции позитивных навыков разрешения конфликтов медиаторами-ровесниками и педагогами, прошедшими обучение медиативным технологиям. Анкета была нацелена на выяснение частоты случаев физического и психического насилия в школе и того, как эта проблема отражена в сознании учащихся. В опросе приняли участие 157 обучающихся. За два предшествующих исследованию года в школе прошли обучение медиации 13 педагогов, два года работала внеурочная образовательная программа «Вместе к согласию»⁴ и были подготовлены 10 медиаторов-школьников.

² Реан А. Мы о детях ничего не знаем. URL: <https://kiozk.ru/article/ogonek/my-o-detah-nicego-ne-znaem> (дата обращения: 13.04.2019).

³ Неопубликованные рабочие материалы из архива Ульяновской С. Н., соавтора данной статьи, психолога-педагога школы № 72 Калининского района Санкт-Петербурга, руководителя службы медиации. Анонимное анкетирование.

⁴ «Вместе к согласию» (авторы-составители Камакина О. Л., Кузьмин Г. С., Артемьева Е. И., Шигапова А. Г., Лебедева Е. В., Обухова Е. О.), образовательная программа, разработанная в ресурсном центре дополнительного

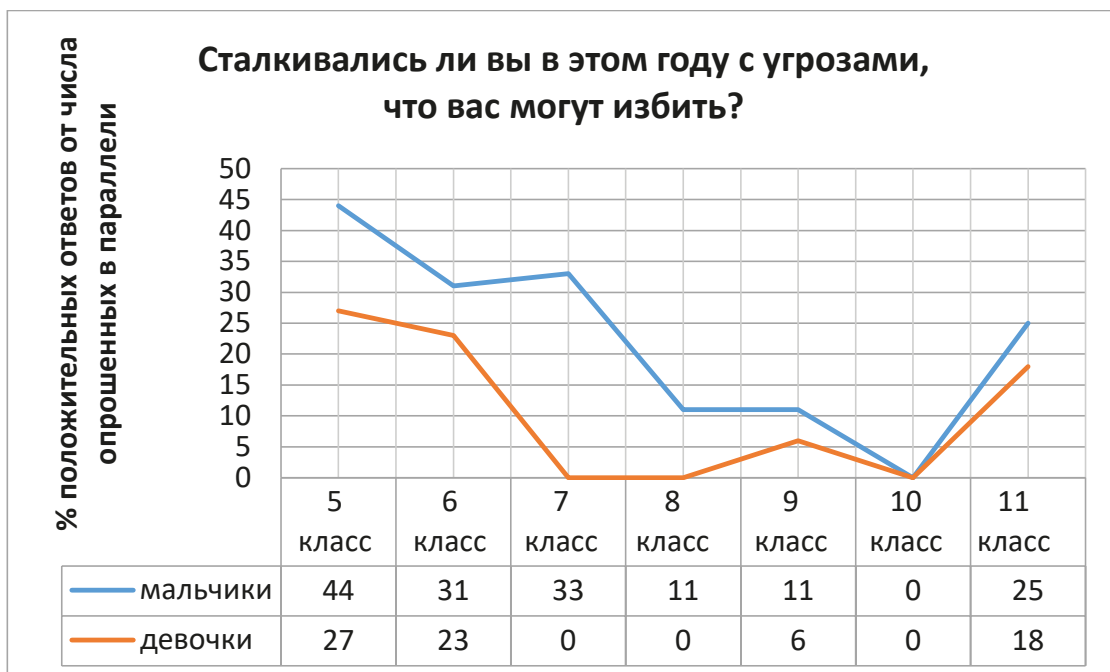

Рис. 1

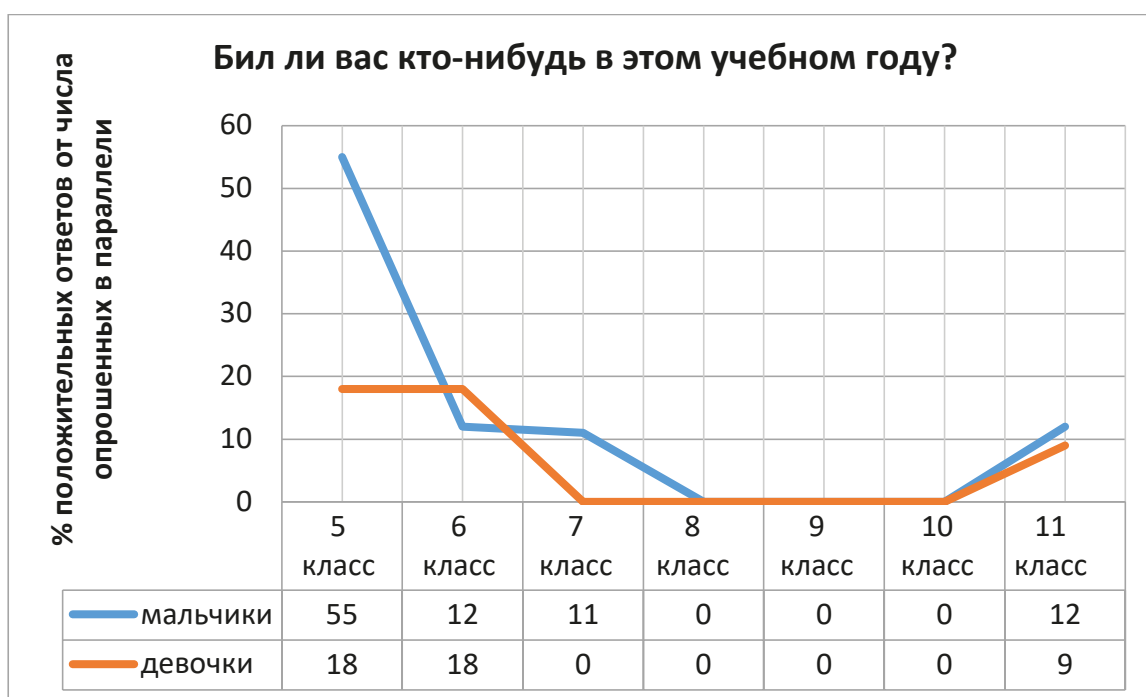

Рис. 2

Максимальная тревожность детей по поводу возможной физической угрозы наблюдается в 5-х классах, потом уровень тревожности плавно снижается. На графике (рис. 1) есть повышение угрозы в 11-м классе, это связано с тем, что в малочисленном 11-м классе действительно был конфликт и несколько положительных ответов дали высокий процент. Сравнивая рис. 1 и 2, можно заметить, что тревожность у детей выше, чем количество реальных случаев. Веро-

образования Санкт-Петербурга по теме «Развитие школьной службы медиации ресурсами дополнительного образования детей» на базе ГБОУ СОШ № 323 Невского района Санкт-Петербурга.

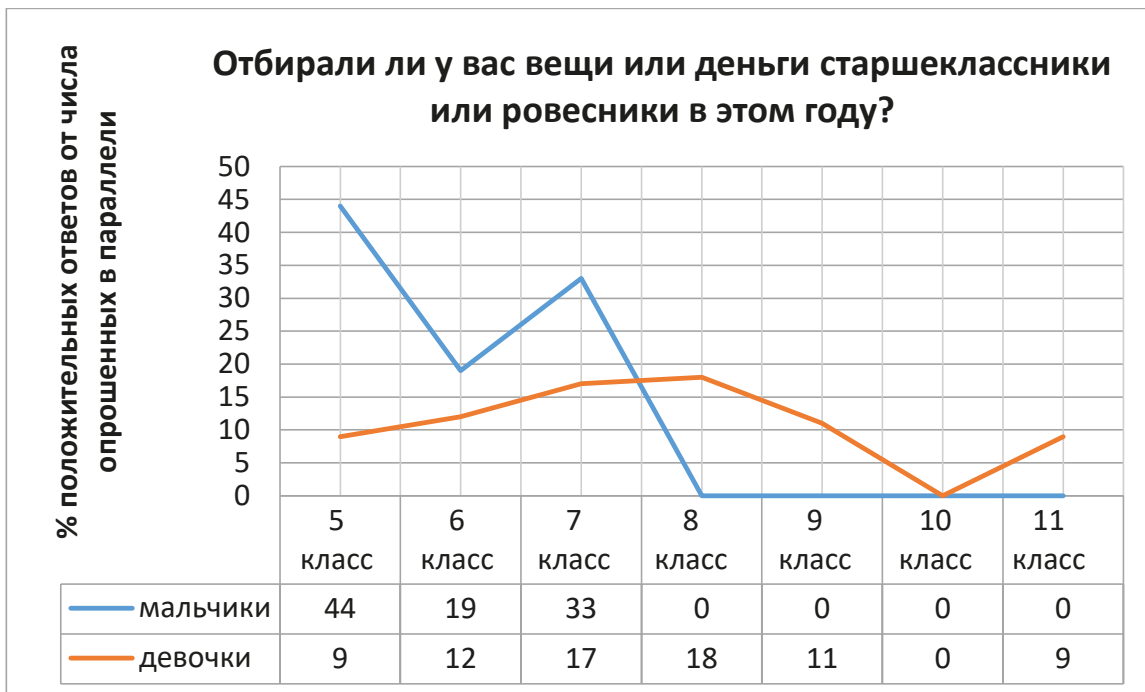

Рис. 3

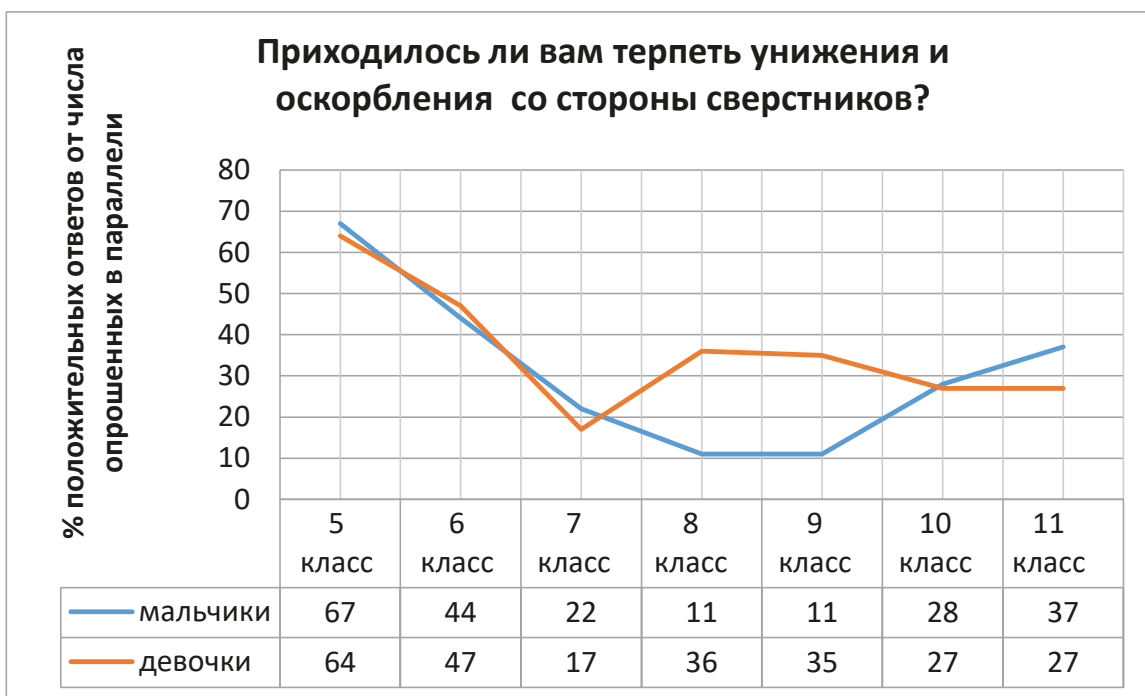

Рис. 4

ятно, на детей влияет общий фон тревоги в обществе. Высокие проценты положительных ответов у мальчиков 5 классов в ответах на вопрос «Бил ли вас кто-нибудь в этом учебном году?» (рис. 2) связаны с тем, что дети гордятся своей причастностью ко «взрослой теме».

На рис. 3 и 4 отражена проблематика косвенного проявления агрессии в сознании учащихся.

В первом классе отдельные дети умеют материться, к третьему классу многие дети в конфликте используют ненормативную лексику, в средней школе в социальных сетях мат воспринимается как норма (!) общения. Исследование выявило, что уровень косвенного проявления агрессивности в пятых классах школы № 72 высокий и что девочки 8–9 классов ведут себя

агрессивнее мальчиков. Девочки отмечают, что причиной оскорблений чаще всего являются внешность, положение в классе, стиль поведения, для мальчиков причина конфликта обычно ситуационная. Снижение уровня проявлений агрессии и ее субъективного переживания в старших классах школы (7–11 классы) коррелирует с тем, что в течение предыдущих двух лет в школе проводилось обучение педагогов основам медиации и школьников — по внеурочной образовательной программе «Вместе к согласию».

Насилие в образовательных учреждениях — это проблема для многих стран. Угрозы, оскорбления, побои нарушают безопасность человека. Когда конфликты в школе не признаются нормальным явлением, отсутствуют и алгоритмы для их распознавания, предупреждения и разрешения.

Что еще, помимо мероприятий воспитательной программы, ориентированных на объединение детей в коллективах, воспитания толерантности, развития РДШ (Российское движение школьников), педагоги могут противопоставить мировой тенденции насилия в школах?

Во-первых — обучение школьников адекватному поведению в конфликте, во-вторых — знание школьниками собственных личных коммуникационных особенностей, в-третьих — развитие навыков бесконфликтного общения, в-четвертых — развитие умения педагогов работать с конфликтами между обучающимися и способность к рефлексии собственных поведенческих и коммуникативных особенностей, в-пятых — информирование родителей о возможностях медиативных технологий при разрешении конфликтов в семье или с педагогами в школе. Все это включено в задачи школьной службы медиации, а цель — создать устойчивую психологически безопасную среду во всех аспектах школьной деятельности.

В работе службы медиации (примирения) активная роль отводится самим обучающимся. Конфликт должен быть решен его непосредственными участниками, поскольку только они смогут найти лучшее решение. Помогает им нейтральный посредник (медиатор), который не судит, не советует, не воспитывает, не защищает, не винит, не принуждает. Медиация хороша тем, что:

- позволяет разрешить конфликт без вынесения властного акта, то есть конфликтующие стороны могут решить конфликт без обращения в суд или другую инстанцию;
- если конфликт касается взаимоотношений между одноклассниками, участие в разрешении конфликта их родителей может не понадобиться;
- конфликтующие стороны самостоятельны в своих решениях, в том числе решении принять участие в медиации или нет, остаться и принять участие в выработке приемлемых действий для разрешения конфликта или уйти;
- конфликтующие стороны сами выбирают медиатора, который будет с ними работать, у всех сторон в конфликте есть возможность найти профессионального, нейтрального посредника.

Рассмотрим, какие недостатки и возможности есть у медиативных технологий в профилактике внутришкольного насилия.

Во-первых, есть сложность в трансляции позитивного коммуникативного опыта в школьную жизнь из-за перегруженности детей. Продолжительность средней рабочей недели подростка-школьника — 47 часов, это больше, чем у большинства взрослых. Во-вторых, 72-часовая программа подготовки медиаторов в рамках отделения дополнительного образования детей позволяет обучить за год ограниченное число детей. Причем приходят на эту программу дети, интересующиеся психологией, зачастую осознающие, что у них есть какие-то коммуникационные или психологические проблемы. Обучая их, в первую очередь необходимо помочь им скорректировать личные коммуникационные проблемы, а уже потом их можно готовить в медиаторы. Дети сильно перегружены учебной работой, и после шести уроков дополнительные два часа находиться в школе физически тяжело. Эффективнее было бы работать с детьми на каникулах в тренинговом режиме и со всем классом, деля его на 2–3 подгруппы. Тогда модели эффективного поведе-

ния в конфликтах были бы известны всем, а желающих можно было бы готовить более углубленно. В-третьих, программа подготовки медиаторов не рассчитана на детей младше 6 класса. Для обучения младших школьников и подготовки их к переходу в основную школу их надо научить умению корректно выражать свои эмоции, управлять своими чувствами. Для этого может использоваться образовательная программа психологической направленности «Тропинка к себе», где учащиеся обучаются навыкам выслушивания, аргументирования, рефлексии. Модель коммуникации складывается в семье, в школе педагоги могут только внести коррективы в неэффективную модель, показать ребенку, какие его коммуникационные штампы не позволяют ему быть успешным в общении с ровесниками или взрослыми. Хороший потенциал есть у интегрированных уроков, когда во время учебного процесса возможно встроить в урок информацию психологического или конфликтологического характера.

В-четвертых, за то время, пока в России внедряется эта технология, термин «медиация» так и не зазвучал по-русски. Наверное, самый хороший синоним — «примирение», но ему не хватает динамики. (В качестве альтернативного варианта в ходе конференции Ивановой Елены Никитичной — кандидатом психологических наук, доцентом кафедры конфликтологии Института философии и руководителем Службы медиации и консультирования в конфликте Санкт-Петербургского государственного университета — был предложен другой термин — «миротворчество».)

Заключение

О медиации заговорили в последнее десятилетие прошлого века и внедрять ее стали как раз в Санкт-Петербургском государственном университете, но с первой попытки, что называется, «дело не пошло». Вторая волна «прививания» на российскую почву этой технологии состоялась уже в нынешнем веке, школы обязали создать структуру — школьную службу медиации. Школа — это место, где три поколения так или иначе взаимодействуют друг с другом. Если научить детей конструктивно воспринимать конфликты, это поможет обнаружить и разрешить неизбежно существующие противоречия, акцентировать внимание на конструктивных функциях конфликта: на возможности обнаружить «проблемные» точки, оптимизировать процесс взаимодействия, дать сторонам конфликта возможность лучше понять друг друга и т. п. — они смогут скорректировать проблемные коммуникативные модели поведения в семье и социуме.

Есть данные, что подростки, которые научились спокойно обсуждать разногласия со своими родителями, чувствуют себя более уверенно. Они чаще не соглашаются с предложениями друзей приобщиться к алкоголю или наркотикам. Фактически исследование показало, что эти дети на 40 % чаще говорят «нет» противоправному поведению и неразумным предложениям сверстников, чем дети, которые не обучены навыкам аргументирования и выслушивания.

Снижение уровня насилия в школе и формирование нового типа реагирования в конфликтных ситуациях становятся возможными за счет того, что работа с конфликтами, нарушениями дисциплины и правонарушениями осуществляется с помощью медиационных технологий: кругов ровесников, школьных восстановительных конференций, семейных конференций. Следующая задача, которая стоит перед Службой медиации школы, — сопровождать и поддерживать разновозрастное сообщество медиаторов из числа учащихся в процессе деятельности в составе школьной службы медиации.

Для этого необходимы:

- создание условий для получения информации о конфликтах;
- анализ изменений в поведении участников конфликтов в результате работы службы медиации;
- информирование педагогического коллектива, школьников и родителей о результатах работы службы (с сохранением конфиденциальности о конкретике случаев).

Выводы

1. Есть сложность в трансляции позитивного коммуникативного опыта в школьную жизнь из-за перегруженности детей.
2. 72-часовая программа подготовки медиаторов в рамках отделения дополнительного образования детей позволяет обучить за год ограниченное число детей.
3. Обучающиеся приходят на программу медиации в первую очередь из-за осознания у себя определенных коммуникативных или психологических проблем, интересующихся психологией. Обучая их прежде всего необходимо помочь им скорректировать личные коммуникативные проблемы, а уже потом их можно готовить в медиаторы. Другими словами, в школе в медиацию в рамках внеурочной образовательной программы «Медиация» идут школьники с трудностями в общении. Не имеет смысла погружать их в проблематику медиации, не проработав личностную коммуникативную проблематику школьника.
4. Если научить детей конструктивно воспринимать конфликты, это поможет обнаружить и разрешить неизбежно существующие противоречия, акцентировать внимание на конструктивных функциях конфликта: на возможности обнаружить «проблемные» точки, оптимизировать процесс взаимодействия, дать сторонам конфликта возможность лучше понять друг друга.
5. Необходимо сделать визуальный символ медиации, понятный для школьника, на его визуальном языке. Для этого нужно провести работу по согласованию визуального языка школьника и преподавателя. При этом стандартные пиктограммы, выдвигаемые по запросу поисковых систем (типа упрощенных изображений трех человек: двух конфликтующих и одного, посередине, — медиатора), увы, банальны и не способны вызвать эмоциональный отклик у школьника.
6. Хорошо было бы профильным профессионалам медиации не поддаваться очарованию глубины древнегреческих корней термина «медиация» и сделать конверсию его смысла в форме рабочего термина, интуитивно понятного для школьника и его родителей. Насколько известно авторам, более удачных рабочих терминов, чем «примирение» и «миротворчество», пока не выдвинуто.
7. С 1 по 5 классы желательно как раз погружать школьников в смысловое поле основ медиации в игровой форме, избегая теории, тренировать эффективные коммуникативные приемы (в духе коммуникативных игр «Балда и черти», «Испорченный телефон»).
8. При инициативной форме внедрения медиации в школе внедрение медиации замедляется: не хватает ресурсов. В настоящее время успешные школьные проекты в области медиации существуют благодаря энтузиастам, но не как работающая технология. Стоит отметить, что за время внедрения медиации в образовательное пространство школ разработан широкий спектр методической литературы: внеурочные образовательные программы, пособия для классных руководителей, сетевые проекты (см. библиографический список).
9. Нерешенной остается внутришкольная проблема: по мере роста коммуникативной компетенции и осознанности школьник, посещающий внеурочную образовательную программу «Вместе к согласию», в соответствии с присущим возрасту максимализмом зачастую склонен менять свою жизненную ситуацию (изменение профиля учебы после окончания 9 класса в связи с лучшим осознанием своих базовых интересов, переговоры с родственниками с поливариативным финалом и т. д.). То есть создание «круга равных» в школе — еще более сложный процесс, чем точечное обучение медиативным техникам всех участников образовательного процесса.

Библиографический список

- Аллахвердова О. В., Карпенко А. Д. Медиация — переговоры в ситуации конфликта. СПб., 2010.
- Баева И. А., Гаязова Л. А. Психологическая безопасность образовательной среды школы и ее психолого-педагогическое сопровождение // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». 2012. № 3. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2012_3_3015.pdf (дата обращения: 17.05.2019).
- Быкова Л. В., Орлова М. В. Обучение школьной медиации как фактор повышения психологического благополучия учащихся // Проблемы психолого-педагогической работы в современном образовательном учреждении: сборник материалов II международной научно-практической конференции. ФГБОУ ВО СПбГИК, 19–20 мая 2017 г., Санкт-Петербург / отв. ред. В. М. Голянич, О. В. Ходаковская. СПб.: НИЦ АРТ, 2017. URL: <http://pms-centr.spb.ru/nasha-jizn/statiy/369-obuchenie-shkolnoj-mediatsii-kakfaktor-povysheniya-psikhologicheskogo-blagopoluchiya-uchashchikhsya> (дата обращения: 04.05.19).
- Зернова Г. П. Анализ существующих подходов организации служб школьной медиации в отечественной теории и практике. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/analiz-suschestvuyuschih-podhodov-organizatsii-sluzhb-shkolnoy-mediatsii-v-otechestvennoy-teorii-i-praktike> (дата обращения: 15.05.2019).
- Иванова Е. Н. Коммуникативные инструменты конфликтолога. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2008.
- Медиация: учебник / под ред. А. Д. Карпенко, А. Д. Осинковского. СПб.: Редакция журнала «Третейский суд», вып. 8, 2016.
- Микляева А. В., Румянцева П. В., Туманова Е. Н. Школьная медиация: теоретические и методические основы. М.: СВИФТ, 2016. URL: <http://humanpsy.ru/books/Mediacia.pdf> (дата обращения: 23.05.19).
- Офицерова Т. А., Губанихина Е. В. Система мониторинга психологической безопасности образовательной среды в процессе управления качеством образования общеобразовательной организации // Аспекты и тенденции педагогической науки: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2017 г.). URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/273/13419/> (дата обращения: 04.07.2019).
- Рудакова Ю. Н. Развитие медиации как формы профилактики буллинга в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mediatsii-kak-formy-profilaktiki-bullinga-v-rossii> (дата обращения: 18.05.2019).
- Чумиков А. Н. Переговоры — фасилитация — медиация: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2014.
- Умняшева И. Б. Психолого-педагогическая экспертиза в системе образования: основные направления и подходы // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 3. С. 5–12.
- Ульяновский А. В. Мифодизайн: учебное пособие. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019.

Сетевые ресурсы

- Официальная группа методического объединения руководителей школьных служб медиации Санкт-Петербурга. URL: https://vk.com/arbimed_school (дата обращения: 16.07.2020).
- Центр медиации Санкт-Петербургского государственного университета. URL: https://vk.com/mediationcenter_spbu (дата обращения: 16.07.2020).
- Сообщество специалистов по урегулированию конфликтов в бизнесе. URL: <https://vk.com/ligamediatorov> (дата обращения: 16.07.2020).
- Коммуникационно-компетентностные онлайн-площадки саморазвития. URL: <http://www.sznation.ru/%D0%9F%D0%BB%D0%BE%D1%89%D0%B0%D0%B4%D0%BA%D0%B8> (дата обращения: 16.07.2020).

References

- Allahverdova O. V., Karpenko A. D. *Mediation — peregovory v situatsii konflikta (Mediation — negotiations in a conflict situation)*. St. Petersburg, 2010. (In Russian)
- Bayeva I. A., Gayazova L. A. *Psikhologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noy sredy shkoly i yeye psikhologo-pedagogicheskoye soprovozhdeniye (Psychological safety of the educational environment of the school*

- and its psychological and pedagogical support). *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye (Psychological Science and Education)*, 2012, no. 3. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2012_3_3015.pdf (accessed: 17.05.2019). (In Russian)
- Bykova L. V., Orlova M. V. Obuchenie shkol'noy mediatsii, kak faktor povysheniya psikhologicheskogo blagopoluchiya uchashchikhsya (Teaching school mediation as a factor in improving the psychological well-being of students). *Problemy psikhologo-pedagogicheskoy raboty v sovremennom obrazovatel'nom uchrezhdenii: sbornik materialov II mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Problems of psychological and pedagogical work in a modern educational institution: a collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference)*. FGBOU VO SPbGIK, 19–20 May, 2017, St. Petersburg. Ed. by V. M. Golyanich, O. V. Khodakovskaya. St. Petersburg, NITS ART Publ., 2017. URL: <http://pms-centr.spb.ru/nasha-jizn/statiy/369-obuchenie-shkolnoj-mediatsii-kakfaktor-povysheniya-psikhologicheskogo-blagopoluchiya-uchashchikhsya> (accessed: 04.05.19). (In Russian)
- Chumikov A. N. *Peregovory — fasilitatsiya — mediatsiya (Negotiations — facilitation — mediation): a textbook for university students*. Moscow, Aspect Press Publ., 2014. (In Russian)
- Ivanova E. N. *Kommunikativnyye instrumenty konfliktologa (Communicative tools of a conflictologist)*. St. Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society Publ., 2008. (In Russian)
- Mediatsiya (Mediation): textbook*. Ed. by A. D. Karpenko, A. D. Osinovskiy. St. Petersburg, Redaktsiya zhurnala “Treteyskiy sud” (Editorial Board of the “Arbitration Court”), issue 8. (In Russian)
- Miklyayeva A. V., Rumyantseva P. V., Tumanova Ye. N. *Shkol'naya mediatsiya: teoreticheskiye i metodicheskiye osnovy (School mediation: theoretical and methodological foundations)*. Moscow, SVIFT Publ., 2016. URL: <http://humanpsy.ru/books/Mediatsiya.pdf> (accessed: 23.05.19). (In Russian)
- Ofitserova T. A., Gubanikhina E. V. The system of monitoring the psychological safety of the educational environment in the process of managing the quality of education of a general educational organization. *Aspects and trends of pedagogical science: materials of the III International scientific conference (St. Petersburg, December 2017)*. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/273/13419/> (accessed: 04.07.2019). (In Russian)
- Rudakova Yu. N. *Razvitiye mediatsii kak formy profilaktiki bullinga v Rossii (The development of mediation as a form of prevention of bullying in Russia)*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mediatsii-kak-formy-profilaktiki-bullinga-v-rossii> (accessed: 18.05.2019). (In Russian)
- Ulianovskii A. V. *Mythodesign (Myth design): study guide*. Saratov, IPR Media Publ., 2019. (In Russian)
- Umnyasheva I. B. Psikhologo-pedagogicheskaya ekspertiza v sisteme obrazovaniya (Psychological and pedagogical expertise in the education system: the main directions and approaches). *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye (Psychological Science and Education)*, 2017, vol. 22, no. 3, pp. 5–12. (In Russian)
- Zernova G. P. Analiz sushchestvuyushchikh podkhodov organizatsii sluzhb shkol'noy mediatsii v otechestvennoy teorii i praktike (Analysis of existing approaches to the organization of school mediation services in Russian theory and practice). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/analiz-suschestvuyuschih-podkhodov-organizatsii-sluzhb-shkolnoy-mediatsii-v-otechestvennoy-teorii-i-praktike> (accessed: 15.05.2019). (In Russian)

ВОЗМОЖНОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИАЦИИ

Е. В. Шахторина

*канд. пед. наук, доц. института образования
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Российская Федерация, 236034, Калининград, ул. А. Невского, 14.
Eshakhtorina@kantiana.ru*

Аннотация: На фоне повышения уровня социальной напряженности особую актуальность приобретают междисциплинарные исследования процесса подготовки специалистов, ориентированных на деятельность в ситуациях конфликтных взаимодействий и их урегулирования, в том числе подготовки медиаторов. В частности — изучение психологической готовности к деятельности медиатора. Такая готовность предполагает наличие отношений, установок, способностей, свойств, качеств личности, которые характеризуются рядом психологических и процессуальных требований и обеспечивают медиатору возможность успешно выполнять профессиональную деятельность. Одной из составляющих этой готовности выступает эмоциональный интеллект как структурный компонент профессиональной компетентности медиатора и условие успешности его профессиональной деятельности. Цель статьи — представить базовые результаты теоретического обоснования значимости оптимального развития и возможностей эмоционального интеллекта в медиации на основе понимания сущности, особенностей и структуры этого феномена.

Ключевые слова: медиация, психологическая готовность к деятельности медиатора, эмоциональный интеллект, эмоциональная компетентность.

POSSIBILITIES OF EMOTIONAL INTELLIGENCE IN MEDIATION

E. V. Shakhtorina

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Institute of Education
Immanuel Kant Baltic Federal University,
14, A. Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russian Federation.
Eshakhtorina@kantiana.ru*

Abstract: On the background of increasing level of social tension, interdisciplinary studies of the process of training specialists focused on actions in situations of conflict interactions and their resolution, including the training of mediators, are relevant, in particular the study of psychological readiness for mediator's activity. Such kind of readiness presupposes the existence of attitudes, abilities, qualities and personality traits, which are characterized by a number of psychological and procedural requirements and provide the mediator with the opportunity to carry out professional activities successfully. One of the components of the readiness is emotional intelligence as a structural component of the mediator's professional competence and a condition for the success of the professional activity. The aim of the article is to present the main results of the theoretical substantiation of the significance of optimal development and the possibilities of emotional intelligence in mediation based on the understanding of the essence, features and structure of this phenomenon.

Keywords: mediation, psychological readiness for mediator's activity, emotional intelligence, emotional competence.

Развитие современного общества характеризуется обострением экономических, социально-политических, межнациональных и иных конфликтов, возрастанием уровня социальной напряженности. Подобные тенденции требуют новых видов социальной активности, направленных на гармонизацию взаимодействия индивидов, групп, организаций, нахождение путей и способов эффективного, конструктивного разрешения существующих противоречий. Од-

ним из видов профессиональной деятельности, отвечающих данному социальному запросу, является деятельность медиатора [Шахторина, 2017б]. Процедура медиации направлена на урегулирование споров путем добровольных переговоров сторон с участием нейтральной независимой стороны — посредника, медиатора [Шахторина, 2017б].

Механизмы медиации основаны на техниках ведения переговоров, выявления скрытых мотивов и интересов партнеров, урегулирования конфликтов, которые реализуются в последовательных стадиях медиации. Психологическая сторона процесса медиации обеспечивается применением медиатором знаний и опыта практической психологии, способностью наладить конструктивную коммуникацию, обеспечить благоприятную психологическую атмосферу переговоров, особыми качествами медиатора, такими как общая компетентность и независимость, профессиональная позиция, психологическая устойчивость, эмпатия, толерантность, способность к доверительным отношениям и др. [Шахторина, 2017б; Шахторина, 2018].

Медиатор обладает инструментарием, позволяющим влиять на то, как люди ведут себя в ситуации конфликта, преобразовать конфликтные позиции в партнерские, которые будут сохраняться и в их повседневной жизни. Этому может способствовать прежде всего психологическая компетентность, выражающаяся в способности и готовности управлять коммуникацией, регулировать взаимодействие сторон в процессе медиации, корректно определять и регулировать эмоциональные проявления сторон, обеспечивать взаимопонимание между сторонами.

Особую актуальность в связи с этим приобретает исследование, объектом которого выступает процесс подготовки медиатора к профессиональной деятельности, предметом — эмоциональный интеллект как элемент психологической готовности к деятельности данного рода. Одной из приоритетных задач в рамках такого комплексного исследования становится изучение феномена «эмоциональный интеллект». Понимание сущности, структурных особенностей, роли и места последнего в системе профессионально важных качеств медиатора и структуре его профессиональной компетентности формирует представление о возможностях эмоционального интеллекта в реализации функций посредничества в процедуре медиации.

В настоящий момент существуют различные подходы к пониманию сути и структуры эмоционального интеллекта (R. Bar-On, D. R. Caruso, D. Goleman, J. Mayer, P. Salovey, И. Н. Андреева, Д. В. Люсин и др.). Однако единая согласованная теория эмоционального интеллекта не разработана [Гоулман, 2008; 2013; Карпов, 2006; Люсин, 2004; Мещерякова, 2011; Стернберг, 2002; Тимофеев, 2011; Шахторина, 2017а; Bar-On, 1997; Caruso, Mayer, Salovey, 2002; Caruso, 2002; Gardner, 1983; Guilford, 1967; Mayer, Salovey, Caruso, 2001; Salovey, 1990]. Тем не менее необходимость многоаспектного изучения феномена диктуется запросами практики, заключающимися в определении факторов, влияющих на эффективность профессиональной деятельности специалистов различных сфер, в том числе медиаторов.

Современные психологические концепции и теории действительно объединяет предположение о существовании самостоятельного феномена, который отличается от традиционно понимаемого интеллекта тем, что в его трактовку включают аспект обеспечения адаптивности субъекта к различным социальным ситуациям, что, в частности, повышает уровень профессиональной компетентности субъекта, обладающего этим качеством [Тимофеев, 2011]. Этот феномен и есть концепция эмоционального интеллекта [Тимофеев, 2011]. Многие исследователи утверждают, что именно эмоции ответственны за принятие решений в критических, экстраемальных, конфликтных ситуациях и взаимодействиях. Порядка восьмидесяти процентов успеха и эффективности в коммуникативных ситуациях подобного рода обусловлено такой психологической структурой, как эмоциональный интеллект.

В широком смысле эмоциональный интеллект представляет собой интегративные способности личности к эффективному общению за счет умения понимать и управлять своими и чужими эмоциями, умения воспринимать эмоции окружающих людей и возможности влиять

на них, а также умения рефлексировать собственные эмоциональные состояния и контролировать их проявления [Гоулман, 2006; 2008; 2013; Карпов, 2006; Bar-On, 1997; Caruso, Mayer, Salovey, 2002; Gardner, 1983].

Психологические исследования последних десятилетий выявили, что эффективность принятия решений и оптимальность деловой коммуникации при прочих равных условиях напрямую зависит от эмоционального интеллекта (D. Goleman). Поскольку конгруэнтность интеллекта предполагает единство эмоционального интеллекта и интеллекта в традиционном понимании, то есть академического, а степень его развития есть определенный уровень интеллектуальной компетентности, которая является важнейшим аспектом профессиональной компетентности [Деркач, 2004; Холодная, 2002], то можно утверждать, что эмоциональный интеллект, который крайне важно развивать, также входит в структуру профессиональной компетентности специалиста [Тимофеев, 2011].

Эмоциональный интеллект в профессиональной деятельности по Д. Гоулману включает следующие составляющие [Гоулман, 2006; 2008; 2013]:

- 1) самосознание, или способность дифференцировать и понимать свои эмоции и переживания;
- 2) самоконтроль, или способность держать под контролем собственную эмоциональную сферу, умение направлять эмоции в необходимое русло;
- 3) мотивация, или стремление ставить и достигать цели и задачи;
- 4) эмпатия, или умение распознавать эмоции других людей и корректировать свое поведение, отталкиваясь от эмоционального состояния других людей;
- 5) социальные навыки, или умение эффективно функционировать в любого рода обществе, налаживать коммуникацию с другими людьми, управлять отношениями и добиваться понимания окружающих и понимания окружающими.

Составляющие эмоционального интеллекта, таким образом, базируются на конкретных способностях, которые можно в себе открыть и развивать, и рассматриваются как компоненты эмоциональной компетентности.

Х. Риндерманн также выделяет базовые составляющие эмоциональной компетентности, а именно:

- дифференциация и основание собственных эмоций;
- способность переживать и выражать эмоции и чувства;
- дифференциация и основание эмоций окружающих;
- способность контролировать собственные чувства и эмоции;
- способность контролировать чувства и эмоции окружающих;
- социальные установки на чувства, которые влияют на применение эмоциональных компетенций и поведение в ситуациях, затрагивающих эмоции [Мещерякова, 2011].

В свою очередь, Г. В. Юсупова обращает внимание на четыре основных компонента в составе эмоциональной компетентности [Юсупова, 2006]:

- 1) рефлексия (самосознание, выявление собственных мотивов, рациональное осмысление эмоций);
- 2) саморегуляция (блокировка негативных эмоциональных состояний, контроль над эмоциями и управление импульсами, выражение эмоций);
- 3) эмпатия (эмоционально-когнитивная децентрация);
- 4) регуляция взаимоотношений (социальные навыки, а также способность строить отношения с другими людьми).

Содержательный анализ подходов Д. Гоулмана, Х. Риндерманна, Г. Юсуповой свидетельствует о схожести компонентов, которые входят в приведенные структуры [Тимофеев, 2011].

С. Г. Геллерштейном и И. Н. Шпильрейном были описаны группы профессионально важных качеств, характеризующих возможности человека как субъекта конкретной профессиональной деятельности с разных сторон. Профессионально важными качествами предлагается считать индивидуально-личностные особенности профессионала, а именно те качества, которые могут напрямую повлиять на эффективность его работы [Кирсанов, Кондратьев, 2010; Никитина, Гудзовская (ред.), 2010].

Можно выделить группы профессионально важных качеств:

- а) качества и функции, важные для профессионального успеха, но трудно поддающиеся тренировке, развитию, которые отражают константные индивидуальные особенности человека, играющие важную роль в прогнозировании будущей успешности и успеваемости у новичков и поступающих в профессиональные школы;
- б) качества и функции, которые можно развить через обучение, вследствие чего их развитие должно быть включено в программы профессиональной подготовки специалистов;
- в) качества и функции, которые подвержены функциональному распаду под влиянием экстремально напряженных условий профессиональной работы или смены деятельности.

Однако эмоциональный интеллект как профессионально важное качество сложно отнести к какой-либо из данных групп, поскольку исследователи до сих пор не пришли к общему мнению относительно того, поддается ли эмоциональный интеллект тренировке или нет. Одни придерживаются позиции, которая заключается в том, что развивать эмоциональный интеллект не представляется возможным, потому что эта способность является врожденной, она либо есть, либо ее нет (Дж. Мэйер). Другие считают, что развитие эмоционального интеллекта возможно (Д. Гоулман). В качестве доказательства последние используют тот факт, что нейрогенез продолжается вплоть до середины жизни [Bar-On, 1997; Caruso, Mayer, Salovey, 2002; Gardner, 1983; Guilford, 1967; Mayer, Salovey, Caruso, 2001].

Но исследователи единогласно сходятся во мнении, что эмоциональный интеллект входит в состав профессионально важных качеств специалистов, работающих в сфере взаимодействия с людьми, в частности медиаторов. Это очевидно, если учитывать следующие составляющие эмоционального интеллекта:

1. Самосознание. Это — ключевой элемент работы медиатора над собой. Осознание есть основополагающий шаг к контролю. Следует отметить также, что самосознание помогает выявить дистрофические эмоции, найти их причину и, следовательно, справиться со своим состоянием.
2. Самоконтроль. Это качество позволяет дифференцировать и контролировать свои негативные чувства, а следовательно, быть эмоционально устойчивым. Обладая им, медиатор может спокойно работать с негативными чувствами клиентов, не опасаясь того, что он будет этими негативными эмоциями заражен.
3. Эмпатия. В наши дни под эмпатией понимается способность эмоционально отзываться на переживания других, проживать их ощущения вместе с ними, при этом сохраняя гомеостаз. Таким образом, можно предположить, что эмпатия является важным качеством медиатора, которое позволяет ему принимать другого человека безоценочно, понимать его чувства и переживания.
4. Навыки отношений. Каждому медиатору необходимо уметь найти точки соприкосновения с совершенно разными людьми. Даже в ситуациях, когда они этому противятся, медиатору следует подобрать индивидуальный подход, наладить и поддержать с контакт с ними.
5. Мотивация (точнее — самомотивация). Этот компонент стоит рассматривать с точки зрения возможности и умения контролировать свое эмоциональное состояние в соот-

ветствии с требованиями ситуации, а также как возможность сфокусироваться на решении определенной проблемы, если потребуется — сосредоточить на ней все силы.

Авторы понятия «эмоциональный интеллект» Дж. Мэйер и П. Сэловей выделяют компоненты эмоционального интеллекта, его «ветви». Данные элементы структурированы и развиваются в онтогенезе [Симбирцева, 2008]:

1. Восприятие эмоций, их выражение. Представляет собой способность замечать факт наличия эмоции, определять эмоции, воспринимать их, адекватно и точно выражать эмоции, а также способность дифференцировать истинные и ложные выражения эмоций.
2. Фасилитация мышления. Рассматривается как способность вызвать определенную эмоцию, контролировать ее. Разные эмоциональные состояния оставляют свои отпечатки при решении конкретных проблем, задач. Таким образом, предполагается, что эмоции способны влиять на важную информацию.
3. Понимание эмоций. Под этой составляющей Карузо, Мэйер, Сэловей рассматривают способность понимать эмоции, осознание связей между эмоциями, а также переходы от одной эмоции к другой, анализ эмоций, причины возникновения той или иной эмоции, способность классифицировать их, интерпретировать их значения.
4. Управление эмоциями. Здесь подразумевается способность контроля над эмоциями, регуляция эмоций через их осознание, способность к решению проблем, которые имеют значительный эмоциональный вес, без подавления сопутствующих им негативных переживаний, способность переживать позитивные и негативные эмоции, умение снижать интенсивность отрицательных эмоций.

Эмоциональный интеллект связан с эффективностью в профессиональной деятельности медиатора не только благодаря приведенным элементам, включенным в структуру профессиональной компетентности, но и потому, что эта успешность во многом обусловлена коммуникативным фактором, а именно способностью понимать свое состояние, управлять им, влиять на состояние другого в соответствии с установками общения.

Из-за значительной эмоциогенности профессиональной деятельности медиатора, существенной опоры эффективности его профессиональной деятельности на успешность межличностных контактов и взаимодействия, высокого уровня значимости подготовки к подобному характеру деятельности на этапе стартового профессионального становления возрастает роль эмоционального интеллекта в структуре профессионально значимых качеств, которые обуславливают и успешность учебной деятельности обучающихся — будущих медиаторов. Теоретический анализ литературы по проблеме успешности и развития эмоционального интеллекта позволяет обратить внимание на следующие факты [Ефремова, 2004; Котова, 2011; Мещерякова, 2011]:

1. Успешность деятельности выступает как положительный аспект по достижению важных для медиатора профессиональных целей. Интегральный показатель эффективности деятельности включает объективную и субъективную успешность: объективная успешность определяется внешней оценкой результатов профессиональной деятельности субъекта со стороны релевантного профессиональной деятельности окружения, субъективная успешность — удовлетворенностью субъекта результатами его профессиональной деятельности, выражающейся в осознаваемой степени согласованности запланированных целей и полученных результатов этой деятельности [Ефремова, 2004; Котова, 2011].
2. Эмоциональный интеллект представляет собой профессионально значимое качество, обеспечивающее осознание, понимание и регуляцию собственных эмоций и эмоций окружающих, обуславливающее успешность профессиональной деятельности и пред-

ставляющее собой интегративное образование, степень сформированности которого определяется гетерохронной представленностью когнитивного, поведенческого и эмоционального компонентов [Мещерякова, 2011].

3. Успешность деятельности медиаторов может трактоваться как результат реализации сформированности профессионально важных качеств специалиста, которые можно рассматривать в трех аспектах — когнитивном (связанным с требованиями к знаниевой составляющей личности, касающейся профессиональной деятельности), аффективном (связанным с требованиями к эмоциональной составляющей личности) и конативным (связанным с требованиями к регулятивной, поведенческой составляющей деятельности медиатора); эмоциональный интеллект выступает высшим интегрирующим и регулирующим звеном для этих профессионально важных качеств [Темнова, 2001].
4. Структура эмоционального интеллекта медиаторов трехкомпонентна и включает когнитивный, аффективный и конативный компоненты. В когнитивном представлена самооценка эмоциональных состояний, эмоциональная компетентность и рефлексия с позиции понимания себя и других людей. В аффективный репрезентант включены такие качества, как эмпатия, эмоциональная устойчивость и эмоциональная холодность. В конативном — мотивация достижения, продуктивное взаимодействие и способность контролировать собственные эмоции [Мещерякова, 2011].

Также важно отметить, что соотношение структуры эмоционального интеллекта и других профессионально важных качеств медиатора, обеспечивающих успешность его деятельности, характеризуется показателями завершенности и выраженности компонентов эмоционального интеллекта, которые связаны с определенными профессиональными задачами [Котова, 2011; Мещерякова, 2011; Тимофеев, 2011]. Положительная динамика эффективности деятельности медиатора регулируется развитием всех репрезентантов эмоционального интеллекта, например, через реализацию специальной развивающей образовательной программы, в которой цели, задачи, структура и содержание отражают дифференцированный, покомпонентный подход к развитию эмоционального интеллекта.

Библиографический список

- Гоулман Д. С чего начинается лидер. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.
- Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2008.
- Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Деркач А. А. Акмеологические основы развития профессионала. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004.
- Ефремова О. И. Успешность личности // Социальная психология в вопросах и ответах / под ред. В. А. Лабунской. Ростов-н/Д., 2004.
- Карпов А. В., Петровская А. С. Проблемы эмоционального интеллекта в парадигме современного метакогнитивизма // Вестник интегративной психологии. 2006. Вып. 4.
- Кирсанов А. А., Кондратьев В. В. Инженерная деятельность и профессиональная компетентность специалиста // Вестник Казанского технологического университета. Народное образование. Педагогика. 2010. № 12.
- Котова С. А. Психофизиологические механизмы обеспечения эффективности обучения студентов: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.02. СПб., 2011.
- Мещерякова И. Н. Развитие эмоционального интеллекта студентов-психологов в процессе обучения в вузе: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 — Педагогическая психология. Курск, 2011.
- Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004.

- Психологические аспекты готовности к профессиональной деятельности: монография коллектива авторов / под общ. ред. Т. А. Никитиной, А. А. Гудзовской. Самара: Изд-во «Самарская академия государственного и муниципального управления», 2010.
- Стернберг Р. Практический интеллект = Practical Intelligence in Everyday Life. СПб.: Питер, 2002.
- Тимофеев О. Н. Развитие эмоционального интеллекта студентов в техническом вузе // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 11.
- Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд. СПб.: Питер, 2002.
- Шахторина Е. В. К исследованию эмоционального интеллекта у студентов — будущих психологов // Инновационные проекты и программы в психологии, педагогике и образовании: Сборник статей Международной научно-практической конференции (15 декабря 2017 г., г. Уфа). В 2 ч. Ч. 2. Уфа: АЭТЕРНА, 2017а.
- Шахторина Е. В. К вопросу о психологической готовности к профессиональной деятельности медиатора // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Оренбург, 24 декабря 2017). В 6 ч. Ч. 4. Стерлитамак: АМИ, 2017б.
- Юсупова Г. В. Состав и измерение эмоциональной компетентности: автореф. дис ... канд. психол. наук. Казань, 2006.
- Bar-On R. Emotional Intelligence Inventory (EQ-i): Technical Manual. Toronto, Canada: Multi-Health Systems, 1997.
- Caruso D. R., Mayer J. D., Salovey P. Relation of an ability measure of emotional intelligence to personality // Journal of Personality Assessment. 2002. Vol. 79.
- Gardner H. Frames of mind. New York: Basic Books, 1983.
- Guilford J. P. The nature of human intelligence. New York: McGraw-Hill, 1967.
- Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R., Sitarenios G. Emotional intelligence as a standard intelligence // Emotion. 2001. Vol. 1.
- Salovey P. Emotional intelligence // Imagination, Cognition and Personality. 1990. Vol. 9.
- Shakhtorina E. The study of university students' social ideas about mediation // Modern European Researchers. Salzburg, Austria, 2018. Issue No. 1.

References

- Allahverdova O. V. Mediation in a philosophical psychological and legal context. *Development of mediation in Russia: theory, practice, education: digest of articles*. Ed. by E. I. Nosyreva, D. G. Filchenko. Moscow, Infotropic Media Publ., 2012. (In Russian)
- Andreeva I. N. *Alphabet of emotional intelligence*. St. Petersburg, BHV-Petersburg Publ., 2012. (In Russian)
- Bar-On R. *Emotional Intelligence Inventory (EQ-i): Technical Manual*. Toronto, Canada, Multi-Health Systems, 1997.
- Caruso D. R., Mayer J. D., Salovey P. Relation of an ability measure of emotional intelligence to personality. *Journal of Personality Assessment*, 2002, vol. 79.
- Derkach A. A. *Acmeological basis for professional development*. Moscow, Publishing house of the Moscow psychological and social institute; Voronezh, NPO "MODEK" Publ., 2004. (In Russian)
- Efremova O. I. *Personality success. Social psychology in questions and answers*. Ed. by V. A. Labunskaya. Rostov-on-Don, 2004. (In Russian)
- Gardner H. *Frames of mind*. New York, Basic Books Publ., 1983.
- Goleman D. *Where does the leader begin*. Rus. Ed. Moscow, Alpina Business Books Publ., 2006.
- Goleman D. *Emotional intelligence*. Rus. Ed. Moscow, AST Publ., 2008.
- Goleman D. *Emotional intelligence. Why can it mean more than IQ*. Rus. Ed. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2013.
- Guilford J. P. *The nature of human intelligence*. New York, McGraw-Hill Publ., 1967.
- Holodnaya M. A. *Intellect psychology. Research paradoxes. Second edition*. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. (In Russian)
- Karpov A. V., Petrovskaya A. S. Problems of emotional intelligence in the paradigm of modern metacognitivism. *Bulletin of integrative psychology*, 2006, vol. 4. (In Russian)

- Kirsanov A. A., Kondratiev V. V. Engineering activity and professional competence of a specialist. *Bulletin of Kazan University of technology. Public education. Pedagogy*, 2010, no. 12. (In Russian)
- Kotova S. A. *Psychophysiological mechanisms for ensuring the effectiveness of student learning*. Abstract of dissertation for the degree of doctor of psychological sciences. St. Petersburg, 2011. (In Russian)
- Lusin D. V. Modern representations about emotional intelligence. *Social intelligence: theory, measurement, research*. Ed. by D. V. Lusin, D. V. Ushakova. Moscow, Institute of psychology RAN Press, 2004. (In Russian)
- Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R., Sitarenios G. Emotional intelligence as a standard intelligence. *Emotion*, 2001, vol. 1.
- Mesheryakova I. N. *Development of emotional intelligence of students-psychologists in the process of university education*. Abstract of dissertation for the degree of candidate of psychological sciences. Kursk, 2011. (In Russian)
- Psychological aspects of readiness for professional activities. Monograph by the team of authors*. Ed. by T. A. Nikitina, A. A. Gudzovskaia. Samara, Publishing house "Samara Academy of state and municipal administration", 2010. (In Russian)
- Salovey P. Emotional intelligence. *Imagination, Cognition and Personality*. 1990. Vol. 9.
- Shakhtorina E. The study of university students' social ideas about mediation. *Modern European Researchers*. Salzburg, Austria, 2018. Issue 1.
- Shakhtorina E. V. To the study of emotional intelligence in students — future psychologists. *Innovative projects and programs in psychology, pedagogy and education: collection of articles of the international scientific-practical conference (December 15, 2017)*. Vol. 2. Ufa: AETERNA Publ., 2017a. (In Russian)
- Shakhtorina E. V. To the question of psychological readiness for the mediator's professional activity. *Modern problems and perspective directions of the innovative development of science: Collection of articles based on the results of the International scientific and practical conference (Orenburg, December 24, 2017)*. Vol. 4. Sterlitamak, AMI Publ., 2017b. (In Russian)
- Sternberg R. *Practical intelligence = Practical Intelligence in Everyday Life*. Rus. Ed. St. Petersburg: Piter Publ., 2002.
- Timofeev O. N. Development of emotional intelligence of students in technical university. *Bulletin of Kazan University of technology*, 2011, no. 11. (In Russian)
- Usupova G. V. *Composition and measurement of emotional competence*. Abstract of dissertation for the degree of candidate of psychological sciences. Kazan, 2006. (In Russian)

Раздел 3

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В МЕДИАЦИИ

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ ГРУПП

О. В. Келасьев

канд. социол. наук, ст. преподаватель кафедры социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.*

o.kelasiev@spbu.ru

Аннотация: Целью исследования являлось выявление специфики работы службы конфликтологического консультирования социально уязвимых групп населения Санкт-Петербурга (преимущественно в коммунально-бытовой и семейной сферах). Установлено, что именно социально уязвимые группы более всего нуждаются в профессиональной помощи по разрешению конфликтов, возникающих у них с представителями более благополучных групп. Новизна работы состоит в выявлении необходимости еще до выхода на уровень медиации проводить консультационную работу с одной, как правило слабой, стороной конфликта. Эти клиенты зачастую характеризуются пониженной адекватностью в осознании проблемной ситуации, высоким уровнем фрустрированности, находятся в плену своей субъективности, не способны самостоятельно осознать собственные ошибки и промахи, которые завели их в проблемную ситуацию. Консультант помогает преодолеть многие стереотипы конфликтного поведения и сформировать более эффективные стратегии в борьбе за свои права. Пока же в связи с непониманием специфики такого рода работы со слабыми группами их проблемы остаются вне общественного дискурса, из-за чего эти группы часто остаются наедине со своими проблемами, что сокращает их жизнь.

Ключевые слова: социально уязвимая группа, конфликтологическое консультирование, семейный конфликт, медиация, жилищно-коммунальная сфера, слабая сторона конфликта, адекватность клиента.

FEATURES OF CONFLICT COUNSELING FOR SOCIALLY VULNERABLE GROUPS

O. V. Kelasyev

*Candidate of Sociology, Senior Lecturer,
Department of Sociology of Youth and Youth Policy, Faculty of Sociology
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
o.kelasiev@spbu.ru*

Annotation: The research goal was to identify the specifics of conflict resolution service for socially vulnerable groups of St. Petersburg population (mainly in communal, household and family spheres). It has been discovered that socially vulnerable groups mostly need professional assistance in resolving conflicts that arise with representatives of more prosperous groups. The novelty of the work identifies the need of consulting work conducting with one, usually the weakest side of the conflict before reaching the level of mediation. These clients are often characterized by reduced adequacy in the problem situation awareness, high level of frustration, they are captivated by their subjectivity, and not able to recognize their own mistakes that brought them to the problem situation. The consultant helps to overcome many stereotypes of conflicting behavior and develop more effective strategies in the struggle for their rights. In the meantime, due to a lack of understanding of the specifics of this kind of work with weak groups, their problems remain to stay outside of public discourse. This is why these groups are often left alone with their problems, which reduces the lifespan of their representatives.

Keywords: socially vulnerable group, conflictological counseling, family conflict, mediation, housing and communal sphere, a conflict weak side, client's adequacy.

Введение

К социально уязвимым группам относятся все те, кто не способен самостоятельно обеспечивать и поддерживать необходимый материальный уровень и решать жизненно важные проблемы. К ним могут быть причислены одинокие пожилые люди, инвалиды, лица БОМЖ, безработные, мигранты, неполные или многодетные семьи, семьи, потерявшие кормильца, лица, имеющие доходы ниже прожиточного минимума, и т.д. Из-за своей неспособности самостоятельно решать проблемы они нуждаются в социальной (профессиональной) помощи. Зачастую социально уязвимые лица и группы оказываются не в состоянии адекватно осознать и сформулировать как собственные интересы, так и интересы противостоящей им стороны. Поэтому им часто требуется начальная помощь в адекватном осознании собственных интересов и проблемной ситуации во всем разнообразии ее аспектов. На начальном этапе работы на рациональность таких клиентов рассчитывать трудно, консультант должен сначала повысить уровень их адекватности. В отличие от формального приема чиновника (суд, полиция, государственные социальные службы, опека и попечительство и т.д.) консультант должен быть ориентирован на более кропотливую работу по выяснению истинных интересов клиента и помощь в адекватном осознании проблемы и путей ее решения [Карпенко, Фролова-Буканова, 2006]. В специальной литературе по конфликтологическому консультированию оно понимается как процесс целенаправленного собеседования с клиентом для помощи в исследовании проблем и поиске решений в конфликтной ситуации [Иванова, 2012, с. 13].

Виды конфликтов и технология работы консультанта

Конфликтологическое консультирование осуществлялось в рамках программы «Примирение», целью которой было оказание квалифицированной конфликтологической помощи жителям внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга муниципальный округ № 54 (МО № 54), вовлеченным в коммунально-бытовые конфликты.

Конфликтные ситуации жителей муниципальных образований возникают в самых различных сферах:

- семейной (супруги, дети, родители, другие родственники);
- взаимоотношений между соседями в коммунальной квартире и многоквартирном доме;
- отношений во время и после бракоразводных процессов (раздел имущества, воспитание ребенка и т. д.), вопросов опеки и попечительства;
- претензий по собственности или наследству;
- претензий в жилищно-коммунальной сфере;
- взаимодействия населения с чиновниками, представителями сферы обслуживания и т. д.

Целью программы было оказание квалифицированной конфликтологической помощи жителям в самостоятельном и цивилизованном решении возникающих проблем на основе поиска взаимоприемлемых для конфликтующих сторон решений, а не путем принуждения с позиции силы. Программа была направлена на снижение социальной напряженности в муниципальном округе.

Задачи программы:

- предоставление населению социальных услуг по урегулированию различных конфликтов с помощью техник конфликтологического консультирования и медиации;
- ликвидация дефицита информации относительно проблем или конфликтов, вызванных недостатком адекватной и достоверной информации, снабжение жителей — участников конфликтов недостающей информацией;
- помощь жителям в раскрытии их собственных ресурсов, прежде не использованных ими при решении данной проблемы;
- организация поочередной работы с разными сторонами конфликтной ситуации и вывод их на медиацию;
- выезд по заявкам руководителей социальных учреждений, расположенных на территории округа, для оказания конфликтологических услуг.

В рамках указанной программы консультант-конфликтолог выполнял следующие функции:

- а) выслушивал посетителя, снимал возбуждение или агрессию;
- б) предоставлял необходимую недостающую информацию по проблеме, лежащей в основе конфликта;
- в) помогал посетителю раскрыть его собственные ресурсы и т. д.

В соответствии с технологией конфликтологического консультирования консультант-конфликтолог давал посетителю возможность самому увидеть его промахи и ошибки в данной ситуации, совместно с ним производил детальный анализ сложившейся ситуации, помогал ему увидеть эту ситуацию и его место в ней в новом свете, посмотреть на нее другими глазами (и, если надо, с точки зрения противоположной стороны). С его помощью, оценивая ситуацию с новых позиций, клиент пытался самостоятельно найти необходимое решение.

Если же проблема посетителя заключалась в том, что он не смог отстоять свои права на жилье, собственность, коммунально-бытовое и медицинское обслуживание и т. д., консуль-

тант раскрывал перед ним степень справедливости его претензий и те возможности, которые не были найдены и использованы им ранее для решения этой проблемы. В случае необходимости вмешательства специалиста другого профиля или лица, обладающего властными полномочиями (участкового, директора школы, депутата и т. д.), консультант указывал конкретного специалиста и давал посетителю необходимую для контакта с ним информацию.

Технология консультирования по программе «Примирение» базировалась на описанных в литературе по социальному конфликтологическому консультированию стадиях:

- подготовка к приему, создание комфортной обстановки для консультирования;
- прием посетителя, установление контакта;
- изложение посетителем своей проблемы;
- дискуссия;
- конкретизация проблемы;
- диспетчеризация;
- запрос предложений у клиента и проверка их на реальность;
- выход из контакта [Карпенко, Фролова-Буканова, 2006, с. 86–96].

Каждая стадия характеризуется своей спецификой и требует особых знаний и умений консультанта (начиная от внешнего вида и умения использовать техники активного слушания и заканчивая навыками профессионального выхода из контакта).

В рамках программы «Примирение» консультант вел прием в помещении Муниципального совета два раза в неделю. В его обязанности входила фиксация в журнале информации о посетителе, описание сути проблемной ситуации, типа конфликта и достигнутого результата. Полученные данные систематически обобщались, на их основе подготавливались отчеты о количестве проведенных консультаций, типичных конфликтах, способах их разрешения.

Накопленные данные о типичных коммунально-бытовых конфликтах на территории округа и цивилизованных формах их урегулирования использовались для повышения конфликтологической компетентности населения. Осуществлялось это через публикацию статей в муниципальной газете, издание информационных листовок, которые выполняли также функцию привлечения внимания жителей округа к программе.

Запуск программы оказался, однако, весьма непростым делом и потребовал от разработчиков преодоления ряда трудностей. Одна из них состояла в том, что социально уязвимые лица и группы, которые обращались за помощью в МО, часто оказывались не в состоянии адекватно осознать не только интересы противостоящей им стороны, но и свои собственные. Поэтому им требовалась начальная помощь в адекватном осознании ситуации и раскрытии их собственных ресурсов, прежде не задействованных при разрешении проблемы. В общем, решать проблемы социально незащищенных групп в рамках консультирования оказывалось достаточно сложным и хлопотным делом. Но именно эти группы наиболее нуждаются в развернутом конфликтологическом консультировании, что, однако, потребовало значительного времени и кропотливой работы — на рациональность таких клиентов, как выяснилось, было рассчитывать трудно. Это составляло одну из специфических особенностей консультирования социально уязвимых групп.

Самыми типичными были конфликты коммунально-бытового уровня. Их наиболее распространенные разновидности (по частоте встречаемости):

- конфликты в сфере раздела жилплощади между родственниками;
- между бывшими супругами по поводу общения с ребенком и связанного с этим раздела имущества;
- конфликты с управляющей компанией (УК), правлением жилищно-строительного кооператива (ЖСК) или товарищества собственников жилья (ТСЖ), связанные с неопла-

той счетов по коммунальным услугам, а также с недовольством действиями председателя в доме;

- последствия стычек на парковках возле домов из-за места для стоянок;
- конфликты между соседями из-за шума, асоциального поведения и т. д.

Наиболее распространенные конфликты — по поводу раздела жилплощади — разворачивались в следующих родственных парах:

- свекровь — невестка;
- сестра — сестра;
- бабушка — внучка;
- мать — сын.

Попытки юридически разрешить конфликты в таких парах порой только усугубляли эти конфликты, разбирательства длились годами, отношения между родственниками окончательно портились. Конфликты в таких парах лучше всего поддаются урегулированию с помощью «мягких» методов (конфликтологическое консультирование, медиация). Они ориентируют родственников на более критическое восприятие собственных интересов и учет позиции противоположной стороны. Медиация способна привести к восстановлению родственных отношений и заключению взаимоприемлемого соглашения сторон [Аллахвердова, 2017, с. 62].

Следующими по частоте встречаемости были конфликты, связанные с отношениями бывших супругов по поводу общения с ребенком и связанного с этим раздела имущества. Часто бывшая супруга препятствовала общению прежнего мужа с ребенком. Конфликты эти, как правило, очень запутанные, многослойные, имели длительную предысторию, выраженную эмоциональную составляющую и требовали привлечения психолога, психотерапевта.

Отдельной спецификой характеризовались конфликты в жилищно-коммунальной сфере (ЖКС).

Причины конфликтных ситуаций в ЖКС:

- непрозрачность счетов за жилищно-коммунальные услуги;
- невыполнение управляющими компаниями своих обязательств перед жителями;
- некачественное обслуживание многоквартирных домов;
- фальсификация протоколов собраний собственников жилья, создание «липовых» ТСЖ;
- сдача в аренду общедомовых помещений без согласия жителей под коммерческие объекты (торговые точки) в домах, что нарушает комфортное проживание жителей, и т. д.

Субъекты конфликтов в ЖКС:

- рядовые граждане — собственники и наниматели квартир (как правило, наиболее слабая сторона взаимодействия);
- управленцы ЖКС (руководство ТСЖ, ЖСК, УК, ресурсоснабжающих организаций);
- контролирующие государственные организации, чиновники различного ранга.

Слабой стороной в конфликтах такого рода, как правило, являются собственники и наниматели квартир — жители муниципалитета. Работа с ними сводилась к созданию у них готовности к диалогу с представителями управляющих компаний и государственных контролирующих организаций, обучению их переговорам и повышению конфликтологической компетентности. Соответствующие конфликтные ситуации характеризуются длительностью протекания, бюрократическим подходом государственных контролирующих организаций к обращениям инициативных групп граждан, дороговизной и длительностью судебной перспективы для рядовых жителей многоквартирного дома, требуют от граждан огромных усилий для удовлетворения их законных интересов и т. д. Контролирующие организации

и управляющие компании стремятся «замять» конфликт, а инициативные граждане склонны к отстаиванию своих интересов порой в излишне эмоциональной форме, при этом они не подготовлены к диалогу с противостоящей стороной (так же как и противоположная сторона не подготовлена к равноправному диалогу с этими гражданами).

Поэтому в этих конфликтах, как и в описанных ранее, приходится работать как с одной, так и с обеими сторонами противостояния. Работа с одной стороной на практике здесь сводится к активизации и повышению адекватности жителей местного сообщества как заказчиков и потребителей жилищно-коммунальных услуг, созданию у них готовности к диалогу с представителями управляющей компании, обучению переговорам и повышению их конфликтологической компетентности. Работа с обеими сторонами такого конфликта может быть реализована посредством проведения круглых столов с участием противостоящих сторон и экспертов; организации и ведения общественных обсуждений; специально организованных согласительных комиссий; переговоров с установкой на сотрудничество; медиации; организации соответствующих групп в социальных сетях; конфликтологического консультирования инициативных групп [Аллахвердова, 2017, с. 102–103].

В отдельную группу выделяются конфликты между соседями в многоквартирных домах по поводу шума, ночного пьянства, ремонта в утреннее или ночное время, споров из-за мест для парковки и т. д. Часть таких конфликтов имеет четкий предмет и реальные основания, а часть возникает, что называется, «на пустом месте», из-за чисто субъективного восприятия ситуации как конфликтной, что и приводит уже к реальному конфликту. В таких случаях «работает» так называемая «теорема Томаса», которая гласит: «Если люди определяют ситуацию как реальные, то они и будут реальными по своим последствиям» [Thomas, 1928, с. 571–572].

Заключение

Жители Санкт-Петербурга включены в большое число конфликтных ситуаций (с родственниками, соседями, коммунальными службами и т. д.), к цивилизованному урегулированию которых они недостаточно подготовлены. Наименее подготовленными к разрешению конфликтов оказываются представители социально уязвимых групп.

В муниципалитетах должны быть созданы программы, ориентированные на цивилизованное разрешение наиболее распространенных коммунально-бытовых конфликтов. Эти программы будут дополнять уже сложившиеся формы работы местной власти с населением, многие из которых уже устарели, не являются эффективными, а только развивают потребительские настроения у населения, прежде всего у социально незащищенных групп — потребителей социальных услуг. В итоге очень скудным и ограниченным представляется и объем оказываемых населению услуг, в том числе и по разрешению многочисленных конфликтов. Но именно конфликтологическая помощь населению сегодня особенно востребована, на нее существует выраженный спрос.

Во всех типах рассматриваемых конфликтов социально уязвимая группа, как правило, представляет слабую сторону. Именно ее представители обращались за консультационной помощью. Сильную сторону и так все устраивает, и она в меньшей степени нуждается в диалоге. Выход на медиацию в противостояниях такого рода, с нашей точки зрения, оказывается возможным лишь при достижении баланса статусов и рангов сторон. Поэтому одной из важнейших задач консультанта в работе с представителями уязвимых групп является поднятие статуса и возможностей слабой стороны (снабжение ее недостающей информацией, помощь в составлении жалоб и обращений, повышение активности и адекватности и т. п.). Только после этого оказывается возможным равноправный диалог сторон и выход на медиацию.

Библиографический список

- Аллахвердова О. В. Переговоры в социальной работе. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2017.
- Иванова Е. Н. Конфликтологическое консультирование. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012.
- Карпенко А. Д., Фролова-Буканова Е. Н. Социальное конфликтологическое консультирование. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
- Thomas W. I., Thomas D. S. *The child in America: Behavior problems and programs*. New York: Knopf, 1928.

References

- Allakhverdova O. V. *Peregovory v sotsial'noy rabote (Negotiations in social work)*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2017. (In Russian)
- Ivanova E. N. *Konfliktologicheskoye konsul'tirovaniye (Conflictological counseling)*. Novosibirsk, NSTU Press, 2012. (In Russian)
- Karpenko A. D., Frolova-Bukanova Ye. N. *Sotsialnoye konfliktologicheskoye konsultirovaniye (Social conflictological counseling)*, St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2006. (In Russian)
- Thomas W. I., Thomas D. S. *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. New York: Knopf Publ., 1928.

GREECE REFORMS ON MEDIATION “THE GREAT EXPECTATIONS”

E. Koltsaki

*PhD in Philosophy, PhD in Law, co-founder and director of Greek Mediation Institute
7, Tsimiski str, 54625, Thessaloniki, Greece.
elena.koltsaki@eklaw.gr*

Abstract: The article discusses the experience of introducing mediation in Greece. Despite the fact that the application of conciliation procedures in this country is based on the European Directive, the history of its development is unique. Not all the norms enshrined in the national legal system, incorporated into Greek law from EU law, have been successfully implemented. Prior to the entry into force of the Directive, no other laws regulating mediation were adopted in the country. During the reform a law is created that provides disciplinary liability for the mediator. The issue of introducing compulsory mediation in certain categories of disputes is being actively discussed. The author talks about the problems encountered in the implementation of the law on mediation, the ongoing reform of the legislation, the procedure for the interaction of judges, government officials and mediators.

Keywords: mediation, mediation in Greece, mediation reforms.

ГРЕЦИЯ РЕФОРМЫ ПО МЕДИАЦИИ «ВЕЛИКИЕ ОЖИДАНИЯ»

E. Кольцаки

*д-р филос. наук, д-р юрид. наук, сооснователь и директор
Некоммерческой организации «Греческий институт медиации»
Греция, 54625, Салоники, Tsimiski str. 7.
elena.koltsaki@eklaw.gr*

Аннотация: В статье рассматривается опыт внедрения медиации в Греции. Несмотря на то что применение примирительных процедур в этой стране основывается на Европейской директиве, история их развития уникальна. Далеко не все закрепленные в национальной правовой системе нормы, инкорпорированные в греческое законодательство из законодательства ЕС, были успешно реализованы. До вступления в силу Директивы никакие другие законы по регулированию медиации в стране не принимались. В ходе реформы создается закон, в котором предусматривается дисциплинарная ответственность для медиатора. Активно обсуждается вопрос внедрения обязательной медиации по некоторым категориям споров. Автор говорит о возникших проблемах при реализации закона о медиации, проводимой реформе законодательства, порядке взаимодействия судей, представителей власти и медиаторов.

Ключевые слова: медиация, медиация в Греции, реформы по медиации.

The legal framework on mediation in Greece is the result of the incorporation of the European Directive 2008/52 on certain aspects of mediation in civil and commercial disputes¹. Although there were many processes for out of court settlement provided in the national legal system for years, no previous law was ever in place to regulate mediation as an alternative dispute resolution method before the European Directive on Mediation of 2008 came into force. Greece fulfilled its obligation to transpose

¹ Directive 2012/19/EU of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2008:136:0003:0008:En:PDF> (accessed: 21.08.2020).

it into its national legal system in time (first law was passed in late 2010)² and provided for the same law to apply also to national disputes, despite the fact that the directive's scope was primarily restricted to harmonize European legislation on mediation of cross border civil and commercial disputes³.

Unfortunately, as it will be shown later, Greece ranks among the countries that confined themselves in transposing “the minimum possible” of the Directive's requirements, demonstrating, thereby, a “conservative” approach, if not some apparent reluctance, to achieve the Directive's objectives, namely the facilitation of access to alternative dispute resolution and the promotion of the amicable settlement of disputes through the encouragement of the use of mediation and the assurance of a balanced relationship between mediation and judicial proceedings⁴.

Following the implementation of the Directive in the various Members States, mediation has been seen by the European Institutions to have marked considerable progress at the European Union level⁵. Still, statistics⁶ demonstrate that the number of cases referred to or resolved through mediation in almost all EU countries is too low [de Palo, D'Urso, 2016] while certain difficulties exist in relation to the functioning of the national mediation systems in practice, mainly related to the adversarial tradition and the lack of a mediation culture in the Member States, the low level of awareness of mediation in the majority of Member States, insufficient knowledge of how to deal with cross-border cases, and the functioning of the quality control mechanisms for mediators⁷.

On the other hand, the “Required Initial Mediation Session” seems to be the only effective and proven model (“Italian model”) that generates mediations and the one that can achieve a “balanced relationship” and also comply with the right of access to justice. As a matter of fact, the question may not lie in “if” we need to introduce mandatory mediation, but “how” we should introduce it, that is what should be the level of “mandatoriness”, in which disputes, which sanctions and incentives, which fees, who should administer the mediations, etc. [D'Urso, 2018].

As previously mentioned, Greece is among those countries that opted for the minimum possible transposition of the requirements of the European Directive. Discharging its national obligation and legislating at the borderline of the minimum requirements of the Directive had, as a result, produced a law that never actually worked. The tradeoff between law makers and lawyers for the mandatory presence of advocates in the mediation process in the fruitless, as it proved, hope that the legal community will favor mediation over adversary judicial proceedings not only failed but may have even deterred disputants to use mediation as it simply increased its cost, especially in low value disputes. The right of a court judge to mandate and not simply to suggest mediation to litigants and other bold provisions were rejected from the outset.

Between 2010–2017, there were some developments worth mentioning. In 2013, the New Code of Conduct for Lawyers provided for an obligation to inform their clients on ADR processes. In addition, six not-for-profit mediation training institutes (public bodies) licensed by the Greek Ministry of Justice

² Law 3898/2010, Greek Government Gazette, Series I, No 211, 16.12.2010. Deadline for transposition was May 21, 2011.

³ See EU Dir under (8) “The provisions of this Directive should apply only to mediation in cross-border disputes, but nothing should prevent Member States from applying such provisions also to internal mediation processes”.

⁴ Art. 1 of EU Dir 2008/52.

⁵ REPORT FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL AND THE EUROPEAN ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE on the application of Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council on certain aspects of mediation in civil and commercial matters. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1569773418711&uri=CELEX:52016DC0542> (accessed: 21.08.2020).

⁶ “Rebooting’ the Mediation Directive: Assessing the Limited Impact of its Implementation and Proposing Measures to Increase the Number of Mediations in the EU”, Study (2014). URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2014/493042/IPOL-JURI_ET\(2014\)493042_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2014/493042/IPOL-JURI_ET(2014)493042_EN.pdf) (accessed: 21.08.2020).

⁷ As noted in the main conclusions of the Report on the implementation of Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters (the “Mediation Directive”) (June 2017). URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2017-0238_EN.html?redirect (accessed: 21.08.2020).

were established and almost 1800 mediators were trained and accredited. Moreover, a body sitting at the Ministry of Justice called “Mediators’ Accreditation Committee” was set up and was entrusted with the supervision of mediation practice. Finally, mediation was promoted by numerous events and conferences, both national and international, as well as by not-for-profit entities on mediation which were also developed. Despite all the above, the dynamic of these initiatives was not as forceful as was needed for a proper promotion and use of mediation.

A study from the Association of Greek Mediators (AGM-SEDI) was conducted in 2017⁸ and it is thus far one of the most credible surveys regarding mediation in Greece. Survey was titled “Evaluation & Perspectives of Mediation in Greece” and it was completed by mediators registered in the Mediator’s List of the Greek Ministry of Justice.

Study revealed that 424 out from the total number of 487 mediators registered with the Ministry of Justice, who responded to the survey, indicated that since their accreditation by the Ministry of Justice they had not resolved any dispute through mediation. Moreover, 57 mediators stated that since their accreditation they had resolved between 1 and 7 disputes and it was 2 mediators that indicated they have successfully conducted 10 mediations. Based on their experience, only 8.2% of the Greek judges they have encountered in their cases proposed mediation to the litigants, 57.3% were not aware of mediation. Disappointingly, 14.6% of the judges are hostile to the idea of mediation, according to the participants. In addition, only 1 person completing the survey is fully satisfied with the way mediation was promoted in Greece. Most participants expressed that they are either not at all satisfied with the way it was introduced. The respondents also expressed that the most probable reason why mediation was not accepted when firstly proposed in Greece, was because lawyers rejected it (45.6%) while 23.5% believe that concerning parties rejected it. 10.8% felt like there were other reasons. Regarding law 3898/2010 and its responsibility for the limited use of mediation, there were many differentiated answers; 16.4% felt like this particular law was fully responsible, whereas 30.6% of the participants believe that it was fairly responsible. A percentage of almost 28% believed that it was not so much or not at all responsible for the limited results of mediation in Greece. Finally, 64.6% believe that mediation should be mandatory in certain categories of disputes and only 2.9% expressed that it should not at all be mandatory. Regretfully, the number of commercial mediations in Greece is disappointing low. However, a fine distinction should be made between lack of cases and lack of success.

The disappointingly limited use of mediation during these years made it obvious that something could have been done better. The Law Drafting Committee that was set up by the Greek Ministry of Justice in late 2016 was for that reason mandated to work on several levels. Apart from the need to have a unification of the existing “scattered” legal texts and the creation of a concise “Code of Mediation” that would enhance the use of mediation through the strengthening of the profession of mediators, the quality criteria on the training and the accreditation process of mediators, the new Law Drafting Committee was asked to address the need for collection of statistical data⁹ but most importantly, explore the possibility of introducing mandatory mediation into the national legal system.

Finally, in 2018, after eight years of having a mediation law, that obviously did not work, the time matured to make a law reform that would also introduce for the first time mandatory mediation. Currently, the existing legal framework in civil and commercial matters in Greece is foreseen by Law

⁸ The Association of Greek Mediators (sedi.gr) was founded in 2014 and is a lawfully registered association at the Court of First Instance of the city of Thessaloniki. More on the survey can be found on <http://sedi.gr/index.php/el/news-el/initiative-el/76-apotelesmata-tis-erevnas-tou-sedi-gia-ti-diamesolavisi> (in Greek) (accessed at 20.05.2015).

⁹ Lack of data seems to reflect also the harsh reality of the lack of mediations that were reported before the introduction of the new law in early 2018. On the note of the importance of statistics, various data show that 1580 days are needed on average for a case to be resolved in court. Furthermore, the number of pending cases in Courts of First Instance and Courts of Appeal: 250,000 (150,000 in Athens). The number of decisions issued: 167,000/year (70,000 in Athens and there is a total No. of 3000 judges. The number of cases settled through mediation in 5 years: 316 (judicial mediation — settlements filed by CFI). Unfortunately, there are no official statistical data regarding the number of mediations conducted in Greece, neither on a yearly basis nor in total that means since the introduction of the first law on mediation in Greece that came into force in 2010.

4512/2018 (in particular Chapter B, articles 178–206) on Arrangements for the Implementation of the Structural Reforms of the Economic Adjustment Programmes and Other Provisions (Published on the Greek Government Gazette in January 17, 2018 and in force since that date)¹⁰. The new law which replaced all previous legal provisions on mediation (Law 3898/2010¹¹, Presidential Decree 121/2011 and several ministerial decisions) reflects the ambition for all past legislation to be codified in one single and concise legal text (art. 178–206) and is the result of an initiative to utterly reform the institutional framework of mediation and effectively enhance its use by the parties. Along with giving mediation greater prominence in the Greek legal system, one of the biggest challenges the law also aimed to address is undoubtedly the huge backlog and problems in the Greek courts' system.

The new Law 4512/2018, as compared with the previously existing legal framework, has introduced several novelties¹². As opposed to the mediation law that was passed back in 2010 and provided only for voluntary mediation, Law 4512/2018 now foresees for both voluntary and compulsory mediation, which stands among its most prominent and breakthrough changes¹³. As specifically stated in its Explanatory Memorandum, Law 4512/2018 “...marks a milestone on the road towards a balanced promotion of a comprehensive justice system which can be expeditious, cost effective and in line with the international and European goals for better access to justice”¹⁴.

The successful Italian mediation model has been, without a doubt, the inspiration of the new mediation law in Greece. Still several differences can be spotted. As a rule, the law provides that all private civil and commercial disputes, both domestic and cross-border, existing or future, can be subject to mediation, after a written agreement has been signed by the interested parties, provided the parties have the power to dispose of the object of the dispute (authority to settle), in accordance with the provisions of substantive law. However, in certain types of disputes, more specifically a) landlord — condominium cases, b) road traffic accident cases unless the harmful event resulted in death or personal injury, c) professional fees/remuneration, d) certain family law matters and disputes, e) medical liability cases related to malpractice and negligence, f) disputes arising out of industrial property rights (trademarks, patents, designs), and g) stock exchange transactions, the law (art. 182) provides, upon the penalty of inadmissibility of the hearing of the case in the court¹⁵, for a required first mediation meeting to take place. In the above-mentioned categories of cases, a request for mediation by a party should be filed and within 15 days an initial mediation meeting where the parties and the lawyers see a mediator should be held. Following this meeting, parties are free to decide whether they wish to proceed with a full mediation or not.

Other reforms of the 2018 mediation law include a revised Code of Conduct for the Mediators and a new, more strict, disciplinary law. Moreover, new provisions on mediation training raise its minimum duration to 80 hours (from 40) and the creation of a Central Mediation Committee, consisting of 15 members (5 judges) is introduced. The importance of statistics is underlined by the imposition of an obligation for an annual report of mediations to be submitted by all registered mediators¹⁶.

¹⁰ Law 4512/2018, Greek Government Gazette. URL: <https://wipolex.wipo.int/en/legislation/details/17737> (accessed: 28.08.2020).

¹¹ Greek Government Gazette, Series I, No 211, 16.12.2010.

¹² Introduction of mandatory mediation, reform of the training system and accreditation system, the setting up of a Central Mediation Committee, collection of statistical data, etc.

¹³ According to the European Commission the new Greek legal framework on out of court mediation in 2018 “was thoroughly overhauled including the introduction of compulsory mediation in some types of disputes”. See EC Enhanced Surveillance Report (2018), page 52. URL: <https://www.oe-e.gr/wp-content/uploads/2018/11/WebPage-3.pdf> (accessed: 21.08.2020).

¹⁴ Explanatory Memorandum, page 68 seq. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/UserFiles/2f026f42-950c-4efc-b950-340c4fb76a24/r-dimetr-eisig-synolo2.pdf> (in Greek) (accessed: 21.08.2020).

¹⁵ As opposed to the Italian model which foresees the initial mediation meeting to take place prior to the initiation of legal proceedings.

¹⁶ It was not until mid-July 2019 that, following the application of the relevant provision of the new law (art. 197), mediators were asked to fill in a spreadsheet (Anonymous Annual Report on Mediation Activity) in order for the Greek authorities to be able to collect statistical data on mediation that relate to the period from January 1 to December 31,

Whereas all provisions of the law came into force as of the date of its publication, which was in January 2018, the application of Article 182 that provides for compulsory mediation has been repeatedly suspended, currently until November 30, 2019¹⁷. There was a lot of criticism that came about against the aforementioned Greek mandatory mediation model which included the “questionable” role of the Mediation Central Committee, the types of cases (consistency, link to mediation specifics, last minute changes in the draft and lobbying by “stakeholders”) and, finally, the costs associated with the mandatory mediation process. In addition to this criticism, there was a fierce reaction by lawyers and judges against the newly introduced mandatory nature of mediation.

As one can read repeatedly in almost all press releases of the Association of Greek Mediators¹⁸, the disappointingly low number (less than a couple of hundreds) of mediations during a period of almost 8 years (2010–2018), revealed that “during all these years, stakeholders appear to be enthusiastic and willing to endorse and promote mediation, as long as mediations don’t happen”. Such statements came as the response to the fierce and negative reaction of the legal community¹⁹ and in particular bar associations²⁰ against the introduction of any form of mandatory mediation, who stood up against it when voted in January 2018, while at the same time kept stressing how supportive of mediation they all have been in the past and still are.

It was actually the Plenary of Presidents of Greek Bar Associations acting as the coordinating body of all Greek Bar Associations in its capacity as the highest representative body of all Greek lawyers that, soon after the passing of Law 4512/2018, filed a request to the Supreme Court (Areios Pagos) to issue an opinion on whether mandatory mediation, as enacted by the said law, would violate the right of free access to justice and would, therefore, be seen as unconstitutional and contrary to the European Law.

As a result of this filing, a narrow yet determining majority of high court judges who attended the hearing in June 2018 (21 against 17 votes) did prevail, and opined²¹ that the law, in the way its specifics regarding the process of mandatory mediation were drafted, does violate the right of free access to justice, to the extent that it imposes expenses on parties that can be considered excessive, “...especially according to Greece’s current social and financial standards”²². The hypothetical scenario which was supported by the disputants of mediation was that, should the mediation attempt failed, parties would have suffered “unnecessary” costs, which basically would translate to the mediation process posing an obstacle to their right to free access to justice²³. As reasonably

2018. All registered mediators were under the obligation to provide information on the number of mediations that were conducted/or were initiated during the year 2018 and are still pending, success rates on those cases, including information on full or partial agreements, the subject matters of the cases that were brought to mediation (family, banking, b2b, etc.), the duration of the mediation process and the type of the referral to mediation. As this data collection process is currently ongoing, there has been no official record or publication of any outcome so far.

¹⁷ Later amended to come in force on September 16, 2019 by Law 4566/2018, then again to become effective on November 30, 2019 by Law 4626/2019 (passed on 16.09.2019).

¹⁸ Press releases by the Association of Greek Mediators can be found on <http://sedi.gr/index.php/el/news-el/new-el> (in Greek).

¹⁹ Judge’s union also opposed to the new provisions of the law introducing mandatory mediation. One can reasonably argue, though, that judges’ negative reaction stems rather from a fear of loss of power and less from any constitutionality-context arguments, as they strongly advocate for mandatory judicial mediation. Full text on their proposal: <http://ende.gr/προταση-τησ-ε-δ-ε-για-την-δικαστικη-μεσ/> (in Greek) (accessed: 21.08.2020).

²⁰ Press releases by the Bar Associations can be found on Plenary Session of Greek Bars portal <https://portal.olomeleia.gr/en> and <http://www.dsa.gr/δελτία-τύπου?page=1> (in Greek) (accessed: 21.08.2020).

²¹ Full text of Supreme Court’s Opinion 34/2018, which counts 101 pages, can be found here: <https://www.dsc.gr/portal/index.php/χρήσιμα-αρχεία/346-η-αποφαση-τησ-διοικητικησ-ολομελειασ-του-αρειου-παγου-για-την-υποχρεωτικη-διαμεσολαβηση/file.html> (in Greek) (accessed: 21.08.2020).

²² Referring to the country’s prolonged financial crisis.

²³ Page 89 of the Opinion “...articles... of this law violate also European law to the extent that national legislation on mandatory mediation is compatible with EU law only if it stipulates amongst others that sine qua non a) the process entails no (or very limited) cost and b) the presence of the lawyer is not mandatory”. A more attentive reading of this reasoning, though, could reveal that if costs were to be revisited and reduced, such a violation could no longer be argued.

expected²⁴ and despite the fact that the Opinion of the Supreme Court, who acts as an advisory body maintains a consultative character, Greek government opted in October 2018²⁵ to prolong the suspension of the application of art. 182 for mandatory mediation for another year — that was until September 16, 2019²⁶. This amendment was expected to give some valuable time to all stakeholders to consult again and agree on the necessary improvements to the said provision that would eventually align with the reasoning of the Supreme Court's Opinion.

The Ministry of Justice managed only momentarily to outlive a revolution of the “establishment” and, as expected, gradually retreated under more pressure that it was willing to afford. The mandatory element that was contested as unconstitutional on the grounds of obstructing access to justice through extra costs was marginally sent, again, for reform.

Mediation law, until today, remains on the spotlight and still appears to be a very controversial issue. There is little doubt, though, that mandatory mediation has been unduly over-postponed and several justifiably fear that the law may run the risk of being overly scanned with a legalistic approach endangering its flexibility and effectiveness.

There are undoubtedly “*Great Expectations*” from the proper and effective implementation of the new mediation law but it takes more than “just a law” to make mediation happen. It requires a solid, well-structured and comprehensive legal framework as well as public support for a mediation culture based on a friendly resolution of disputes. In a Dickensian way of speaking one might say that mediation in Greece “has been bent and broken” but it's high time that it transforms “to a better shape”, not only because there is a pressing need to alleviate the overburdened court system but also because individuals and businesses should be enabled to resolve their disputes in a quickly and cost effective manner. A balanced relationship between judicial proceedings and mediation will ensure better access to justice along with economic growth.

References

- De Palo G., D'Urso L. Achieving a balanced relationship between mediation and judicial proceedings. *The implementation of the Mediation Directive*, 29 November 2016. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2016/571395/IPOL_IDA\(2016\)571395_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2016/571395/IPOL_IDA(2016)571395_EN.pdf) (accessed: 21.08.2020).
- D'Urso L. Italy's 'Required Initial Mediation Session': Bridging The Gap between Mandatory and Voluntary Mediation. *Alternatives to the High Cost of Litigation*, vol 36, no. 4, April 2018. URL: <https://www.adrcenterfordevelopment.com/wp-content/uploads/2018/07/Italys-Required-Initial-Mediation-Session-by-Leonardo-DUrso.pdf> (accessed: 21.08.2020).

²⁴ Yet, not much to the satisfaction of the European Commission. See “Enhanced Surveillance Report” (2018) <https://www.oe-e.gr/wp-content/uploads/2018/11/WebPage-3.pdf> page 52, where the European Commission expresses its concerns by indicating that the postponement adopted by the Greek authorities from mid-October 2018 to mid-September 2019 “seems unduly long” and the issues identified in the Supreme Court's opinion should be addressed within a significantly shorter time span “so as to allow for the availability of the full spectrum of mediation options to the public as soon as possible”.

²⁵ Art. 19 Law 4566/2018 (Government Gazette A 175/2018).

²⁶ Which was recently prolonged again to November 30, 2019.

MEDIATION AS AN ALTERNATIVE SOCIAL LAW SOLUTION TO SOCIAL CONFLICTS AND ITS APPLICATION IN SOCIAL PRACTICE

E. Kováč

Chairman

The Association of Mediators of Slovakia.

Abstract: This article highlights various alternatives to resolving social conflicts through mediation and its application in social practice. Resolution in such cases involves the out-of-court settlement of persistent conflicts involving family law, civil law, commercial law and employment law matters. Mediation is a form of alternative dispute resolution that may also be used to resolve social conflicts and applied within social work.

Keywords: mediation, mediator, participants, conflict, dispute, communication, social work, social worker.

МЕДИАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНОЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Э. Ковач

Председатель Ассоциации медиаторов Словакии.

Аннотация: В данной статье освещаются различные альтернативы разрешению социальных конфликтов с помощью медиации и ее применение в социальной практике. Разрешение в таких случаях предполагает внесудебное урегулирование постоянных конфликтов, касающихся вопросов семейного, гражданского, коммерческого и трудового права. Медиация — это форма альтернативного разрешения споров, которая также может использоваться для разрешения социальных конфликтов и применяться в социальной работе.

Ключевые слова: медиация, медиатор, участники, конфликт, спор, коммуникация, социальная работа, социальный работник.

Mediation

Mediation as an alternative form of dispute resolution provides the space necessary to reach an agreement if the participants are accepting and have interest in resolving their dispute through mediation. They also must accept the individual mediator. Participation in mediation is a voluntary decision based on mutual respect. It is also necessary to remember the participants, in addition to the mediator, are bound to confidentiality as stipulated in Act No. 420/2004 Coll. on Mediation and on amendment of certain acts, as amended. Specifically, Article I. § 5 stipulates: “The mediator, persons participating in mediation and other natural persons invited into the process by the mediator or a party participating in mediation are obliged, unless the parties agree otherwise, to maintain confidentiality with respect to all information they learn of in connection with mediation; this has no prejudice on the provisions of a specific regulation.”

The word “mediation” is from the Latin word “*medius*”, which may be translated as an impartial intermediary.

Legislators in the above-cited Act on Mediation in § 2 stipulate that “Mediation is an out-of-court activity in which the parties participating in mediation use a mediator to resolve a dispute based on their contractual or other legal relationship.”

Authors define mediation as conflict resolution employing a third party. Duffy, Grosch and Olczak define mediation as “the intervention of a neutral third party to help them resolve their conflict [Duffy, Grosch, Olczak, 1991, p.22]. Bednařík [Bednařík, 2003] goes further stating that mediators take up the position of an impartial and independent party that helps the parties identify their needs to resolve the conflict and to encourage them to identify solutions that will be acceptable for both participating parties. Of course, there are many more ways to define mediation.

Vanková provides four points to summarise how mediation is of assistance within civil law:

- it reduces barriers to communication between the parties to a dispute;
- it creates the opportunity to identify and examine alternative solutions;
- it considers the needs of all parties engaged in the dispute;
- it provides a model for resolving conflicts going forward [Vanková, 2018, p. 25].

What kinds of disputes are suited to mediation?

Relying strictly on the bounds of the Act on Mediation, a mediator is most often called upon to resolve disputes related to family relationships. The participants are often spouses, partners and children. Children hold an interesting position within the mediation process. Should a child be a participant in the mediation process? What impact will it have on their emotional, moral and overall development given that the mediator works with emotions in the mediation process? Experts differ in their opinions on this matter. After all, mediation is a more cultivated way to resolve conflicts. One of the aspects is the manner and place in which mediation takes place. The courtroom may be more traumatising for a child. A child is a part of a family and belongs to that family and when parents engage in mediation, often that child is intertwined in the parents’ conflicts, quarrels and their emotions. It is not appropriate to simply close one’s eyes and overlook this fact. Unfortunately, children often feel like a hostage or an ally of one of their parents. A child, due to their age, may simply be unable to understand or properly judge consequences. This fact is further evidence that children belong in mediation. However, consideration must still be given to their age and maturity with respect to their level of perception of the conflict. So yes, they should be involved, but only in cases that involve themselves or their family. It is necessary to focus on the fact that parents remain parents for children, even if they are separating and going their separate ways based on their own expectations for the future. Kováč — Kováčová provide an interesting perspective adding that “...it simply involves decoupling of their relationship from their parenting” [Kováč, Kováčová, 2014, p. 139]. The walls of a house, or furnishing a children’s room with the latest technology, are no substitute for care and responsibility for a child. However, mediation is certainly not appropriate in situations where a child could suffer any kind of injury or harm. A good example would be where mediation deals with issues such as unfaithfulness or extramarital activities. It would be inappropriate for a child to participate in mediation in such instances.

Disputes related to the divorce or the break-up of partners are among the most common familial disputes handled in family mediation. Other disputes involve child support and alimony. Another category involves cohabiting spouses or partners.

A separate area of disputes are civil law disputes. Civil mediation most often deals with conflicts between neighbours or the settlement of indivisible or divisible marital property. Mediation is often used to resolve inheritance disputes as well as ownership and co-ownership matters.

Mediators also resolve commercial disputes that arise under commercial contracts. They most often resolve conflicts that arise between suppliers and customers. Commercial companies interested in continuing their cooperation often turn to mediation for resolution. Other commercial companies looking forward to cooperation with other companies in the future also use mediation so that a new business partner does not discover that such company is involved in an active lawsuit in corresponding registers or on websites online, which could damage their mutual trust and even threaten their potential collaboration.

A separate chapter of disputes resolved by mediators are employment disputes. It is no secret that disputes are almost a daily occurrence at the workplace and in teams. This may ultimately have a negative impact on results or interfere with continuity within the team, and inter-personal and intra personal conflicts. Conflicts between employees and between an employee and their supervisor dominate within employment matters. Conflicts may occur through disagreements between trade union organisations and employees or based on the duties and commitments made in collective bargaining agreements. Conflicts stemming from collective bargaining agreements may be resolved through an intermediary or an arbiter as specified in the Act on Collective Bargaining [Act No. 2/1991 Coll. and on amendment of certain acts]. Disputes may also result from the termination of employment.

Mediator

Given the clear definition and explanation of mediation and its basis in Slovak law, the next step is to examine who is a mediator. Specifically, the prerequisites and requirements that are placed on the mediator. Again, legislators clearly define the mediator in the cited Act on Mediation, and Article I. § 3 states: “A mediator under this law may be any natural person registered in the register of mediators on whom the parties participating in mediation agree and with whom the parties participating in mediation conclude an agreement to commence mediation under § 14 (1)”. Every such agreement to commence mediation must be completed in writing and must be labelled with the sequential number in the mediation log maintained by the mediator under the Act on Mediation. The mediator is obliged to maintain a mediation log in paper and electronic form over the duration of the mediator’s registration in the List of Mediators maintained by the Ministry of Justice of the Slovak Republic. Such mediation log must be maintained for a period of 5 years if the mediator is removed from this list of mediators for any reason.

In addition to communication skills and empathy, mediators commit to comply with the mediator’s code of ethics, which, as Kováč writes, “...the mediator’s code of ethics is the cornerstone of rules governing the mediator’s conduct” [Kováč, 2010, p. 12].

What are the effects of a mediation agreement?

Every agreement that results from mediation must be completed in writing and is binding for the parties participating in mediation. Such agreement as a result of the mediation process may then be followed by a petition from the participants for legal enforcement of the decision or a petition to commence execution proceedings. For such purposes, the agreement must be completed in the form of minutes certified by a notary and approved as a settlement in front of a court or arbitration authority [Act on Mediation, § 15].

The process by which the participants reach such agreement is often full of emotions and pitfalls, where both parties confront each other and argue their demands. Therefore, the agreement must be clear and transparent for both parties. The agreement is concluded voluntarily and not under pressure or duress. The mediator shall continue assure the parties once the agreement is reached and offer praise for the steps they took to reach it. Of course, the mediator shall also call on the parties to abide by the agreement in addition to such assurances. Therefore, it is recommended that mediators verify the decision reached by the parties after some time has passed and encourage them to abide by the agreement that they committed to fulfil. It may then be said that a good agreement crafted by the participants is one that both parties fulfil, even once some time has passed. Mediation practice has shown that an agreement is not always reached and for a variety of reasons. An example may be two sisters who come together through mediation in order to reach a solution concerning some real estate with the mediator. The conflict between them has been going on for years, which has resulted in very confrontational communication between them, full of emotion, and with very chilly family and social ties

between them. Given the fact that mediation concerned a very expensive piece of real estate and both parties were interested in the property, no agreement was reached, even after several sessions. Of note was that both took a positive impression from the meeting after so many years of arguments and not communicating with one another. While mediation did not produce an agreement, they both agreed that at least they had finally talked and openly clarified certain events in their lives and reached a verbal agreement to take the official steps necessary to resolve some of the unresolved matters between them. This is also an image of a cultured way of resolving conflicts. Therefore, it is right if the mediator, together with the parties to the dispute, is able to work to identify the real interests behind the proclaimed positions of the parties involved. They seek to uncover what is behind the arguments and demands of both parties. They guide and nudge them within conflicts to find what connects them in terms of objectives, values and principles. The best strategy is to highlight common ground on which they can agree to use as a springboard.

Social law aspects

Abroad, there are instances where mediation has been labelled as one of the forms of alternative dispute resolution (ADR) for resolving matters outside of the courts. It is focused, in this case, on commercial and civil law. A neutral third party is engaged in this process within negotiations to try and reach an agreement. This neutral third party has no relation to the disputing parties.

Holá [Holá, 2003] defines space to differentiate the mediation process. Mediation may therefore be understood as a method for resolving peoples' problems, where a conflict is understood as a problem and mediation can help the participants resolve their issues. Mediation in the form of assistance is focused on the abilities of the participants to resolve a conflict.

Mediation as a "form of social control and prevention" is understood at a society-wide level as a form of assistance via which "...society responds to the occurrence, development and negative consequences of conflicts" [Holá, 2003, p. 54]. A conflict within this context may be understood as a family conflict, a conflict occurring in an educational environment or a conflict at the workplace. Certain definitions tend to emphasise the negotiating process, others the role of the mediator.

Emphasis may be placed on another aspect, for instance when spouses or ex-spouses have the opportunity within the mediation process to sift through various solutions to their dispute via brainstorming and in the presence of a mediator, who is responsible for moving the process along, facilitating and pushing the process towards a cooperative resolution. The principle of mediation is not to identify who is at fault; rather it seeks to identify a solution and to create the space necessary for communication that is directed towards the future. The mediator's efforts are focused on ensuring that the resolution reached at the end is a win-win for both parties engaged in mediation. The disputing parties within mediation seek to achieve the highest possible personal gain, but the essential benefit in terms of mediation is that the other party must also generate the highest possible gain or profit, and that can only occur in a mutually acceptable mediation agreement, which can then be accepted by both participants. Only then can mediation be referred to as an informal, structured conflict resolution process. As noted in the beginning, the essence of mediation is based on facilitating a resolution to a dispute through the involvement of an unbiased third party. The non-binding nature of the process is because if participants agree to participate in mediation, it does not necessarily mean that they agree with a concrete outcome. The option to leave mediation remains open if any of the participants is not pleased with mediation or no longer agrees to it. Only the outcome of mediation is binding as the mediated agreement is binding for the participants in the same way as under any other concluded agreement or contract. The mediator does not interfere with the decision-making process and is only concerned with balancing communication so that each side has the opportunity to respond to the issue at hand and to gain as much information as necessary to reach the correct decision.

Mediation and social work

Social work has many professional definitions available from a variety of sources. The most precise definition of social work says that it is "...a specific professional activity directed towards improving the mutual adaptation of individuals, families, groups and the social environment in which they live, and the development of self-esteem and personal responsibility, using the resources of personal abilities, human relationships and the resources provided by society. It is an activity for the benefit of the client (individual, family, group, community), which can be characterized by the terms assistance, support, accompaniment" [Schavel, Oláh, Derevjaníkova, 2006, p.9].

Mediation and social work share common traits. Social work as a professional discipline has a multidimensional character based on knowledge of psychology, sociology, philosophy, ethics, pedagogy, medical, legal and economic sciences. [Strieženec, 1999, p.161]. It may also be said that social work has a broader scope of application. Social work is an entire sector and mediation is a method. Nečasová writes that mediation is considered a problem-solving method. It therefore belongs directly in the theoretical basis of social work. This is a method that places demands on mastery of communication techniques and their use within the theory of conflict and negotiations" [Nečasová, 2005, p.35].

Social work provides space for mediation, whether involving work with individuals, families or family members, divorce, child custody, etc. In social work with families, disputes may also be resolved in the rehabilitation of a biological family and in the cooperative functioning of a foster family and in modifying relations between children and parents and vice versa.

There are numerous approaches to resolving family disputes in mediation and social conflicts. The mediator in legal mediation functions as the protector of minor children. In therapeutic mediation, the mediator assists the participants to analyse and resolve their emotions resulting from problems in the family. Therapeutic mediation is more recommended where conflicts between parents are very heated and in which the intervention of a mediator is necessary to protect the interests of a weaker party, either one of the partners or their child (or children). Transformational mediation is a transformational approach for participants to resolve family conflicts and to make a change to the model of their family life going forward based on recognition of their parental responsibilities and the interests and needs of family members. It may be said that mediation in family disputes is the most widespread and most widely used within social work.

Social work focuses on work with groups, in addition to individuals. Mediation may be provided to formal and informal groups between one another or between individuals and a group. Examples of conflicts suitable for mediation include work with a group, such as conflicts at school, conflicts at work, etc.

Social work involves working with the community, and therefore mediation is used to improve mutual coexistence. It is most often used to resolve neighbourly disputes, other disputes between citizens, disputes involving citizens and various organisations, etc.

It may then be said that the use of mediation as an alternative form of dispute resolution may be used to resolve nearly all conflicts that occur in social work.

Conclusion

Mediation as a method has its place in social work. The use of mediation depends on the preparedness and soundness of the social worker to effectively apply mediation in working with clients. Social workers educate clients and present forms of mediation and its outcomes, agreements, which may give them harmony and deliver a different quality of life to their shared existence.

References

- Bednařík A. *Riešenie konfliktov. Príručka pre pedagógov a pracovníkov s mládežou*. Bratislava, Centrum prevencie a riešenia konfliktov, 2003.
- Duffy K. G., Grosch J. W., Olczak P. V. *Community mediation. A Handbook for Practitioners and Researchers*. New York, The Guilford Press Publ., 1991.
- Holá L. *Mediace. Spůsob řešení mezilidských konfliktů*. Prague, Grada Publishing, a. s, 2003.
- Kováč E. Etický kódex mediátora. *Súčasnosť a perspektívy probácie a mediácie. Medzinárodná vedecká konferencia*. Prešov, Prešovská univerzita Press, 2010,
- Kováč J., Kováčová M. Mediácia a rodina. *Aktuálne výzvy a perspektívy v mediácii*. Bratislava, Asociácia mediátorov Slovenska, 2014.
- Nečasová M. Mediace sa učí na školách a praktikuje v občanském poradenství. *Sociálna práca*, 2005, no. 4, pp. 32–36. Brno, Asociace vzdělavatelů v sociální práci.
- Schavel M., Oláh M., Derevjaničková Š. *Sociálna práca vo verejnej správe*. Trnava, Trnavská univerzita Press, 2006.
- Strieženec Š. *Slovník sociálního pracovníka*. Trnava, AD, 1999.
- Vanková K. *Mediácia v civilnom práve v službách človeka*. Nitra, OZ SPONKA, 2018.

АЛГОРИТМ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ РОБОТОВ

Н. М. Лаврова

Руководитель комитета по медиации

*Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига
Российская Федерация, 119002, Москва, ул. Арбат, 20 корп. 1.*

В. В. Лавров

д-р биол. наук, медиатор, системный консультант,

преподаватель в Институте практической психологии «ИМАТОН»

Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, 10-я линия В. О., 59.

Н. В. Лавров

*канд. мед. наук, доцент ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический
медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации*

Российская Федерация, 194100, Санкт-Петербург, ул. Литовская, 2.

vasilylavrov@yandex.ru

Аннотация: Вопрос о принципах принятия решений в неопределенной и противоречивой ситуации составляет главную проблему медиации. Именно этот вопрос определяет отличие систем искусственного интеллекта в суде и в медиации. Результаты наблюдений в процессе медиативных сессий показали, что спорные стороны преодолевали неопределенность и принимали согласованные решения, руководствуясь тремя стратегиями. Первая стратегия (конкретизированная) характеризовалась накоплением сведений, обеспечивающих полное представление о причинах и последствиях конфликта, а также преимуществах урегулирования конфликта. Вторая стратегия (поисковая) ограничивалась рассмотрением пользы, обеспечиваемой примирением. Третья стратегия (креативная, образная) основывалась на выяснении перспективы взаимоотношений спорных сторон после примирения. Третья стратегия была наиболее эффективной и обеспечивала разрешение конфликта с наименьшими интеллектуальными, эмоциональными и временными затратами. Применение методов стресс-менеджмента облегчало поиск согласованного решения, потому что снижалось эмоциональное напряжение, угнетавшее интеллект. Визуализация отражала мнения спорных сторон относительно обстоятельств конфликта, помогала формулировать варианты урегулирования и свидетельствовала о стратегии принимаемого решения. Выявленные обстоятельства распределялись в матрице в соответствии с их значением для развития конфликта. Сопоставление матриц указывало на общность и расхождение мнений спорных сторон. Обозначенные стратегии спорных сторон и общность мнений являлись ориентиром для формулирования алгоритма медиации. В случае когда преобладала первая стратегия принятия решений, медиация основывалась на подробном выявлении обстоятельств конфликта, во втором случае — на демонстрации пользы примирения и в третьем — на рассмотрении преимуществ восстановленного сотрудничества. Предполагается, что действия в соответствии с алгоритмом будут контролироваться социальным роботом, выступающим в роли ассистента медиатора.

Ключевые слова: медиация, стратегия принимаемых решений, структура конфликта, матрица, визуализация, социальный робот.

ALGORITHM FOR RESOLVING CONFLICTS WITH THE USAGE OF SOCIAL ROBOTS

N. V. Lavrova

*Head of the Committee on mediation
All-Russian professional psychotherapeutic league
20 bldg. 1, Arbat str., Moscow, 119002, Russian Federation.*

V. V. Lavrov

*PhD in Biological Sciences, mediator, systems consultant,
lecturer at the Institute of Practical Psychology "IMATON"
59, 10th line of Vasilievsky Island, St. Petersburg, 199178, Russian Federation.*

N. V. Lavrov

*Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the St. Petersburg State
Pediatric Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation
2, Litovskaya street, St. Petersburg, 194100, Russian Federation.
vasilylavrov@yandex.ru*

Abstract: The question of decision-making principles in an uncertain and contradictory situation is the main problem of mediation. It is this question that determines the difference between artificial intelligence systems in court and in mediation. The results of the observations during the meditation sessions had showed that the disputable parties overcame uncertainty and made agreed decisions, guided by three strategies. The first strategy (specified) was characterized by the accumulation of information, providing a full understanding of the causes and consequences of the conflict, as well as the benefits of conflict resolution. The second strategy (search) was limited to considering the benefits of reconciliation. The third strategy (shaped) was based on the clarification of the prospects of the relationship between the disputed parties after the reconciliation. The third strategy was the most effective and provided the resolution of the conflict with the least intellectual, emotional and time costs. The application of stress management methods facilitated the search for a coordinated solution, because the emotional stress that oppressed the intellect was reduced. Visualization served as a tool to help identify and trace the relationship of the circumstances of the conflict, as well as to note the decision-making strategy. The revealed circumstances were distributed in the matrix in accordance with their significance for the development of the conflict. The comparison of the matrices indicated a divergence of views among the disputed parties, but at the same time it was possible to identify common interests and expectations. It was the designated similarity that was used by the mediator as a guide of consent in the dispute. The determination of the prevailing strategy, on the one hand, allowed to identify the purposefulness of the behavior of the disputable parties, and on the other hand — provided the mediator with a guide for the direction of efforts (maximum identification of the circumstances of the conflict, demonstration of the benefits of reconciliation or prospects for restored cooperation). It is envisaged that the noted algorithm of actions from visualization of circumstances to the formation of the conflict matrix and finding agreed solutions will be reproduced with the help of a social robot.

Keywords: mediation, decision-making strategy, conflict structure, matrix, visualization, social robot.

Введение

Специалисты, оказывающие помощь спорящим сторонам в урегулировании разногласий, подвергаются высоким эмоциональным и интеллектуальным нагрузкам. Во-первых, у них возникают негативные эмоциональные переживания при знакомстве с жизненными обстоятельствами участников конфликтов. Во-вторых, им необходимо фокусировать внимание на проблемных обстоятельствах, а также мобилизовать интеллект на анализ проблем и форму-

лирование гипотез относительно их разрешения. В-третьих, истощается физическая энергия и теряется время, потраченное на психологическую поддержку клиентов в проблемной ситуации. Кроме того, в-четвертых, специалисту приходится выбирать тактику действий, обеспечивающих надежную коммуникацию с клиентами. При этом предпринимаются меры, предохраняющие от вовлечения в проблемную ситуацию. Снижение напряжения и затрат времени достигается благодаря применению компьютерных технологий, в основе которых лежат апробированные психологические инструменты, позволяющие оценивать проблемные обстоятельства, анализировать состояние спорных сторон и их способность находить выход из проблемной ситуации, преодолевая неопределенность [Лавров, 2017; Лавров, Рудинский, Лавров, 2018]. Набор технологий включает в себя методы, способствующие преодолению негативного эмоционального напряжения клиентов и восстанавливающие взаимопонимание в проблемной группе. Оригинальные компьютеризированные методы оценки функциональности поведенческих стратегий, готовности к переговорам, а также определения уровня личной ответственности служат инструментом для выяснения позиций спорных сторон [Лаврова, 2013]. Расширение спектра конфликтов вместе с использованием комплекса апробированных инструментов усложняет медиацию и заставляет медиатора обратиться к помощи устройств, воспроизводящих элементы интеллектуальной деятельности человека. Здесь уместно подчеркнуть принципиальные особенности использования таких устройств в суде и в медиации. Дело в том, что суд руководствуется законом, и юнит искусственного интеллекта наделяется целесообразными законодательными навыками обработки информации, предоставленной спорными сторонами [Морхат, 2018, с. 61–73]. В отличие от судьи медиатор и конфликтолог не имеют права диктовать рекомендации спорным сторонам и не обладают универсальной общепринятой программой действий [Анцупов, Шипилов, 2000]. Спорные стороны выражают запрос на медиацию, оценивая обстоятельства конфликта в соответствии со своими стратегиями принятия решений. Медиатор помогает вести поиск согласованного решения, сформулировав алгоритм действий с учетом выявленных обстоятельств и стратегий. Если функции медиатора передать социальному роботу, обладающему способностями искусственного интеллекта, то его успех также обусловлен алгоритмом обработки информации, полученной от спорных сторон. Поэтому при рассмотрении перспективы внедрения социальных роботов обращается внимание на алгоритмы действий и стратегий спорных сторон при манипуляции информацией в процессе принятия решений.

Цель данной работы заключалась в выяснении стратегий участников конфликта при урегулировании спора, а также в определении особенностей посреднической деятельности в зависимости от стратегий спорных сторон. Для достижения цели, во-первых, разрабатывали методику анализа обстоятельств конфликта, во-вторых, обозначали стратегии, используемые спорными сторонами в поиске варианта согласия, и, в-третьих, отмечали зависимость алгоритма медиации от стратегий спорных сторон, предполагая, что алгоритм будет воспроизводиться программой, задающей функции социального робота.

Методика

Достижение поставленной цели обеспечивалось анализом сведений, полученных при опросе клиентов, которые в течение 2005–2018 гг. обращались в Центр системного консультирования и обучения «Synergia» за помощью в разрешении конфликтов, возникавших в семье, а также в производственных и образовательных коллективах. Опрос проводился в соответствии с технологией «Карта медиации», предложенной [Лаврова, Лавров, Лавров, 2011] в качестве руководства для процедуры урегулирования споров с участием посредника. Результаты опроса позволяли выявить и сопоставить представления участников конфликта о предмете спора и готовности к его урегулированию.

При решении первой задачи обращали внимание на различие тех образов конфликтной ситуации, которые имелись у спорных сторон. Использование методики визуализации, обеспечивавшей получение схематического изображения обстоятельств конфликта, наглядно демонстрировало расхождение мнений. Инструкция участникам конфликта предусматривала графическое изображение на бумаге обстоятельств спора посредством одной из следующих фигур: квадрата, треугольника, круга, точки и линии. Размер фигуры на схеме соответствовал значимости обстоятельства для развития конфликта. Вначале изображалось исходное состояние конфликта на момент начала процедуры медиации, а затем — ожидаемый вариант разрешения спора. По результатам детализации обстоятельств конфликта в предвидении согласия составляли заключение о стратегии, которой руководствовался респондент при разрешении спора.

При решении второй задачи усилия направлялись на разработку способа, позволявшего анализировать структуру конфликтной ситуации с матричным математическим выражением результатов анализа. Исходной предпосылкой служило представление о том, что структура конфликтной ситуации формируется из комплекса взаимосвязанных обстоятельств, влияющих на развитие конфликта. В памяти участников споров структура сохранялась в форме образа. Если проблемные образы не совпадали, коммуникация спорных сторон нарушалась, хотя предварительно удалось избавиться от агрессии и мобилизовать мотивацию на переговоры [Лавров, 1996; 2017; Лавров, Лаврова, 2015]. В результате предпринятых усилий был разработан способ анализа конфликтной ситуации. Способ реализовался в два этапа. На первом этапе по результатам визуализации определялся набор выделенных обстоятельств. На втором этапе схематически обозначенные элементы распределялись в матрице с учетом весовых параметров обстоятельств. Весовые значения соответствовали мнениям спорных сторон о степени влияния на развитие конфликта по шкале от 0 до 10 баллов. Суммирование весовых значений позволяло оценить уровень конфликта.

Решение третьей задачи основывалось на анализе стратегий, которыми руководствовались спорные стороны при формулировании варианта урегулирования конфликта. Поддержка используемых стратегий определяла направление усилий медиатора. Распределение усилий характеризовалось алгоритмом посреднической помощи спорным сторонам в реализации стратегий.

Результаты и обсуждение

Особенности медиативного процесса иллюстрируются на примере с двумя участниками конфликта, обозначенными как F1 и F2. Вначале каждый из участников, получив инструкцию от медиатора, рисовал на листе бумаги графическую композицию, в которой условно обозначал обстоятельства, повлиявшие на возникновение и развитие конфликта. Они выделили по четыре обстоятельства, отражавших ущерб индивидуальным интересам. Затем, обратившись к формулированию варианта согласия, они отметили ожидаемые изменения обстоятельств с пользой для себя, то есть они руководствовались «поисковой» стратегией, добиваясь возмещения ущерба, приведшего к конфликту.

Далее, согласно правилам линейной алгебры [Ильин, Позняк, 2004], выделенные и визуализированные обстоятельства распределялись в шкале вектор-факторов в соответствии с данными, полученными от участников спора F1 и F2. Каждый вектор-фактор содержал выявленные компоненты спора. Чем выше была значимость обстоятельств для развития конфликта, тем больше назначалось баллов. В результате возникло два вектора набора шкальных оценок:

$$Shfe1 = \begin{vmatrix} 3 \\ 5 \\ 6 \\ 10 \end{vmatrix} \quad Shfe2 = \begin{vmatrix} 4 \\ 2 \\ 6 \\ 7 \end{vmatrix}$$

ТРИАДА СТРАТЕГИЙ СПОРНЫХ СТОРОН ПРИ УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТА С ПОМОЩЬЮ ПОСРЕДНИКА:

1. **конкретизированная** — накопление сведений, обеспечивающих полное представление о причинах и последствиях конфликта, а также преимуществах урегулирования конфликта

2. **поисковая** — рассмотрение пользы, обеспечиваемой примирением

3. **креативная, образная** — выяснение перспективы взаимоотношений спорных сторон после примирения

Рис. 1. Перечень стратегий, которыми руководствовались спорные стороны, формулируя вариант решения по урегулированию конфликта

При этом открылась возможность сравнения полученных результатов. Вначале подсчитали суммы баллов. Первый участник конфликта оценил конфликт 24 баллами, а второй — 19. Затем был рассмотрен модуль разности наборов шкальных оценок.

$$\Delta = |Shfe1 - Shfe2| = \begin{vmatrix} 1 \\ 3 \\ 0 \\ 3 \end{vmatrix}$$

Второй и четвертый компонент вектора Δ свидетельствовали о наибольшем расхождении клиентов по двум факторам. Третий компонент указывал на совпадение мнений по оценке обстоятельств. Полученные данные служили ориентиром для медиатора. С одной стороны, был найден участник конфликта с наиболее обостренным восприятием ситуации, а с другой — была обозначена степень расхождения в оценке обстоятельств спора. Используя ориентир, медиатор направлял усилия на урегулирование наиболее выраженных разногласий с учетом совпадающего мнения.

Анализ данных, полученных при рассмотрении матриц, отражавших варианты урегулирования конфликта всей совокупности клиентов медиации, позволил выделить три стратегии манипуляции доступной информацией в процессе принятия решений (рис. 1).

Подсчет выявленных стратегий показал, что первая и вторая стратегии отмечаются одинаково часто, в то время как третья наблюдается в одной десятой случаев. Третья стратегия была наиболее эффективной и обеспечивала разрешение конфликта с наименьшими интеллектуальными, эмоциональными и временными затратами. Вполне вероятно, что третья стратегия не уступает двум остальным по частоте. Причина, по которой она встречается медиатору реже, обусловлена способностью участников спора самостоятельно без вмешательства посредника находить вариант восстановления сотрудничества, отказываясь от конфронтации.

Заключение

Изложенный способ обработки данных, полученных от участников конфликта, впервые в практике медиации позволял осуществить количественную оценку выраженности конфликта, а также измерить степень расхождения участников конфликта в восприятии обстоятельств конфликтной ситуации. Предложенный способ, учитывающий стратегии спорных сторон в поиске варианта согласия и основанный на данных визуализации и матричного анализа, обозначал алгоритмы посреднических действий, в результате которых снижалось эмоциональное напряжение медиативных переговоров, а также облегчался поиск согласованного варианта примирения. В случае когда преобладала первая стратегия принятия решений, медиация основывалась на подробном выявлении обстоятельств конфликта, во втором случае — на демонстрации пользы примирения и в третьем — на рассмотрении преимуществ восстановленного сотрудничества. Предполагается, что действия в соответствии с алгоритмом будут контролироваться социальным роботом, выступающим в роли ассистента медиатора. Включение предложенного алгоритма в компьютеризированную технологию, как ожидается в будущем, позволит расширить применение социальных роботов в практике медиации.

Библиографический список

- Анциупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 2000.
- Ильин В. А., Позняк Э. Г. Линейная алгебра: учебник для вузов. М.: Физматлит, 2004.
- Лавров В. В. Мозг и психика. СПб.: РГПУ, 1996.
- Лавров В. Интерфейс мозга и психики: о перспективе изучения организации мозговой деятельности и воспроизведения работы мозга с помощью технических устройств. Saarbrücken: VDM Publishing, 2017.
- Лавров В. В., Лаврова Н. М. Влияние агрессии на цельность, целостность, ценность и субъективность образа конфликтной ситуации // Когнитивная психология: междисциплинарные исследования и интегративные практики. СПб.: ВВМ, 2015. С. 342–347.
- Лавров Н. В., Рудинский А. В., Лавров В. В. Преодоление недостатка информации при формировании цельного образа // Нейрокомпьютеры и их применение. М.: МГППУ, 2018. С. 154–155.
- Лаврова Н. М., Лавров В. В., Лавров Н. В. Конфликт и карта медиации. СПб.: Бридж, 2011.
- Лаврова Н. М., Лавров В. В., Лавров Н. В. Медиация: принятие ответственных решений. М.: ОППЛ, 2013.
- Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73.

References

- Antsupov A. J., Shipilov A. I. *Conflictology: textbook for universities*. Moscow, UNITY Publ., 2000. (In Russian)
- Ilyin V. A., Poznyak E. G. *Linear algebra: textbook for universities*. Moscow, Fizmatlit Publ., 2004. (In Russian)
- Lavrov V. V. *Brain and psyche*. St. Petersburg, RSPU Press, 1996. (In Russian)
- Lavrov V. *Interface of brain and psyche: on the prospect of studying the organization of brain activity and reproduction of brain work with the help of technical devices*. Saarbrücken, VDM Publishing, 2017. (In Russian)
- Lavrov V. V., Lavrova N. M. The influence of aggression on the integrity, value and subjectivity of the image of the conflict situation. *Cognitive psychology: interdisciplinary research and integrative practices*. St. Petersburg, WWM Publ., 2015, pp. 342–347. (In Russian)
- Lavrov N. V., Rudinsky A. V., Lavrov V. V. Overcoming the lack of information in the formation of a whole image. *Neurocomputers and their applications*. Moscow, MGPPU Press, 2018, pp. 154–155. (In Russian)
- Lavrova N. M., Lavrov V. V., Lavrov N. V. *Conflict and map of mediation*. St. Petersburg, Bridge Publ., 2011. (In Russian)
- Lavrova N. M., Lavrov V. V., Lavrov N. V. *Mediation: making responsible decisions*. Moscow, OPPL, 2013. (In Russian)
- Morkhat P. M. Artificial Intelligence Unit as Electronic Personality. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 61–73. (In Russian)

ОБРАЗ РОССИИ КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕДИАЦИИ*

Г. С. Мельник

*д-р полит. наук, проф. кафедры цифровых медиакоммуникаций.
g.melnik.gs@gmail.com*

Б. Я. Мисонжников

*д-р филол. наук, проф. кафедры периодической печати
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.
b.misonzhnikov@spbu.ru*

Аннотация: Политическая и международная области являются особенно конфликтогенными, в достижении своих целей противоборствующие стороны используют все доступные средства — от экономических до политико-идеологических. В условиях эскалации противостояния России и западных стран возникают масштабные конфликтные ситуации с участием массмедиа. Несмотря на то что в основе конфликта лежат глобальные стратегические интересы ведущих стран мира, все же возможно сделать определенные шаги в направлении снятия напряженности и придать позитивный импульс международным отношениям. Этому способствовало бы введение института медиаторов в области международных журналистских конфликтов с привлечением людей доброй воли — прежде всего профессионалов как с российской, так и с западной стороны, которые специализировались бы, в частности, в области медиакритики. Эмпирическую базу статьи составили публикации ведущих западных газет, которые в соответствии с их типологическими признаками считают качественными.

Ключевые слова: конфликт, массмедиа, медиация, медиатор, Россия, США, Европейский союз.

THE IMAGE OF RUSSIA AS A SUBJECT OF POLITICAL MEDIATION

G. S. Melnik

*PhD in Political Sciences, Professor of the Department of Digital Media Communications.
g.melnik.gs@gmail.com*

B. Ya. Misonzhnikov

*PhD in Philology, Professor of the Department of Periodicals
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
b.misonzhnikov@spbu.ru*

Abstract: The political and international areas are particularly conflict-prone; in order to achieve their goals, the warring parties use all available means — from economic to political-ideological. With the escalation of confrontation between Russia and Western countries, large-scale conflict situations involving mass media arise. Despite the fact that the conflict is based on the global strategic interests of the leading countries of the world, it is still possible to take certain steps towards relieving tension and give a positive impetus to international relations. This would be facilitated by the introduction of the institute of mediators in the field of international journalistic conflicts with the involvement of people of goodwill — first of all, professionals from both the Russian and western sides who would specialize, in particular, in the field of media criticism. The empirical base of the article was made up of publications by leading Western newspapers which, according to their typological characteristics, are considered qualitative.

Keywords: conflict, mass media, mediation, mediator, Russia, USA, European Union.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Медиаобраз России в контексте национальной безопасности», № 19-013-00725.

Постановка проблемы. У понятия медиации существует значительное количество определений, выделяющих те или иные существенные ее качества. В дефиниции, которую здесь приведем, может быть, не совсем полно раскрывается суть данного понятия в строгом академическом отношении, однако находят отражение те признаки, которые играют важную роль в ее практической реализации. Авторы указывают на то, что «...медиация — адекватный ответ на тенденцию к все более частой “подмене” истинных целей обращения в суд (месть, амбиции, желание добиться восстановления права, которое фактически не было нарушено или последствия нарушения которого минимальны), появление “профессиональных сутяжников”, в том числе вследствие изменения психологии индивида в глобальном мире» [Нигматуллина, Терновая, 2012, с. 31]. То есть здесь выделены сугубо корыстные и субъективные причины инспирирования конфликтной ситуации одним или несколькими лицами с возможным в дальнейшем обращением в суд. Примечательно, что подобные мотивы, обуславливающие создание конфликтной ситуации, могут носить масштабный характер, в нее могут быть вовлечены целые социальные группы, в том числе и профессиональные. Подобные конфликтные ситуации могут возникать в любой сфере общественной практики, включая политическую и международную.

Именно субъекты, ориентированные на конфликтное поведение, через возбуждение неприязненного, а порой даже враждебного отношения к своим оппонентам могут преследовать указанные негативные цели, которые зачастую носят имплицитный характер. Причем данные субъекты, как правило, сопровождают свои действия пафосными декларациями о высоких моральных принципах, гражданском долге, гуманистических идеалах. Политическая и международная области являются особенно конфликтными, в достижении своих целей противоборствующие стороны используют все доступные средства — от экономических, в частности санкционных, до политико-идеологических.

Одним из самых эффективных ресурсов двустороннего противостояния становятся средства массовой информации. В моменты обострения международных конфликтов они выступают мощным инструментом пропаганды и помогают решать не только политико-идеологические, но и сугубо утилитарные, организационные и тактические задачи. Конфликты, в которые оказываются вовлеченными средства массовой информации, носят обычно непримиримый и яростный характер, что наносит значительный вред гуманитарным отношениям, подрывает основы международного сотрудничества. В общественное сознание внедряются негативистские и часто разрушительные стереотипы, объектом целенаправленной и изощренной критики становится прежде всего образ государства из противоборствующего лагеря. В настоящее время в условиях эскалации противостояния России и западных стран снова и снова возникают масштабные конфликтные ситуации с участием массмедиа. Фактически речь идет о развязывании гибридной войны — и одной из наиболее опасных ее форм, а именно сетевой войны, последствия которой всегда очень тяжелы и даже трагичны.

В сложившейся ситуации были бы уместны меры, направленные на смягчение противостояния во всех конфликтных областях, включая идеологическую, одними из ведущих акторов которой становятся средства массовой информации. Несмотря на то что в основе конфликта лежат глобальные стратегические интересы ведущих стран мира, все же возможно и очень желательно было бы сделать определенные шаги в направлении снятия напряженности между российскими и западными массмедиа, придать позитивный импульс их отношениям. Для этого возможно введение института медиаторов в области международных журналистских конфликтов с привлечением людей доброй воли — прежде всего профессионалов как с российской, так и с западной стороны, которые специализировались бы, в частности, в области медиакритики.

История вопроса. Несмотря на то что опыт в области международной медиации, ориентированной на практику средств массовой информации, минимален, он все-таки есть, о чем

сказать еще предстоит. А что касается урегулирования конфликтов вообще при помощи медиативных практик, то об этом писали, в частности, Х. Бесемер [Бесемер, 2004], Э. Кэрролл, К. Мэки [Кэрролл, Мэки, 2012] и другие. Случаи урегулирования с помощью медиации именно международных конфликтов, которые сопровождались боевыми действиями, в истории известны. Например, Л. И. Зайцева сообщает: «Так, в конфликте между Великобританией и Аргентиной, именуемом Фолклендской войной, по поводу Фолклендских (Мальвинских) островов в 1982 г. сначала США в лице госсекретаря Александра Хейга, а затем Генеральный секретарь ООН Хавьер Перес де Куэльяр предложили свои услуги по медиации...» [Зайцева, 2013, с. 90]. Медиативная поддержка порой оказывается незаменимой, причем использоваться могут разные виды медиации, в том числе и трансформативная. Н. В. Гордийчук имеет в виду именно ее, когда поясняет: «Вмешательство медиатора, таким образом, заключается в том, чтобы придать зашедшему в кризис взаимодействию противоположную динамику. При этом участники конфликта постепенно переходят из состояния слабости и беспомощности в состояние силы и контроля над собственной ситуацией, от состояния замыкания в себе к состоянию отзывчивости и внимательности к другому» [Гордийчук, 2014, с. 44].

Описание методики исследования. Теоретическую основу предлагаемой исследовательской работы составили материалы концептуального характера, которые получили развитие в публикациях широкого круга на указанную тему. Это прежде всего тексты научной монографической и журнальной литературы, сборников научных трудов. Публикации, которые увидели свет в периодической печати и в сетевых массмедиа, составили эмпирическую базу данной научной работы. Полученные в ходе исследования материалы были изучены и идентифицированы с применением общенаучных методов когнитивного анализа. В отдельных случаях, особенно когда возникала необходимость отождествления текстов, привлеченных из массмедиа, использовался метод контент-анализа. Выборка эмпирического материала осуществлялась по усмотрению, то есть не носила случайного характера, что позволило подобрать достаточно репрезентативный материал. Его можно охарактеризовать как современный дискурс, часть наиболее активно воздействующего публицистического мейнстрима. Для его более глубокого и адекватного понимания и истолкования использовался герменевтический подход, хотя и не отрефлексируемый в плане строгой методологии, но позволяющий обнаружить многие диалектически важные стороны явлений.

Анализ материала. Конфликт между Западом и Россией в его современном проявлении имеет определенные хронологические рамки. Во временном плане он уходит в глубь столетий и одновременно становится явлением новейшей истории, а в пространственном — спорадически вспыхивая в разных точках планеты, особенно часто соотносится с российским государством в силу его геополитических устремлений и традиций.

Стратегический вектор развития был артикулирован в речи, с которой президент Российской Федерации В. В. Путин выступил на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. Выступление не просто содержало оценку политической международной ситуации, но представляло собой программную концепцию внешней политики России. Обратим внимание только на два положения речи. Во-первых, это констатация того, что система права одного государства — имеются в виду США — перешагнула свои национальные границы во всех сферах и навязывается другим государствам. Во-вторых, декларация о независимой внешней политике России, страны с более чем тысячелетней историей. Таким образом, Россия как государство стала выстраивать самостоятельную, независимую политику, что вызвало раздражение политического истеблишмента Соединенных Штатов и их союзников, которые, считая себя «победителями» в холодной войне, претендовали на мировое господство. Противодействие экспансионистски настроенных западных кругов — достаточно обратить внимание на беспрецедентное расширение блока НАТО — и России приобрело системный и глобальный характер, затронуло все стороны социально-политической, экономи-

ческой и культурной жизни и достигло в своем динамическом развитии угрожающих форм. В конфликт, который в функциональном отношении следует однозначно характеризовать как деструктивный, оказались втянутыми значительные силы, и полное его разрешение в настоящее время едва ли возможно, тем более что он оказался диалектически многоаспектным, сложным, спровоцированным как эндогенными, так и экзогенными факторами, однако есть основание и необходимость хотя бы частичного его разрешения, смягчения противостояния в конкретных случаях и ситуациях, что является исключительно важной гуманитарной задачей.

Данный конфликт носит масштабный характер и имеет крайне негативные последствия. Это потери не только экономические, политические и социальные, но и репутационные. Западные массмедиа по законам войны — пусть и гибридной, но тоже связанной со многими потерями — изо дня в день публикуют материалы крайне негативного содержания о России и ее руководителях. Фактически на уровне суггестии на аудиторию оказывается идеологическое разрушительное в своей основе воздействие. Образ Российской Федерации вследствие этого формируется в искаженном виде, наиболее влиятельные западные газеты, прежде всего те, которые по своим типологическим признакам являются качественными, стали выполнять функцию пропаганды, что в прошлом наблюдалось довольно редко, и занимают лидирующие места в антироссийской деятельности, которая принимает враждебные и агрессивные формы. Именно медиа стали разрушительным орудием в руках западного истеблишмента, по сути полностью соответствуя его целям, интересам, а также тактическим и стратегическим программам, и в то же время эти медиа, являясь субъектами конфликта, диалектически представляют собой сложно организованный политико-социальный, профессиональный и гуманитарный континуум, в котором реализуются глубокие и многообразные процессы и который, в принципе, открыт для диалога.

Основной блок антироссийского направления, как уже подчеркивалось, образуют США и государства Европейского союза, причем и внутри этого сообщества существуют серьезные противоречия, например в связи с намерением представителей Евросоюза создать собственные вооруженные силы или с попытками США разрушить некоторые договоренности и проекты с участием России, включая «Северный поток — 2». Однако эти противоречия не препятствуют ведению против Российской Федерации всеохватной пропагандистской войны, практически для всех публикаций о России характерна не просто критическая коннотация, но и введение в текст речевых актов с проявлением менасива. С одной стороны, в публикациях содержатся угрозы по отношению к российскому государству, а с другой стороны, Россия показана как страна опасная, непредсказуемая, демоническая и представляющая собой угрозу для остального мира.

Демонизация, категория, в которой актуализировано скорее гуманитарное и духовное начало, в социально-государственном отношении, то есть в политическом, в основном носила отстраненный характер. Но теперь эта категория все чаще используется в политических технологиях. Ее задача — пропаганда, ориентированная на создание образа врага, придания ему зловещих черт, на возбуждение едва ли не мистического ужаса перед ним.

Так, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, самая крупная газета Германии, оперативно разместила на своем сайте комментарий штатного сотрудника редакции Керстин Хольм о праздновании в Москве Дня Победы. Текст, сравнительно небольшой по объему и обладающий значительной экспрессией, сообщает о военном параде, и автор снова и снова обращается к личности президента России. Заголовок публикации — «Меч — его опора», подзаголовок — «Многие русские живут в бедности, но все больше и больше денег тратится на оборону. Парад Победы в Москве также показывает, что поле деятельности Путина сократилось». Эти тезисы получают развитие в тексте публикации: «Россия с трудом справляется со своим милитаризмом. В то время как реальные доходы граждан вследствие этого снижаются пятый год подряд, го-

сударство усиленно инвестирует в вооруженные силы и в структуры безопасности, особенно в модернизацию ядерного оружия». Далее слово предоставляется «либерально думающим» анонимным москвичам, которые критически оценивают все происходящее, включая политику президента. Тот факт, что текст был «актуализирован» уже 9 мая в 11:28, позволяет предположить, что он был подготовлен заранее по стандартной схеме и предполагал негативную оценку происходящего¹.

В то же время поистине скандальная ситуация возникла в связи с тем, что руководство социальной сети Facebook заблокировало страницу англоязычного проекта In the Now телеканала Russia Today. У проекта было 2,5 миллиарда просмотров и 4 миллиона подписчиков, а заблокирован он был после того, как в CNN обнаружили, что страница финансируется из бюджета Российской Федерации и содержит критику внешней политики США и ведущих американских массмедиа. Конфликт был такой силы, что сожаление в связи с его возникновением выразил даже пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков, который «...отметил, что использование властями недружественных России стран возможностей различных крупных интернет-сервисов для давления на российские СМИ давно не является секретом и лишь подрывает доверие к этим компаниям. При этом он выразил надежду, что RT удастся отстоять свои интересы и узнать причины блокировки»². Пресс-секретарь президента выступил, по сути, в роли медиатора в разгоревшемся конфликте.

В другой конфликтной ситуации фактически в этой же роли выступила и официальный представитель МИД Российской Федерации Мария Захарова. Когда президент Франции Эммануэль Макрон заявил, что лидеры протестного движения «желтые жилеты» получали консультации от «покупных аккаунтов в социальных сетях и троллей», в числе которых выделил Sputnik и RT, возникла угроза их блокировки и во Франции. Это потребовало поддержки официального представителя МИД России. Мария Захарова заявила: «Мы очень рассчитываем на то, что установление правды подвигнет Париж отойти, наконец, от своего дискриминационного подхода к работе во Франции телеканала Russia Today и агентства Sputnik, дав им полноценно выполнять свой журналистский долг, свои профессиональные обязанности в соответствии с принципами разделяемой Парижем свободы слова, выражения мнений, закрепленных в огромном количестве международных обязательств, которые на себя взяла Франция»³.

Чиновники высокого государственного уровня действовали исходя из обстоятельств дела, не вникая в медиативные тонкости, не исследуя теории конфликта. Примечательно, что «...конфликтная ситуация включает в себя три этапа: предконфликт, развитие конфликта и постконфликтная ситуация. Медиация востребована только после второго этапа (постконфликтная ситуация), когда конфликт уже приобрел четкие ориентиры, формы и процессы. Остальные этапы не находятся в поле зрения медиаторов. А значит, основной инструментарий медиатора — это технологии переговоров» [Цой, Иванов, 2016, с. 74]. Представители государственной власти действительно вмешались в конфликт после второго этапа, когда медиация оказалась востребованной, и их поддержка сыграла положительную роль. Однако, развивая медиацию на профессиональной основе, следует принять во внимание, что «...внешнеполитическая медиация имеет ряд специфических принципов: инклюзивность, принцип признания влияния международного права и соответствующей нормативной базы на медиативный процесс и разработку медиативного соглашения» [Шмелев, 2013, с. 26].

¹ Holm K. Das Schwert gibt ihm Halt // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 09.05.2019. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/siegesparade-in-moskau-das-schwert-gibt-wladimir-putin-halt-16177495.html> (accessed: 21.08.2020).

² В Кремле прокомментировали конфликт между Facebook и Russia Today // Свободная пресса. 14.05.2019. URL: <https://svpressa.ru/politic/news/225028/> (дата обращения: 21.08.2020).

³ Захарова надеется, что Sputnik и RT смогут полноценно работать во Франции // РИА НОВОСТИ: Медиавойны. 07.02.2019. URL: <https://ria.ru/20190207/1550555705.html> (дата обращения: 21.08.2020).

Результаты исследования и выводы. В условиях политического, социального и экономического противостояния России и Запада периодически возникают и резко обостряются конфликтные ситуации, в которые практически всегда оказываются вовлеченными средства массовой информации. Эти конфликты наносят большой вред обществу, поскольку затрагивают сущностные основы государства, разрушают его положительный имидж, негативно сказываются на психологическом состоянии людей. Очевидно, что причины конфликтов имеют глубокий геополитический характер и вряд ли будут устранимы в обозримом будущем. Мы обречены жить в условиях противоборства России и Запада, и важная задача — постараться смягчить последствия этого противоборства. Усилия, направленные на это, должны носить системный и постоянный характер, должны создаваться специальные службы, в которых работали бы специалисты в области конфликтологии в различных областях, включая и массмедиа, причем надо принять во внимание, что медийная сфера особенно динамична, политически и культурологически флексибельна. Эти специалисты смогли бы выступать в роли профессиональных медиаторов, оперативно реагируя на возникающие проблемы. Важно, чтобы данные медиативные службы объединяли специалистов разных стран, выполняли интегративную функцию.

Так, в Германии создан и успешно действует Немецкий фонд медиации (Deutsche Stiftung Mediation). Виктор Мюллер, председатель фонда, подчеркивает, что задача организации — «...настойчиво развивать медиацию в политике, экономике и в социальной сфере с целью усиления возможности самостоятельного разрешения конфликтов, повышения культуры спора и поддержки правосудия»⁴. Сотрудники фонда открыты для сотрудничества, профессионально занимаются медиативной практикой.

Именно у данной формы гуманитарной деятельности большое будущее, так как медиатор не просто участвует в решении какой-либо конкретной проблемы, но меняет картину мира у субъектов конфликтной ситуации, способствует развитию культуры человеческого общения. Следует отметить и моральную сторону данного вида деятельности, поскольку «...в отличие от судебных способов разрешения споров, которые представляют собой прямое правоприменение, медиация представляет собой скорее использование права для разрешения споров на основе справедливости, с учетом интересов обеих сторон» [Кожевников, 2012, с. 54]. Создание института медиации в сфере международной конфликтологии, который был бы организован на системной основе, открыт для сотрудничества и включал бы также исследовательский сектор, помогло бы решить многие проблемы, способствовало бы снижению социальной энтропии на всех уровнях, включая международный.

Библиографический список

- Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / пер. с нем. Н. В. Маловой. Калуга: Духовное познание, 2004.
- Гордийчук Н. В. Трансформативная медиация: основные понятия и установки // Психологическая наука и образование. 2014. № 2. С. 41–48.
- Зайцева Л. И. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в международном публичном праве // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 5. С. 89–96.
- Кожевников Е. А. Международные акты по медиации и их применение в европейских странах (на примере Бельгии) // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по материалам XIX междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. Новосибирск: СибАК, 2012. С. 54–62.
- Кэрролл Э., Мэки К. Международная медиация — искусство деловой дипломатии / пер. с англ. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2012.

⁴ Müller V. Deutsche Stiftung Mediation. URL: https://stiftung-mediation.de/sites/default/files/downloads/viktor_mueller_spitzenkompetenz_2018_2222.pdf (accessed: 21.08.2020).

- Нигматуллина Т. А., Терновая Л. О. Политическая медиация: учеб. пособие. Уфа: Изд-во Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», 2016.
- Цой Л. Н., Иванов О. Б. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия // *Власть*. 2016. № 10. С. 69–75.
- Шмелев А. Политическая медиация как способ разрешения международных и внутригосударственных конфликтов // *Вестник восстановительной юстиции*. 2013. № 10. С. 24–30.

References

- Besemer Ch. *Mediation: Vermittlung in Konflikten*. Transl. from German. Rus. Ed. Kaluga, Dukhovnoe poznanie Publ., 2004.
- Gordiichuk N. V. Transformativnaia mediatsiia: osnovnye poniatii i ustanovki. *Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie*, 2014, no. 2, pp. 41–48. (In Russian)
- Carroll E., Mackie K. *International Mediation: The Art of Business Diplomacy*. Transl. from English. Rus. Ed. Moscow, Mezhdunarodnyi tsentr upravlencheskogo i politicheskogo konsul'tirovaniia, 2012.
- Kozhevnikov E. A. Mezhdunarodnye akty po mediatsii i ikh primenenie v evropeiskikh stranakh (na primere Bel'gii). *Voprosy sovremennoi iurisprudentsii: sb. st. po materialam XIX mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ch. 2*. Novosibirsk, SibAK Publ., 2012, pp. 54–62. (In Russian)
- Nigmatullina T. A., Ternovaia L. O. *Politicheskaiia mediatsiia: ucheb. posobie*. Ufa, Izd-vo Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologii (filiala) Obrazovatel'nogo uchrezhdeniia profsoiuzov vysshego obrazovaniia "Akademiiia truda i sotsial'nykh otnoshenii". 2016. (In Russian)
- Shmelev A. Politicheskaiia mediatsiia kak sposob razresheniia mezhdunarodnykh i vnutrigosudarstvennykh konfliktov. *Vestnik vosstanovitel'noi iustitsii*. 2013. no. 10. (In Russian)
- Tsoi L. N., Ivanov O. B. Mediatsiia i konfliktologiia: metodologicheskie i predmetno-soderzhatel'nye razlichii. *Vlast'*, 2016, no. 10, pp. 69–75. (In Russian)
- Zaitseva L. I. Mediatsiia kak al'ternativnyi sposob razresheniia sporov v mezhdunarodnom publichnom prave. *Izvestiia Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*, 2013, no. 5, pp. 89–96. (In Russian)

СПЕЦИФИКА СЕМЕЙНОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА¹

Е. Мешкова

*Председатель Ассоциации медиаторов (Чешская Республика).
amcr@amcr.cz*

Аннотация: Статья рассматривает специфику семейной медиации в широком спектре конфликтов, присущих семейным отношениям. Основной акцент автор делает на конфликты между супругами, обращая особое внимание на их влияние на других членов семьи. Статья опирается на практический опыт работы медиаторов-психологов и содержит практические рекомендации медиаторам по проведению медиации в ситуации развода, выделяет особо значимые моменты в таких медиациях, рекомендует практический инструментарий, необходимый посреднику при работе с супругами, формулирует перечень тем для обсуждения между супругами, а также раскрывает основные страхи детей, переживающих развод родителей. Статья рассматривает медиацию как в качестве длящегося процесса регулирования отношений после разрыва, так и в качестве инструмента регулирования семейных разногласий без прекращения брака. Автор раскрывает специфику семейной медиации и причины такой специфики, определяет конфликты, в которых медиация целесообразна, а также выделяет условия, которые делают медиацию неэффективной.

Ключевые слова: медиация, переговоры, посредничество, семейная медиация, спор, конфликт.

THE SPECIFICS OF FAMILY MEDIATION

E. Meshkova

*Chairman of the Association of Mediators (Czech Republic).
amcr@amcr.cz*

Abstract: The article considers the specifics of family mediation in a wide range of conflicts inherent in family relations. The author focuses on conflicts between spouses, paying particular attention to their influence on other family members. The article is based on the practical experience of mediators-psychologists and contains practical recommendations for mediators to conduct mediation in a divorce situation, highlights particularly important points in such mediations, recommends the practical tools needed by a mediator when working with spouses, formulates a list of topics for discussion between spouses, and reveals the main fears of children experiencing a divorce of parents. The article considers mediation both as an ongoing regulatory process of after-break relations and as an instrument for regulating family disagreements without ending a marriage. The author reveals the specifics of family mediation and the reason for this specificity, identifies conflicts in which mediation is appropriate, and also highlights the conditions that make mediation ineffective.

Keywords: mediation, negotiations, family mediation, conflict, dispute.

О посредничестве и посредниках в целом

Посредничество основано на сложном взгляде на человека и на мир, в котором он живет. Посредники видят мир, который мы создаем вместе во взаимодействии, и видят разговор как средство поиска, поиска и создания новых общих значений и проявлений.

Медиатор уважает принцип: наша речь отражает наши мысли и определяет мир, в котором мы живем. Люди узнают нас через нашу речь, потому что язык рассказывает историю нашей жизни, раскрывает наше мышление и истинное «я». С помощью речи мы можем откры-

¹ Перевод с чешского Ю. А. Яковлевой.

вать или закрывать двери в свой внутренний мир, приносить радость или страдания, а также определять степень своего счастья и удовлетворения.

Посредник — это человек, который работает со словом. Слово одновременно является его основным рабочим инструментом. Известно, что слово имеет большую власть. Оно может помочь, поощрить или ранить. Люди, которые приходят на медиацию для разрешения своих семейных споров, очень ранены. Иногда они сами удивляются тому, что они чувствуют или заставляют чувствовать своего партнера. Роль посредника — «поглаживать». Поэтому крайне важно, чтобы он блестяще контролировал медиаторский язык. Чем лучше это удастся, тем легче привести людей к пониманию, и чем быстрее люди друг друга поймут, тем быстрее это поможет создать диалог, которой будет построен на их потребностях и возможностях.

Язык посредника может влиять на людей на годы вперед. К семейному посреднику приходят люди, у многих из которых отношения «разрушены». То, что они испытали в течение короткого или длительного времени, не привело к удовлетворению потребностей. Между ними не было связи на таком уровне, чтобы понять друг друга. Посредник может помочь людям начать искать и находить такие выражения, которые приводят к взаимопониманию. Только так они смогут прийти к соглашению, которое является целью процесса посредничества. И можно добавить, что «высшая цель» посредничества — это новое мышление и взаимопонимание.

М. Розенберг [Розенберг, 2015] в своей книге «То, что вы скажете, изменит ваш мир» предупредил, что доступ к людям, находящимся в конфликте, ограничен и имеет ряд рисков. Когда мы понимаем, что при работе важна мотивация, желание удовлетворить свои потребности, которые не удовлетворены, нам открываются новые варианты решения сложных ситуаций.

Как работать с чувствами

Чтобы быть эффективными в медиации, необходимо осознавать переживания людей. Учитывая, что в посредничество приходят люди в конфликте, чье сердце переполняют в основном негативные чувства, такие как обида, гнев, страх или печаль, посредник должен работать с ними техникой «отзеркаливания», а не опровержения, или убеждать, что с этими чувствами можно справиться, при этом уважать их. Только так он может им помочь. Позволять им испытывать то, что они хотят, снижая их негативные настройки, помогать участникам медиации воспринимать и слышать переживания друг друга. Семейный посредник делает это до тех пор, пока негативные чувства от отрицательного опыта не уменьшатся и пока стороны не начнут опираться на опыт положительный. Только тогда участники посредничества могут обсуждать соглашение.

Люди часто думают, что кто-то другой виноват в их негативных чувствах. Чаще всего это другая сторона в посредничестве. Но причиной этих чувств не всегда является поведение окружающих. Этой причиной может быть недостаточное удовлетворение собственных потребностей, особенно основных.

Давая другой стороне понять, что на самом деле является причиной наших негативных чувств, может быть, она, мы создаем основу для возникновения конфликта. Он будет развиваться тем больше, чем больше мы обвиняем другого. Проблема в том, что мы часто не можем назвать наши основные потребности и на самом деле не объясняем другим, что мы делаем. Задача медиатора — найти, назвать эти потребности и работать с ними. Только после этого люди успокаиваются и сами выражают свои потребности или признают их.

Давайте попробуем еще раз подумать о том, что на самом деле нужно. Если мы спросим людей во время медиации, что нужно, чтобы решить проблему, они ответят: «Чтобы другой что-то сделал». Однако они высказываются в заявлениях, которые мы называем позиционными. Посредник делает все возможное, чтобы удалить эти позиции и позиционные заявления из посредничества. Вот почему посредник не спрашивает: «Что бы вы на самом деле хотели?»

Он знает, что, если бы люди знали об этом, они бы никогда не вошли в посредничество. Они с легкостью разрешили бы свой конфликт. Таким образом, обязанность посредника — работать с этими позициями, чтобы найти то, чего не хватает людям.

Немного о конфликтах в посредничестве

Мы можем по-разному относиться к конфликту. Мы можем его как будто не замечать или «спрятать под одеяло» и надеяться, что «оно» само разрешится, или делегировать решение какой-либо власти, у нас чаще всего суду. Посредничество во многом отличается от профессионального консультирования или судебного разбирательства. Основная аксиома медиации основана на ином взгляде на конфликт. Конфликт воспринимается как естественная, а также положительная часть жизни. Люди, которые обращаются к посреднику, чаще всего разрешают свой конфликт, потому что посредник уважает их в своих отношениях и доверяет им. Он знает, что они в состоянии самостоятельно решить свою ситуацию, просто сейчас находятся в кризисном состоянии, когда они не могут из-за эмоций, которые, как правило, являются временным препятствием, найти правильное решение.

Посредник принимает отношение и мнение каждой из сторон и, следовательно, не позволяет с самого начала общаться друг с другом. Медиаторы обращаются к участникам как к людям, которые имеют право на то мнение, которое они выражают, не оценивая и не критикуя их вообще. Это помогает снизить негативные переживания и чувства, и после того как стороны услышат, что некоторые вещи сделали именно так потому, что иначе не могли, и/или вообще не знали или не подозревали, что сделали что-то неправильно, атмосфера успокаивается и к участникам постепенно возвращается доверие. В этот момент посредник делегирует ответственность за любое решение самим сторонам. Это может быть очень сложным. Но затем стороны испытывают удовлетворение результатом и чувство «хорошего исполнения тяжелой работы», которую они как участники посредничества, сделали. Они часто удивляются тому, как они пришли к соглашению, и понимают, что это соглашение основано на их возможностях и потребностях.

Почему семейная медиация специфична?

Семья — это узкая группа людей, которые зависимы друг от друга, отношения между этими людьми многоуровневые, как в поколении (отец, дочь, внук), так и в более широком родстве. И потому что семья хотя и является в основном закрытой группой, но имеет связи с внешней средой (семейные фирмы, виды деятельности, место работы, школы), в ней образуется больше уровней и больше отношений, и, следовательно, необходимо работать с семьей, находящейся в конфликте, комплексно. Медиатор, долго выясняя состояние дел, не только выслушивает разные рассказы двух участников конфликта, но и анализирует причины сложившейся ситуации, истории всех членов семьи и работает с последствиями ранее принятых и принимаемых решений. Иными словами, просит стороны назвать, что произойдет, если они предложат намеченный план действий.

Отношения в семье очень близкие, интимные, переживания сторон имеют яркий эмоциональный окрас, как положительный, так и отрицательный. Поэтому обсуждение проблем в семье требует больше времени. Это нормально, что в рамках одной медиации необходимо 3–5 встреч, и часто даже больше, чтобы стороны пришли к соглашению.

Закон о семье от 1998 г. предусматривает не только исключительную опеку, как это было в прошлом, но и попеременную и общую опеку над несовершеннолетними детьми. Родители должны долго обсуждать эту тему, чтобы понять различия и, самое главное, последствия.

Важно отметить, что семейная медиация на самом деле касается не только людей, присутствующих на медиации. Взаимосвязь отношений в семье и влияние этих отношений на других членов семьи очевидна. Часто бывает, что другой член семьи фактически становится предметом спора или причиной конфликта, из-за которого участники и приходят в посредничество. Классическим примером являются родители, которые спорят о том, как они будут заботиться о своем ребенке. Также могут быть и дети, которые не могут договориться о том, как они будут заботиться о своем престарелом родителе, и т. д.

Родители имеют власть влиять на действия и поведение всех членов семьи, особенно самых слабых (детей, пожилых людей). Если родители не едины во мнениях, или согласованных ответах, или реакциях, для адаптации к новой ситуации других членов семьи, и особенно детей, могут потребоваться годы. Но когда благодаря медиации повышается степень понимания роли родителей по отношению к детям в ситуации развода и родители понимают и принимают ее со всей серьезностью, соглашаются на единую интерпретацию событий и одинаковые ответы на запросы детей, это приводит к более быстрой адаптации детей к новой ситуации при распаде семьи. Родители при этом тоже минимально проигрывают, и быстрее наступают спокойствие и безопасность.

Семейный посредник всегда обеспечивает виртуальное присутствие детей, иногда задает вопросы от имени детей, что часто удивляет родителей и останавливает их в быстром решении вопросов распада семьи. Иногда необходимо вести параллельно с медиацией в ситуации родителей посредничество в отношениях детей и одного из родителей, или, возможно, в посредничество вступает еще один посредник, который работает с пожеланиями детей. Если дети согласны, они обычно сообщают свои пожелания родителям. Родители так очень быстро получают обратную связь о конкретных переживаниях всех сложных ситуаций своих детей и, главным образом, об их желаниях. Информация часто отличается от предложений родителей, хотя оба они считают, что все, что они делают, — это только добро для их детей.

Семейный медиатор может привлекаться не только для того, чтобы разрешать сложные ситуации, возникающие в семьях, где есть дети. Он поддерживает семьи в решении многих других проблем, потому что каждый член семьи имеет различные потребности и возможности. Поэтому семейный посредник должен быть готов к очень широкому кругу тем и предметов переговоров.

Что должен знать семейный посредник в отношении участников и процесса посредничества?

При проведении медиации посредник должен использовать широкий круг посреднических методов, начиная с техник активного слушания, поиска и определения интересов и причины конфликта, умения формулировать нейтральные высказывания, переключения с прошлого на будущее, определения тем переговоров, помощи сторонам в понимании друг друга, при этом, возможно, использовать обмен ролями, навыков работы с техникой «мозгового штурма», а также уметь найти критерии, по которым стороны анализируют и выбирают предложения для решения проблемы, составлять медиативные соглашения и др.

Еще один чрезвычайно важный навык — научиться позитивно ориентировать и объединять людей, находящихся в конфликте, там, где это возможно. Это очень помогает процессу посредничества, особенно для формирования предварительного настроения участников ситуации, позволяя им увидеть надежду на то, что они могут найти решение проблемы.

Медиатор должен уметь хорошо слушать. Обе стороны должны быть услышаны. Посредник в процессе слушания получает информацию, необходимую для поиска вопросов для переговоров. В то же время он дает обратную связь участникам в посредничестве, показывая, что каждый из них может лучше понять другую сторону, если действительно начнет слушать.

Своими действиями он становится примером для сторон спора, учителем эффективной коммуникации. Активное слушание включает в себя и способность размышлять, перефразируя, смягчать высказывания отдельных сторон, и умение задавать вопросы. Медиатор, слушая, ищет ответ на вопрос, что действительно важно для говорящего.

Посредник должен обладать способностью создавать безопасную среду, атмосферу доверия, обрабатывать эмоциональную сторону при встрече лицом к лицу с конфликтующими сторонами совместно, а также индивидуально.

Он должен овладеть искусством управлять интонацией, уметь надлежащим образом задавать вопросы, часто очень интимные или иным образом раздражающие клиентов. Он не должен бояться каких-либо «табу».

Он также должен уметь ответить на реакцию на атакующие формулировки участников посредничества. Он должен иметь возможность отражать текущую ситуацию и овладеть искусством поддерживать в сторонах позитивный настрой.

Люди мотивированы своими потребностями, и задача посредника заключается в определении их мотивации, чтобы обнаружить их интересы и построить на них будущую сделку.

Медиатор является хозяином процедуры медиации. Поэтому он должен обладать хорошими организационными способностями. Он должен понимать конфликт, его закономерности и динамику. Ему нужны хорошие аналитические навыки, и он должен уметь работать с речью, грамотно формулировать достигнутые соглашения при составлении протоколов и соглашений.

Посредник вновь и вновь структурирует сообщения участников, чтобы показать сторонам, что было причиной их конфликтной ситуации, и задает вопросы, чтобы понять, какой результат ожидают стороны.

Он знает важность различных субъектов переговоров в рамках семейной медиации. Он может работать с альтернативами и ведет участников посредничества к соглашению.

В семейной медиации, где затрагиваются интересы детей, надо уметь работать с супругами в роли партнеров, отделяя ее от роли родителей.

Что должен знать семейный посредник и осознавать в отношении самого себя?

Чрезвычайно важной можно считать способность медиатора устранить неопределенность, которую испытывают стороны, вступая в процесс посредничества. Далеко не все о медиации и правилах ее проведения можно узнать извне.

Еще одна важная способность посредника — это способность исключать собственные размышления и осознавать свои реакции в конфликтной ситуации, в том числе и то, как он себя ведет при личном контакте с другими людьми. Это означает, что каждый посредник в сам процесс посредничества приносит собственные личностные установки и знает о своих преимуществах и недостатках.

Он должен обладать знаниями по основам психологии, педагогики, особенно периодов развития ребенка, жизненного цикла и этапов расставания партнеров.

Он должен следить за юридическими рамками, связанными с семьей, разводами, наследованием, а также понимать варианты и последствия определения форм воспитания ребенка и ухода за ним, знать процедуры и практику судебных разбирательств по данным вопросам, иметь контакты, информацию о работе соответствующих служб и специалистов, откуда клиенты приходят на медиацию и куда в случае необходимости их можно направить.

Безусловно, медиатор должен соблюдать нейтралитет по отношению к родителям и не быть целиком и полностью на стороне ребенка.

В каких областях может помочь семейная медиация?

1. Перед разводом, при разводе, после развода.

Содержанием таких медиаций выступают чаще всего следующие темы: по каким правилам будут воспитываться дети и как следует принимать участие в удовлетворении их потребностей; где и кто будет жить (смена места жительства, отмена пользовательских прав, передача недвижимого имущества), как разделить совместное имущество (активы и пассивы), как финансово обеспечивать детей и др.

2. Межпоколенные отношения.

Недопонимание между членами семьи часто связано с принадлежностью к разным поколениям, здесь решается, например, установление ролей и компетенций, создание правил использования дома, сосуществования детей — подростков и родителей, совместное проживание бабушек и дедушек, с одной стороны, и внуков — с другой.

3. Имущественные вопросы.

Речь идет прежде всего о решении вопросов, касающихся наследования, совместной собственности на недвижимость, функционирования (разделения) семейных фирм, уменьшения совместного имущества супругов, управления имуществом ребенка, займов и обязательств в рамках семьи.

4. Недоразумения в семейном сосуществовании.

Предотвращение каких-либо недоразумений и растущего напряжения, которые можно вовремя остановить. Чаще всего они касаются будущего детей: что и где они будут изучать, насколько родители будут вмешиваться в это, кто и как будет заботиться о родителях, общение и уход за бабушками и дедушками, уход за больным членом семьи.

5. Брачные контракты.

Здесь молодые супруги решают, сколько они будут иметь детей, когда и по каким правилам они будут их содержать и воспитывать, где они будут проживать, определяют правила ведения хозяйства, определяют режим собственности и то, как они будут распоряжаться финансами.

Причины распада брака

Чаще всего на вопрос, что является причиной распада их брака/партнерства, люди отвечают: мы не были готовы, наши ожидания не оправдались; мы были слишком влюблены друг в друга; отношения стали физически или эмоционально агрессивными; один из супругов перестал чувствовать любовь к прежнему партнеру и влюбился в другого; один из партнеров решил уйти; оба поняли, что их брак был ошибкой или что вежливое расставание — это лучше, чем плохой брак или партнерское сосуществование.

Важно помнить, что с распадом брака семья не исчезает!

Реакции родителей, которые могут вызвать проблемы у детей

Родители могут втягивать ребенка в ситуации, когда они злятся на партнера и таким образом провоцируют неуверенность в отношении другого родителя: это обостряет конфликт лояльности. Они переносят свой гнев от партнера к ребенку, особенно когда ребенок похож на другого родителя.

Супруги не реагируют на потребности ребенка, потому что они погружены в собственные проблемы.

Бывает, что родители считают детей равными партнерами и рассуждают так, как будто они взрослые вместо того, чтобы создавать адекватные отношения между ребенком и родителем.

Старшим детям часто делегируют уход за младшими братьями и сестрами, тем самым ускоряя их созревание, но лишая их права на детство.

В конфликте супруги часто рассматривают детей как свою собственность.

Вопросы, которые родители должны решать и которые ставит посредник от имени детей

Когда сообщить ребенку/детям о разрыве (даже до того, как один из родителей переезжает).
Лучше всего, если родители скажут ребенку об этом вместе, сообщая, что они оба любят его.

Где мы будем (мы, дети) жить?

Где будет жить мама, где папа?

С кем я буду в безопасности?

Я буду ходить в ту же школу?

У кого останется собака?

Как я буду встречаться с бабушкой и дедушкой?

Мы будем бедными?

Кто будет заботиться обо мне, если я заболею?

Кто будет возить меня на уроки игры на фортепиано?

Когда я увижу маму/папу?

Кто будет подписывать мой дневник?

Старшие дети спрашивают также и о причинах расставания.

Почему вы не можете разобраться с этим вместе?

Он будет здесь, если он мне понадобится?

Как ты могла перестать любить его? (Я боюсь, что ты можешь перестать любить меня тоже!)

Дети должны поддерживать чувственные отношения с обоими родителями! Исключение — родитель агрессивный, зависимый, психически больной.

Что способствует стабильности посреднического соглашения?

При проведении медиаций, в которых рассматриваются вопросы места жительства, опеки над детьми, вопросы воспитания и новые условия для детей, посредник обязан заставить родителей говорить о детях. Он должен задавать вопросы обоим родителям от имени детей. Это поможет им обоим понять, как разработанное и окончательное решение будет реализовано на практике, как дети будут воспринимать их и какие последствия это будет иметь для них, что это будет означать для них на практике.

Медиатор должен уделять достаточно времени теме роли отца и роли матери, чтобы оба родителя поняли, как важно, чтобы ребенок сохранил возможность общения с обоими родителями. Если это так, в медиативном соглашении может появиться фраза о том, что оба родителя соблюдают взаимные роли родителей, любят детей и будут эти роли соблюдать, насколько новые условия им позволят.

Родители должны договориться о том, что и как они расскажут детям, чего они не скажут и как они ответят на их вопросы. Часто бывает целесообразно, чтобы в рамках посредничества они оба пытались рассказать, как передавать информацию детям. Важно предоставить участникам с различными точками зрения время, чтобы они попробовали реализовать свои предложения в течение достаточного времени, которое они устанавливают сами. После такого опыта оба будут видеть, что какое-то предложение было более реальным и эффективным на практике и окончательное соглашение по этому вопросу требует времени. В этом случае целесообразно согласовать дату следующей встречи. Очень важна поддержка адвоката. Когда адвокат не рекомендует медиацию, клиент обычно говорит: «Он больше выиграет для меня

в суде». В этом случае важно объяснить преимущества медиации, роль адвоката и определить, кто будет разрабатывать решения в рамках посредничества, а кто в суде. Возможно указать на то, что судебные разбирательства требуют больше времени. Однако целесообразно помнить, что супругам на медиации потребуется больше времени, чтобы преодолеть сопротивление и установить доверие.

Поэтому медиатору важно и в начале вступительного слова, и в дальнейшем проявлять уважение и к негативным взаимоотношениям, чтобы клиенты чувствовали себя в безопасности.

Формы соглашений

Они могут быть постепенными или касаться только части вопросов, потому что участникам процесса нужно время, чтобы попробовать на практике разные варианты. Не бойтесь работать с альтернативными решениями.

Сюда относится и возможность согласовать темы только до определенного времени: до летних каникул и до окончания пребывания в Чехии, после окончания декретного отпуска и выхода матери на работу. Если приближается Рождество, стороны, как правило, решают, как пройдут в этом году рождественские праздники, и т. д. Люди в основном успокаиваются и тогда на следующих сессиях медиации готовы обсуждать другие темы. В этом случае посредник пишет решение по этим вопросам как протокол посредничества и формулирует окончательное соглашение только после этого.

Стабильность соглашений и их выполнимость являются главными преимуществами посредничества, отличающими его от судебных разбирательств, ведь сделка была сформулирована при определенных условиях, и если условия изменятся (болезнь, потеря работы или новая работа с другими условиями, рождение ребенка или потеря члена семьи и т. д.), можно это соглашение изменить или дополнить. И это происходит при изменении любых условий как в Чехии, так и за рубежом.

Клиенты могут проконсультироваться с родственниками, с адвокатом или экспертом по необходимой теме. Их адвокат или специалист при решении вопросов не может принимать решение за сторону, но участники посредничества должны иметь возможность обсудить двусмысленности. В большинстве случаев это происходит в перерывах между сессиями переговоров, или они могут позвонить специалисту по телефону непосредственно во время посредничества.

Соглашение о конфиденциальности — еще один способ уменьшить напряжение.

В случаях, когда оба участника не хотят обсуждать какой-то вопрос, они могут согласиться, что эта тема может быть либо отложена на более позднее время, либо оставляют за собой право определить, каким способом этот вопрос будет решаться. Одним из них может быть суд, решение которого оба уважают. Тема перестает быть эмоционально сложным предметом переговоров, и ситуация успокаивается намного быстрее.

Посредничество имеет большие шансы, но есть и ситуации, когда посредничество не работает:

- когда оба родителя или один из них не допускает возможность урегулирования их споров с помощью медиации или не в состоянии принять иной результат, чем основанный на позиции «победа — поражение»;
- также невозможно использовать посредничество в тех случаях, когда родитель пассивен и конфликт решает отказом от собственных прав;
- или в тех случаях, когда родители не способны совместно действовать по причинам наркомании, из-за патологических особенностей личности;
- или когда дело доходит до личности с преобладающими агрессивными поведенческими тенденциями.

Однако эти противопоказания можно распознать только в ходе самой медиации. Если родители решают между собой долгосрочные и глубокие эмоциональные проблемы, преодолевают кризис, желательно, чтобы посредничеству предшествовала индивидуальная или парная терапия, так как посредничество направлено на решение конкретных конфликтов между участниками.

Таким образом, посредничество основано на:

- понимании ответственности человека за свою жизнь и решение проблем, на уважении и доверии к способности людей принимать наличие своих проблем и находить для них оптимальные решения;
- факте, что поведение людей мотивируется желанием удовлетворить основные человеческие потребности, которые остаются скрытыми. Медиатор знает, как их обнаружить, а затем помогает найти решение, которое удовлетворит потребности.

Таким образом, мы можем рассматривать медиацию как альтернативный и эффективный метод разрешения конфликтов, когда участники спора сами не могут найти удовлетворительное решение. Однако через посредничество они будут делать это в большем количестве случаев.

Посредничество — это шанс договориться, но для этого требуется личное участие, время и поиск новых решений.

Библиографический список

Розенберг М. Б. Язык жизни: Ненасильственное общение. М.: София, 2020.

References

Rosenberg M. B. *Speak peace in a world of conflict. What you say next will change your world.* Rus. Ed. Moscow, Sophia Publ., 2020.

РОЛЬ ШКОЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ПРИКЛАДНОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ В РОССИИ

А. Н. Сунами

*доц. кафедры конфликтологии.
a.sunami@spbu.ru*

Д. С. Суязова

*студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.
st031455@student.spbu.ru*

Аннотация: Статья посвящена проблеме институционализации прикладной конфликтологии и школьных служб примирения в России. Авторы показывают высокий потенциал школьных служб примирения для популяризации технологий прикладной конфликтологии в России. В статье подробно исследуется логика институционализации школьной медиации в России, существующая нормативная база организации школьных служб примирения, зарубежный опыт создания инфраструктуры конфликто разрешения в образовательном пространстве. Отдельно анализируется текущее состояние организации школьных служб примирения и сопровождающие этот процесс проблемы. Авторами делается вывод, что в силу масштабности вовлечения граждан в образовательные отношения школа является наиболее массовой площадкой популяризации прикладной конфликтологии, но и несет в себе риск компрометации таковой, в случае если профессиональным сообществом конфликтологов не будут даны адекватные ответы на существующие вызовы.

Ключевые слова: конфликт, прикладная конфликтология, медиация, институционализация, школьные службы примирения.

ROLE OF SCHOOL MEDIATION IN APPLIED CONFLICT STUDIES PROMOTION IN RUSSIA

A. N. Sunami

*Associate Professor, Department of Conflict Management.
a.sunami@spbu.ru*

D. S. Suyazova

*Graduate student
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
st031455@student.spbu.ru*

Abstract: The paper analyses the problem of the institutionalization of applied conflict studies and school mediation services in Russia. The authors show the high potential of school mediation services in providing of applied conflict technologies in Russia. The paper examines logic of institutionalization of school mediation in Russia, the existing regulatory framework for the organization of school mediation services, and foreign experience in creating conflict resolution infrastructure in the educational space. The authors conclude that due to the scale of involvement of citizens in educational relations, the school is the most significant platform for providing applied conflict studies. At the same time it also carries the risk of being compromised if the professional community of conflictologists does not give adequate answers to existing challenges.

Keywords: social conflict, applied conflict studies, mediation, institutionalizing, school mediation services.

Несмотря на то что российская конфликтология прошла уже большой путь в своем развитии и накопила значительный опыт как научная дисциплина, образовательная программа и профессиональная деятельность, необходимо честно сказать, что для многих граждан страны преимущества такого способа разрешения споров остаются неизвестными, а сама специальность продолжает восприниматься как нечто экзотическое. Известно, что альтернативные способы разрешения споров за рубежом — в первую очередь имеются в виду США — также долгое время не выходили за пределы трудовых конфликтов и не сразу завоевали признание среди обычных американцев. Считается, что такому признанию способствовал ряд условий. Не вдаваясь в пространные рассуждения о подробностях процесса институционализации альтернативных способов разрешения споров в США, заметим лишь, что важным моментом, распространившим процедуру медиации за пределы исключительно производственных отношений, стало появление в 1960–1970-х гг. локальных негосударственных организаций, таких как Neighborhood Justice Centers, предложивших услуги разрешения бытовых споров между соседями через использование процедуры медиации [McGillis, 1979, p. 245]. Успеху таких процедур способствовали и специфические правила американского судопроизводства (American Rule), по которым судебные издержки несут обе стороны вне зависимости от того, кто в конечном счете выиграл спор. В случае экономических споров суммы данных издержек зачастую превышали экономический выигрыш от победы в суде. Поэтому разрешение споров в суде оказалось многим американцам не по карману и указанные негосударственные организации, предложившие похожую услугу с низким порогом доступа, могущую носить непубличный, конфиденциальный характер, оказались востребованными. Именно это во многом и стало импульсом, приведшим к популяризации данных процедур [Стребков, Сунами, 2014, с. 239]. К сожалению, можно констатировать, что усилий давно работающих профессиональных сообществ медиаторов в России пока недостаточно для того, чтобы прикладная конфликтология действительно стала массовым явлением. Представляется, что школьная медиация и могла бы стать той витриной, что откроет конфликтологию для массового потребителя. Ниже мы постараемся обосновать данный тезис.

На первоначальном этапе своего развития продвижение школьной медиации в России осуществлялось благодаря усилиям ряда общественных организаций, взаимодействующих с конкретными школами, преимущественно при финансовой поддержке зарубежных фондов. Так, первые школьные службы примирения были созданы при содействии общественного центра «Судебно-правовая реформа» в 2001 г. [Хананашвили, 2012, с. 52]. В рамках сотрудничества НКО и образовательных учреждений появились стандарты, принципы как самой процедуры школьной медиации (основанные во многом на так называемом «восстановительном подходе»), так и алгоритмы создания школьных служб примирения. При этом на протяжении более десяти лет вмешательство официальных органов образования если и было, то не носило регулярного характера. Таким образом, вопрос организации школьной службы примирения зависел от видения и понимания руководителем образовательного учреждения проблем школьных конфликтов и его желания инициировать внесение в устав школы пункта о наличии школьной службы и возможности организовать такую службу при методической поддержке специализирующихся на медиации общественных организаций [Пинкевич, Сунами, 2014, с. 182].

Подвижки в процессе институционализации технологий прикладной конфликтологии, в первую очередь медиации, как легитимной процедуры урегулирования споров, связанные со вступлением в силу в 2011 г. соответствующего федерального закона, естественно, дали повод рассчитывать, что внедрение конфликтологии в структуру общественных отношений в дальнейшем выйдет за пределы исключительно судебных процедур. Первые результаты не заставили себя ждать, очевидным свидетельством наметившейся тенденции стал круглый стол по вопросам включения в практику школьной медиации, проведенный осенью 2011 г. Комиссией по развитию образования Общественной палаты Российской Федерации совместно с АНО

«Научно-методический центр медиации и права». По итогам была принята резолюция, в которой содержались, в частности, рекомендации Министерству образования и науки РФ:

- при разработке Федеральных образовательных стандартов подготовки учителей, социальных педагогов, школьных психологов и иных работников образовательной сферы включить в качестве необходимой компетенции владение основами метода «Школьная медиация» и медиативными навыками;
- рекомендовать включить ознакомительный курс «Метод “Школьной медиации”» в программу высших образовательных учреждений, готовящих работников сферы образования;
- рассмотреть возможность проведения «Пилотного проекта» по интеграции метода «Школьная медиация» в образовательно-воспитательных учреждениях на территории 2–3 субъектов РФ;
- предусмотреть в рамках существующих Федеральных целевых программ развития образования проекта «Школьная медиация» как одного из наиболее актуальных в условиях усложняющихся отношений в образовательном пространстве¹.

Впоследствии ситуация начала развиваться довольно стремительно. В июне 2012 г. Президентом Российской Федерации был издан № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы»². В данной стратегии констатируется, что в России неэффективно функционирует система защиты детства. Для решения выявленных проблем был сформулирован ряд мер, где восстановительное правосудие занимает центральное место. В качестве основных принципов и элементов дружественного к ребенку правосудия в стратегии выделяются: «...приоритет восстановительного подхода и мер воспитательного воздействия... наличие системы специализированных вспомогательных служб (в том числе служб примирения)». Далее указывается, что необходимо развивать сеть служб примирения «...в целях реализации восстановительного правосудия», а также организовывать школьные службы примирения, которые имеют целью «...разрешение конфликтов в образовательных учреждениях, профилактику правонарушений детей и подростков, улучшение отношений в образовательном учреждении». Особое внимание в документе уделяется внедрению технологий восстановительного подхода, а также реализации «...примирительных программ и применение механизмов возмещения ребенком-правонарушителем ущерба потерпевшему, а также проведение социальной, психологической и иной реабилитационной работы с жертвами преступлений». Таким образом, данный документ ознаменовал важность создания и развития служб примирения.

В ноябре 2013 г. Министерством образования и науки Российской Федерации разосланы методические рекомендации об организации служб примирения в образовательных организациях регионов РФ. Некоторые эксперты считают, что федеральные рекомендации разработаны на основе методологии, не являющейся универсальной [Сунами и др., 2018, с. 270–279]. В силу этого в регионах РФ на основе упомянутых рекомендаций и информации из свободных источников разработаны свои региональные методические и нормативные документы. Вместе с тем в методических рекомендациях раскрывается актуальность создания и развития школьных служб примирения. Кроме того, раскрывается само понятие школьной медиации. «Метод “Школьная медиация” — это инновационный метод, который применяется для разрешения споров и предотвращения конфликтных ситуаций между участниками образовательного про-

¹ Резолюция по итогам Круглого стола «Школьная медиация — наше будущее в нашем настоящем» 11 октября 2011 г. // OPRF.RU: Общественная палата Российской Федерации. 2011. URL: <http://www.oprf.ru/files/dokument2011/rezol11102011.doc> (дата обращения: 10.05.2019).

² О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы (Указ Президента Российской Федерации № 761): офиц. текст // Собрание законодательства РФ. 2012 г., № 23, ст. 2994.

цесса в качестве современного альтернативного способа разрешения споров. <...> Служба школьной медиации — это служба, созданная в образовательной организации и состоящая из работников образовательной организации, учащихся и их родителей, прошедших необходимую подготовку и обучение основам метода школьной медиации и медиативного подхода»³.

Данный метод имеет интегративное свойство, которое позволяет родителям и образовательным учреждениям воспринимать друг друга как партнеров. Далее более подробно описываются цели и задачи служб школьной медиации и основные этапы организации данных служб.

В июне 2014 г. Распоряжением Правительства РФ утверждается «Концепция развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность»⁴. Концепцией определяется головная организация, ответственная за ее реализацию, ключевое значение в реализации концепции на местах возлагается на секретарей комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. Школьная служба медиации описывается как новое структурное подразделение, создаваемое в образовательном учреждении без увеличения штатной численности сотрудников (без материального стимулирования).

Таким образом, к настоящему времени сложились общие правовые контуры дизайна школьной медиации. В результате усилий на федеральном уровне на местах организованы школьные службы примирения. Например, в Санкт-Петербурге в рамках реализации Распоряжения Правительства Санкт-Петербурга от 25 декабря 2012 г. № 73-рп «О Плана мероприятий на 2013–2015 годы по реализации Стратегии действий в интересах детей в Санкт-Петербурге на 2012–2017 годы и Концепции семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 годы»⁵ такие службы созданы в каждой из более чем 650 средних образовательных школ города. Возвращаясь к заявленному в начале тезису, можно констатировать, что никогда еще конфликтология не получала столь внушительную площадку для собственной презентации. Учитывая, что теми или другими участниками образовательных отношений является подавляющее большинство граждан страны, все они так или иначе должны будут соприкоснуться с процедурами прикладной конфликтологии, узнать, как она работает, каковы преимущества такой технологии разрешения споров. Но здесь мы должны будем сделать важную оговорку. Такая ситуация станет шансом для популяризации медиации только в случае, если институционализация последней будет проходить корректно, в соответствии с принципами данной процедуры и в нее в каком-либо качестве будут массово вовлечены учащиеся, их родители, педагоги, руководство школ и т. д. В противном случае, если открытие школьных служб примирения будет формальным, в качестве некоей дополнительной нагрузки на не имеющего соответствующей подготовки школьного психолога или социального педагога, этот шанс обратится в свою полную противоположность и только нанесет удар по имиджу нашего направления.

Зарубежные источники дают нам богатый материал о том, какие условия необходимы для эффективного внедрения медиации в пространство школы. В них отмечается, что хотя каждая школа имеет свои особенности и некоторая вариативность в содержании и формах реализации

³ Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. № ВК-844/07. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499064067> (дата обращения: 18.02.2019).

⁴ Концепция развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.07.2014 № 1430-р): офиц. текст. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420211300> (дата обращения: 18.02.2019).

⁵ См.: Распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 25 декабря 2012 г. № 73-рп «О Плана мероприятий на 2013–2015 годы по реализации Стратегии действий в интересах детей в Санкт-Петербурге на 2012–2017 годы и Концепции семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 годы». URL: <http://docs.cntd.ru/document/537930255> (дата обращения: 08.04.2019).

подобных программ допустима, тем не менее есть ряд элементов, без которых эффективная работа программы маловероятна: заинтересованность руководства школы в программе, последовательность, длительность и систематичность ее реализации, квалификация организаторов, логистика (техника организации работы), система информирования о программе [Daunic et al., 2000, p.94–100]. Важно отметить, что данные элементы выделяются, как нам кажется, в силу того, что они наиболее уязвимы для объективных рисков, вытекающих из условий функционирования современных школ, причем не только в развитых странах. Все эти вызовы имеют прямое отношение к реализации данных проектов и в российских школах. Эксперты отмечают как организационные, финансовые, кадровые, правовые, образовательные, ведомственные проблемы, так и трудности целеполагания, то есть неопределенность в понимании целей и задач функционирования этих служб [Сунами и др., 2018, с.270–279]. Как представляется, именно эти проблемы и являются первоочередными вызовами для профессионального сообщества, без адекватного ответа на которые сложно представить успех популяризации прикладной конфликтологии.

Библиографический список

- Пинкевич А. Г., Сунами А. Н. Прикладные технологии педагогической конфликтологии: peer mediation // Конфликтология. 2014. № 1. С. 176–190.
- Стребков А. И., Сунами А. Н. Медиация, управление конфликтом и ответственность // Философия ответственности / под ред. Е. Н. Лисанюк, В. Ю. Перова. М.: Наука, 2014.
- Сунами А. Н., Кузьмин Г. С., Лысенко И. С., Власкина А. С. Институционализация педагогической конфликтологии и практик конфликто разрешения в российской образовательной среде // Конфликтология. 2018. № 13 (3). С. 270–279.
- Школьные службы примирения. Методы, исследования, процедуры: сборник материалов / сост. и отв. ред. Н. Л. Хананашвили. М.: Фонд «Новая Евразия», 2012.
- Daunic A. P., Smith S. W., Robinson R., Miller M. D., Landry K. L. School-wide conflict resolution and peer mediation programs: experience in three middle schools // *Intervention in School and Clinic*. 2000. Vol. 36. № 2. P. 94–100.
- McGillis D. Neighborhood Justice Centers And The Mediation Of Housing-Related Disputes // *Urban Law Annual*. 1979. № 17 (245).

References

- Daunic A. P., Smith S. W., Robinson R., Miller M. D., Landry K. L. School-wide conflict resolution and peer mediation programs: experience in three middle schools. *Intervention in School and Clinic*, 2000, vol. 36, no. 2, pp. 94–100.
- McGillis D. Neighborhood Justice Centers And The Mediation Of Housing-Related Disputes. *Urban Law Annual*, 1979, no. 17 (245).
- Pinkevich A. G., Sunami A. N. Application technologies of pedagogical conflict studies: peer mediation. *Konfliktologiya*, 2014, vol. 1, pp. 176–190. (In Russian)
- Shkol'nye sluzhby primireniya. Metody, issledovaniya, protsedury. Sbornik materialov*, ed. by N. L. Hananashvili. Moscow: Fond "Novaya Evraziya" Publ., 2012. (In Russian)
- Strebkov A. I., Sunami A. N. Mediation, conflict management and responsibility. *Philosophy of responsibility*, ed. by Lisanyuk N. N., Perov V. Yu. Moscow: Nauka Publ., 2014. (In Russian)
- Sunami A. N., Kuzmin G. S., Lysenko I. S., Vlaskina A. S. Institutionalizing of school conflict resolution in Russia. *Konfliktologiya*, 2018, vol. 13 (3), pp. 270–279. (In Russian)

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Медиация: современность, инновационность, технологичность»

Е. П. Васькова

председатель Программного комитета, директор Центра медиации (С.-Петербург. гос. ун-т), юрист, медиатор, гос. советник юстиции 3-го класса.

Д. М. Богданова

зам. председателя Программного комитета, администратор Центра медиации СПбГУ, медиатор.

С. А. Белов

канд. юрид. наук, декан юрид. ф-та, зав. каф. конституционного права (С.-Петербург. гос. ун-т).

С. Д. Гуриева

д-р психол. наук, проф., зав. каф. соц. психологии (С.-Петербург. гос. ун-т).

Е. Н. Иванова

канд. психол. наук, доц. каф. конфликтологии Ин-та философии (С.-Петербург. гос. ун-т), медиатор ТПП СПб.

А. Д. Карпенко

канд. биол. наук, доц. каф. конфликтологии Ин-та философии (С.-Петербург. гос. ун-т), медиатор.

М. Ю. Лаврикова

канд. юрид. наук, первый проректор по учеб. и метод. работе (С.-Петербург. гос. ун-т).

А. И. Стребков

доктор полит. наук, проф., зав. каф. конфликтологии Ин-та философии (С.-Петербург. гос. ун-т).

Ана Ускеда

вице-президент, соучредитель и директор по науке Ассоциации медиаторов «Эквилибро», проф. (Ун-т LIUC Каттанео (Италия)), проф. (Болонский ун-та (Италия)), проф. (Школа менеджмента ун-та Помпеу Фабра (Испания)), адвокат, медиатор.

М. Ю. Ярцев

эксперт-медиатор Центра медиации (С.-Петербург. гос. ун-т).

РЕЦЕНЗЕНТЫ

В. В. Арбекова

медиатор, конфликтолог-переговорщик, экономист (С.-Петербург. гос. ун-т)

Д. М. Богданова

администратор Центра медиации (С.-Петербург. гос. ун-т)

Л. В. Быкова

рук. район. метод. объединения школьных служб медиации, медиатор-тренер, методист, педагог-психолог (ГБУ ДО ЦППМСП Василеостровского р-на Санкт-Петербурга)

Н. И. Гайдаенко-Шер

канд. юрид. наук, ст. науч. сотр. (ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ»)

С. Д. Гуриева

д-р психол. наук, проф. (С.-Петербург. гос. ун-т)

Е. Н. Доброхотова

канд. юрид. наук, доц. (С.-Петербург. гос. ун-т)

Е. Н. Иванова

канд. психол. наук, доц., рук. Службы конфликтологического консультирования и медиации (С.-Петербург. гос. ун-т)

А. Д. Карпенко

канд. биол. наук, доц. (С.-Петербург. гос. ун-т)

О. В. Келасьев

канд. социол. наук, ст. преп. (С.-Петербург. гос. ун-т)

Н. П. Кириллова

д-р юрид. наук, проф. (С.-Петербург. гос. ун-т)

И. С. Лысенко

ст. преп. (С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов),
начальник отдела разрешения межличностных и внутрисемейных конфликтных ситуаций
Службы медиации (СПб ГБУ «ГЦСП «Контакт»»)

М. П. Малько

пред. совета (ассоциация «Лига медиаторов Южного Урала»)

Е. В. Морозова

президент (АНО ДПО «Центр переговоров и урегулирования споров (медиации)»)

Е. А. Нахова

канд. юрид. наук, доц. (С.-Петербург. ин-т (филиал) ФГБОУ ВО
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»)

С. В. Сатикова

канд. экон. наук, доц. (С.-Петербург. гос. ин-т психологии и соц. работы), медиатор

А. Н. Сунами

доц., пред. научной комиссии в области философии, этики
и религиоведения (С.-Петербург. гос. ун-т)

М. Ю. Ярцев

эксперт-медиатор Центра медиации (С.-Петербург. гос. ун-т)